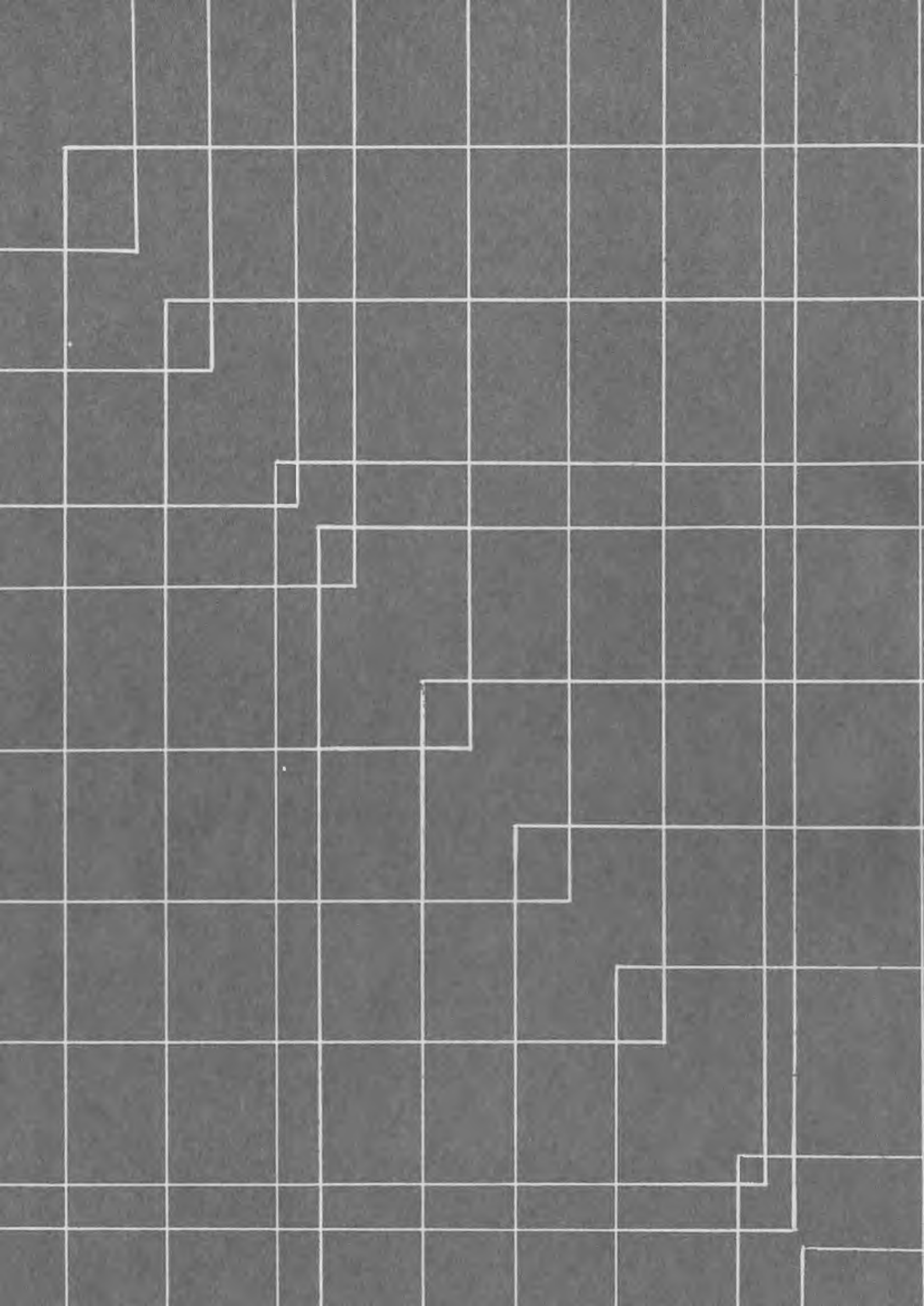

Николай Носов

Рассказы. Сказки. Повести

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
Москва • 1969**

Николай **Н**осов

**РАССКАЗЫ
СКАЗКИ
ПОВЕСТИ**

P2
H84

ОФОРМЛЕНИЕ
Л. ЗУСМАНА

7 – 6 – 2

О Николае Носове

Я познакомился с творчеством Носова раньше, чем прочёл его книги.

Вот как это произошло.

У нас в доме стали непостижимым образом пропадать и портиться электроприборы. Рефлекторные нагреватели валялись в чулане с вывернутыми керамическими головками. Почти все штепселя и выключатели были сломаны или, во всяком случае, разобраны до последнего винтика. Электрические лампочки исчезали буквально на глазах.

Несколько раз я наступил на разлитую ртуть, которая каталась из-под моих башмаков тысячами мельчайших шариков, скользких и твёрдых, как алмаз. Все термометры в доме были разбиты, а их жалкие остатки обнаружены в мусорном ведре.

Можно было подумать, что в доме поселился злой дух, который задался целью лишить нас света, тепла и первой медицинской помощи. Затем наступила очередь коробок и ящиков. Все они были непостижимым образом исковерканы и истреблены в течение нескольких дней.

К ужасу, я заметил, что злой дух уже начал подбираться к ящикам моего письменного стола, так как один из них был выдвинут и носил на себе следы пилы-ножовки и стамески.

После этого испортился телефон, перестал работать звонок, прекратилась подача холодной и горячей воды, из кухни запахло газом,

Одним словом, мы оказались на грани катастрофы.

— Я не понимаю, что происходит! — воскликнула моя жена. — Кто это делает?

— Павлик, конечно, — невозмутимо сказала дочь Женя, пожимая плечами.

— Зачем?

— Сооружает инкубатор.

— Что-что?.. — не понял я.

— Инкубатор! — отчеканила Женя. — Чтобы в искусственных условиях выводить цыплят, — пояснила она тоном глубокого превосходства.

— Боже мой! — простонала жена. — Мы пропали!

— Как это ему взбрело в голову?

— Начитался Носова.

— Какого Носова?

— Как! Вы не читали Носова?.. А ещё взрослые! — сказала Женя, глядя на нас с нескрываемым сожалением. — Не читали «Весёлую семейку»?

— Нет. А что?

— А вот то!

Не теряя времени, я схватил со стола закапанную чернилами книжку Носова, развернул её и с тех пор стал усердным читателем и поклонником удивительного советского писателя Николая Носова.

У этого талантливой человека — вечно юная, детски чистая, чудесная душа.

Носов всегда пишет для детей и о детях. Но читают его люди всех возрастов. Он в совершенстве постиг психологию того чудесного, странного, милого человеческого существа, которое называется «мальчик». Уже не дитя, но ещё и не юноша. А именно мальчик. О мальчиках замечательно писал Чехов.

Носов пишет тоже замечательно, но в своём роде. У Носова не просто мальчики, у него советские мальчики, маленькие граждане нашей великой страны. Мальчики Носова несут в себе все черты советского человека: его принципиальность, взволнованность, одухотворённость, вечное стремление к новаторству, привычку изобретать, отсутствие умственной лени.

И всё это хотя и в несколько уменьшенных масштабах, по так же убедительно, психологически достоверно и, может быть, даже значительно ярче, увлекательнее, чем во многих книгах о взрослых.

Одна из книг Носова называется «Фантазёры». Очень хорошее название. Ведь фантазия — родная мать всякого подлинного новаторства, а вся наша советская жизнь есть не что иное, как новаторский путь в прекрасное коммунистическое завтра.

Тридцать лет своего писательского труда отдал Николай Николаевич Носов детской литературе. Его творческий путь достойно отмечен Родиной: он — лауреат Государственной премии, награждён орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды.

Выход этого первого тома его собрания сочинений совпадает со знаменательным рубежом в его жизни — шестидесятилетием со дня рождения.

Носов — умный, вдумчивый художник, полный неистощимого юмора, автор поистине классических книг: «Весёлая семейка», «Дневник Коли Синицына», «Витя Малеев в школе и дома», «Приключения Незнайки» и множества маленьких шедевров в две-три странички, каждый из которых блещит, как яркая жемчужина, в довольно объёмистом ларце нашей детской литературы.

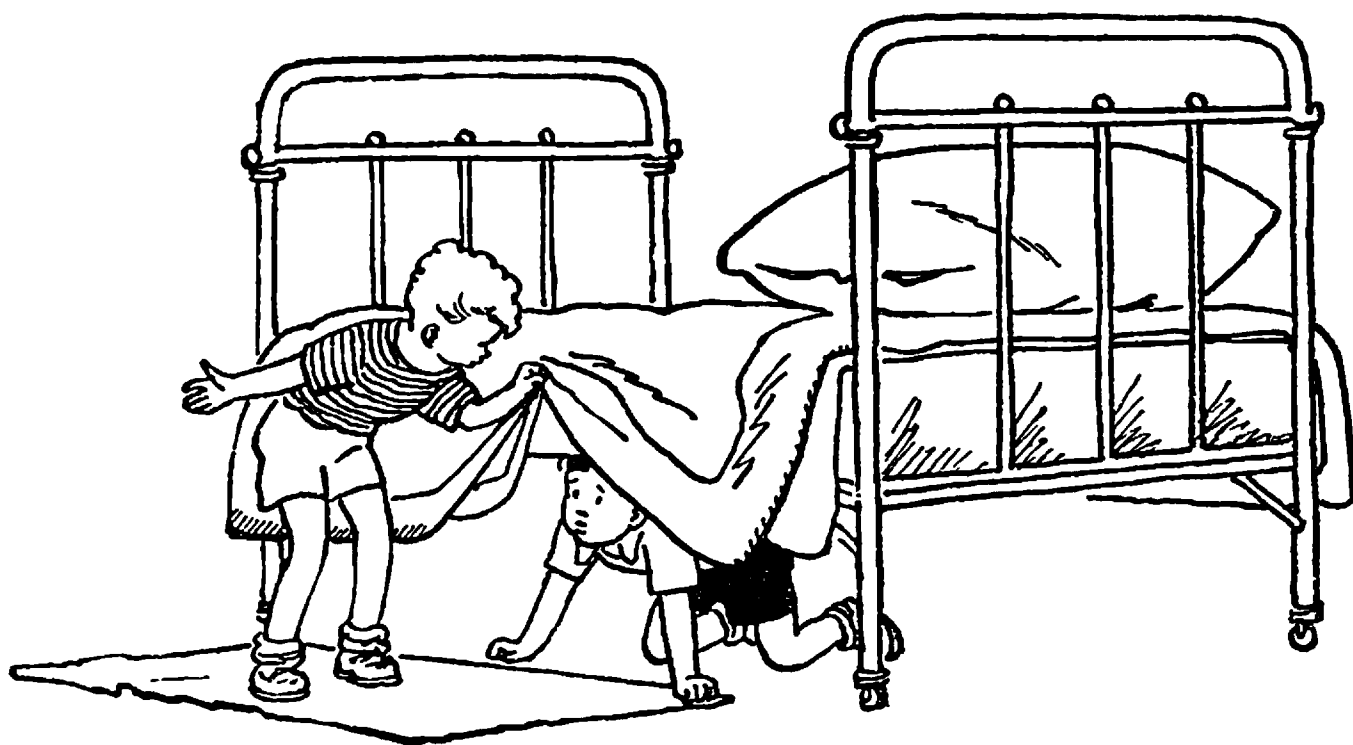
Валентин Катаев

H. Jacob

Р
ассказы
и
сказки

ПРЯТКИ

Витя и Славик – соседи. Они всегда ходят друг к другу в гости. Вот раз Витя пришёл в гости к Славику. Славик ему говорит:

– Давай играть в прятки!

– Давай, – согласился Витя. – Чур, я первый буду прятаться!

– Ну ладно, а я буду водить, – сказал Славик и пошёл в коридор.

Витя побежал в комнату, залез под кровать и кричит:

– Готово!

Славик пришёл, заглянул под кровать и сразу нашёл его. Витя вылез из-под кровати и говорит:

– Это неправильно! Я плохо спрятался! Если б я хорошо спрятался, ты не нашёл бы меня. Я перепрячусь.

– Ну, пожалуйста, перепрятывайся, – согласился Славик и снова пошёл в коридор.

Витя побежал во двор и стал искать, где бы спрятаться. Смотрит – возле сарая собачья конура стоит, а в ней Бобик сидит. Он поскорей выгнал из конуры Бобика, сам залез

на его место и снова кричит:

– Готово!

Славик вышел во двор и стал искать Витю. Искал, искал, никак не может найти.

А Вите надоело в конуре сидеть, он и начал выглядывать из неё. Тут Славик увидел его и закричал:

– А, вот ты куда забрался! Вылезай!

Витя вылез из конуры и говорит:

– Это неправильно! Это не ты меня нашёл. Я сам выглянул.

– Зачем же ты выглянул?

– Мне надоело в конуре скрюченным сидеть. Если б я не был скрюченный, ты не нашёл бы меня. Я перепрячусь.

– Нет, теперь уж моя очередь прятаться, – говорит Славик.

– Ну, тогда я совсем не буду играть! – обиделся Витя.

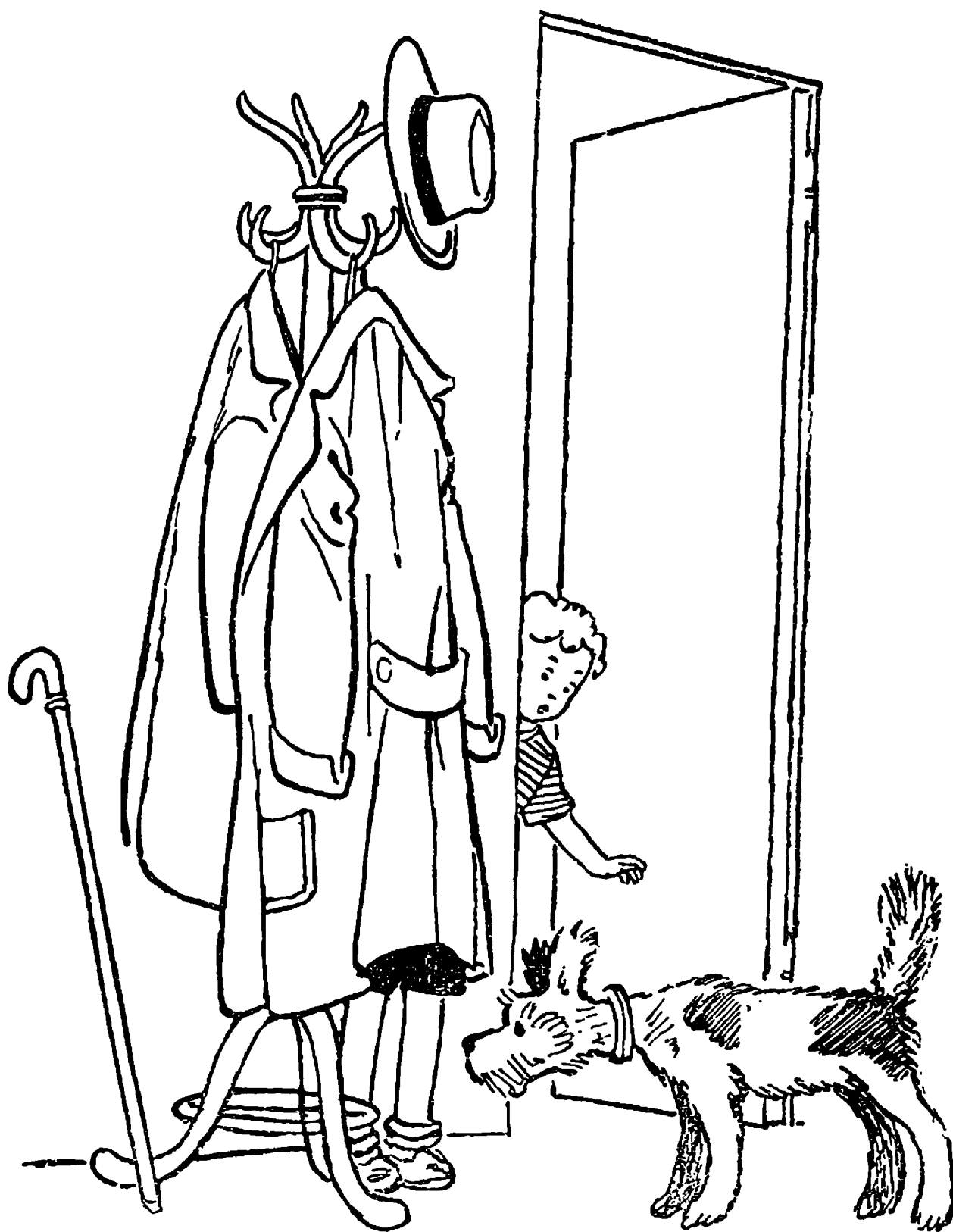
– Ладно, перепрятывайся, раз ты такой, – согласился Славик.

Витя побежал в комнату, закрыл дверь, а сам забрался за вешалку и спрятался под пальто. Славик снова пошёл его искать. Он открыл дверь, а Бобик шмыгнул в неё, подбежал прямо к вешалке и стал ласкаться к Вите. Витя рассердился и начал отталкивать Бобика ногой. Славик увидел и закричал:

– А, вот ты где! За вешалкой! Вылезай!

Витя вылез и говорит:

— Это неправильно! Ты меня не нашёл! Это Бобик меня нашёл. Я перепрячусь.

— Что же это такое? — говорит Славик. — Ты всё время прячешься, а я каждый раз должен искать.

– Вот найди меня ещё раз, тогда ты будешь прятаться,
– сказал Витя.

Славик снова зажмурил глаза, а Витя побежал на кухню, вытащил из посудного шкафчика всю посуду, сам залез в шкафчик и кричит:

– Готово!

Славик пошёл на кухню, видит – из шкафчика вся посуда вытащена, и сразу догадался, где Витя. Он потихоньку подкрался к шкафу, запер его на крючок, а сам побежал во двор и стал играть с Бобиком в прятки. Спрячется, а Бобик его ищет.

«Вот хорошо! – думает Славик. – С Бобиком гораздо лучше играть, чем с Витей».

А Витя сидел в шкафчике, сидел, ему и надоело. Он хотел вылезти, а дверца не открывается. Он испугался и давай кричать:

– Славик! Славик!

Славик услышал и прибежал.

– Выпусти меня отсюда! – закричал Витя. – Дверца почему-то не открывается.

– А будешь меня искать, тогда выпущу.

– Зачем же мне тебя искать, раз ты не нашёл меня.

– Я ведь нашёл.

– Это не ты меня нашёл! Я сам закричал. Если б я не закричал, ты не нашёл бы!

– Ну и сиди себе в шкафчике, а я пойду гулять, – говорит Славик.

– Не имеешь права! – закричал Витя. – Это не по-товарищески!

– А разве по-товарищески – заставлять меня всё время искать?

– По-товарищески.
– Ну, тогда сиди в шкафу до самого вечера.
– Ладно, буду теперь тебя искать, только выпусти, – стал просить Витя.

Славик откинул крючок. Витя вылез из шкафа, увидел крючок и говорит:

– Это ты нарочно запер меня? Не буду за это тебя искать!

– И не надо, – говорит Славик. – Я лучше с Бобиком буду играть.

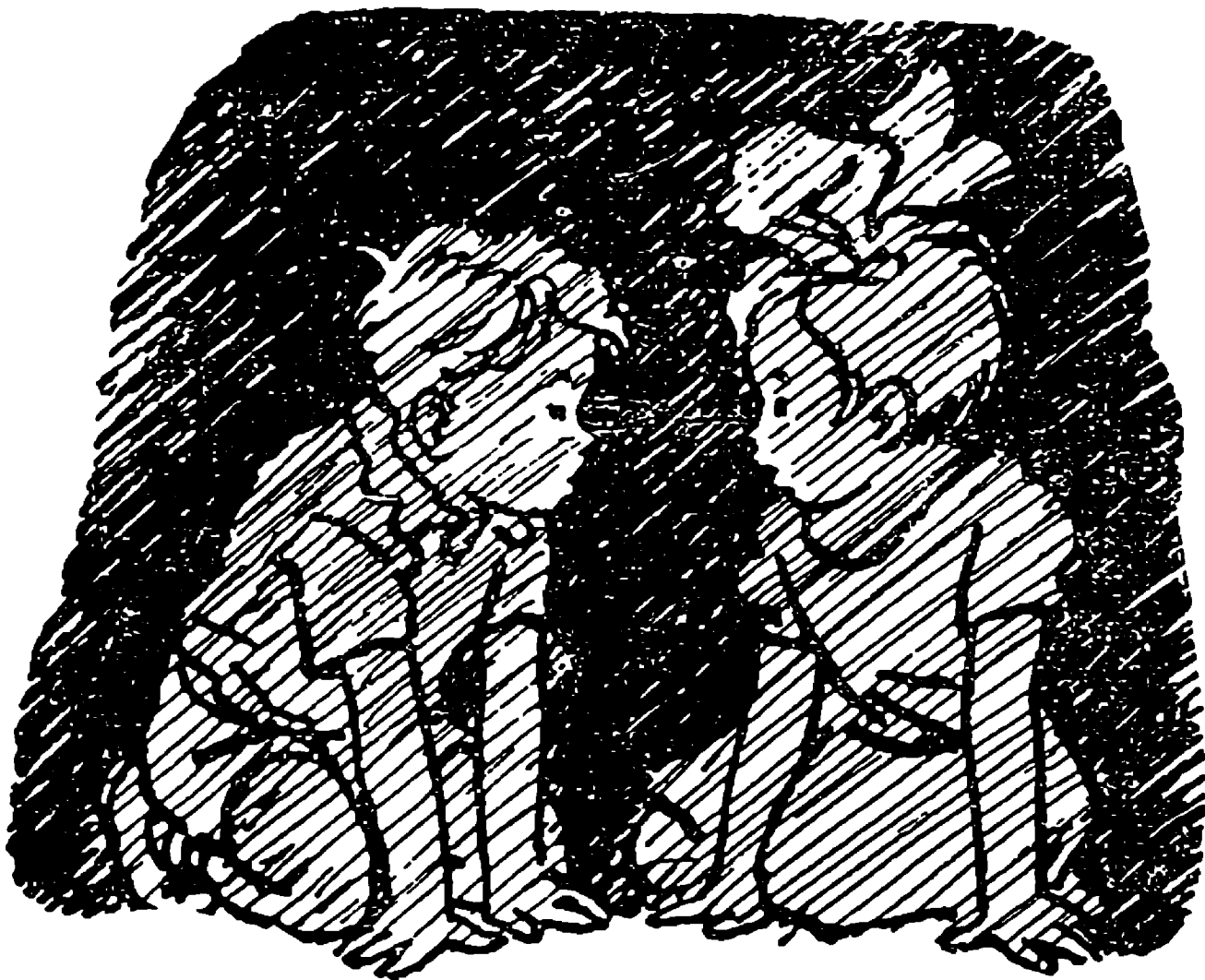
– А разве Бобик умеет искать?

– Ого! Ещё даже лучше тебя!

– Ну, давай тогда вместе от Бобика прятаться.

Витя и Славик пошли во двор и стали прятаться от Бобика. Бобик хорошо умел в прятки играть, только глаза зажимуривать не умел.

ЗАТЕЙНИКИ

Мы с Вале́й зате́йники. Мы всегда зате́ваем какие-нибу́дь игры.

Один раз мы читали сказку «Три поро́сёнка». А потом стали играть. Сначала мы бе́гали по ко́мнате, пры́гали и кри́чали:

— Нам не стра́шен се́рый во́лк!

Потом ма́ма ушла́ в ма́газин, а Ва́ля сказа́ла:

— Дава́й, Пе́тя, сде́лаем се́бе доми́к, как у те́х поро́сят, что́ в сказа́ке.

Мы ста́щили́ с кро́вати оде́яло и за́весили́ им сто́л. Во́т и полу́чился до́м. Мы за́лезли́ в него́, а та́м те́мно-те́мно!

Валя говорит:

– Вот и хорошо, что у нас свой дом! Мы всегда будем здесь жить и никого к себе не пустим, а если серый волк придёт, мы его прогоним.

Я говорю:

– Жалко, что у нас в домике нет окон, очень темно!

– Ничего,— говорит Валя.— У поросят ведь домики бывают без окон.

Я спрашиваю:

– А ты меня видишь?

– Нет. А ты меня?

– И я,— говорю,— нет. Я даже себя не вижу.

Вдруг меня кто-то как схватит за ногу! Я как закричу! Выскочил из-под стола, а Валя за мной.

– Чего ты? — спрашивает.

– Меня,— говорю,— кто то схватил за ногу. Может быть, серый волк?

Валя испугалась и бегом из комнаты. Я — за ней. Выбежали в коридор и дверь захлопнули.

– Давай,— говорю,— дверь держать, чтобы он не открыл.

Держали мы дверь, держали. Валя и говорит:

– Может быть, там никого нет?

Я говорю:

– А кто же тогда меня за ногу трогал?

– Это я,— говорит Валя,— я хотела узнать, где ты.

– Чего же ты раньше не сказала?

– Я,— говорит,— испугалась. Ты меня испугал.

Открыли мы дверь. В комнате никого нет. А к столу подойти всё таки боимся: вдруг из под него серый волк вылезет!

Я говорю:

– Пойди сними одеяло.

А Валя говорит:

— Нет, ты пойдё!

Я говорю:

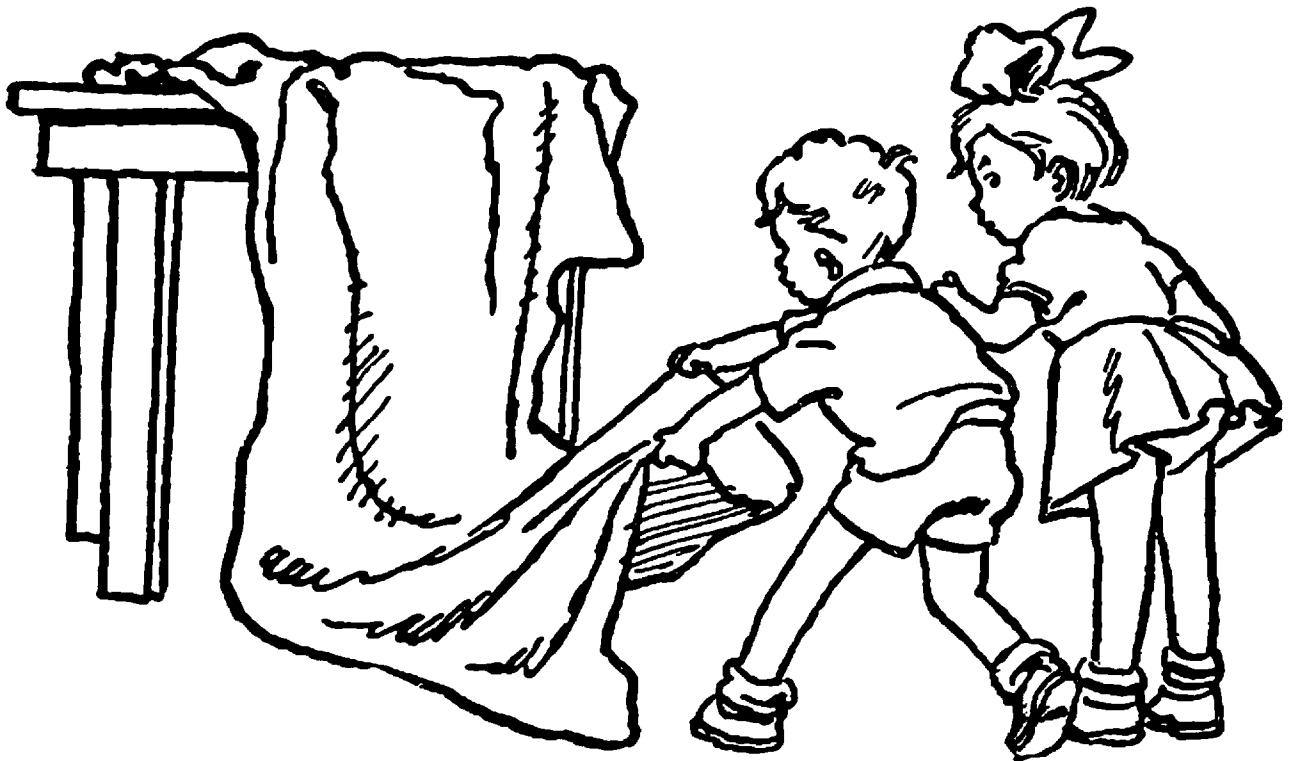
— Там же никого нет.

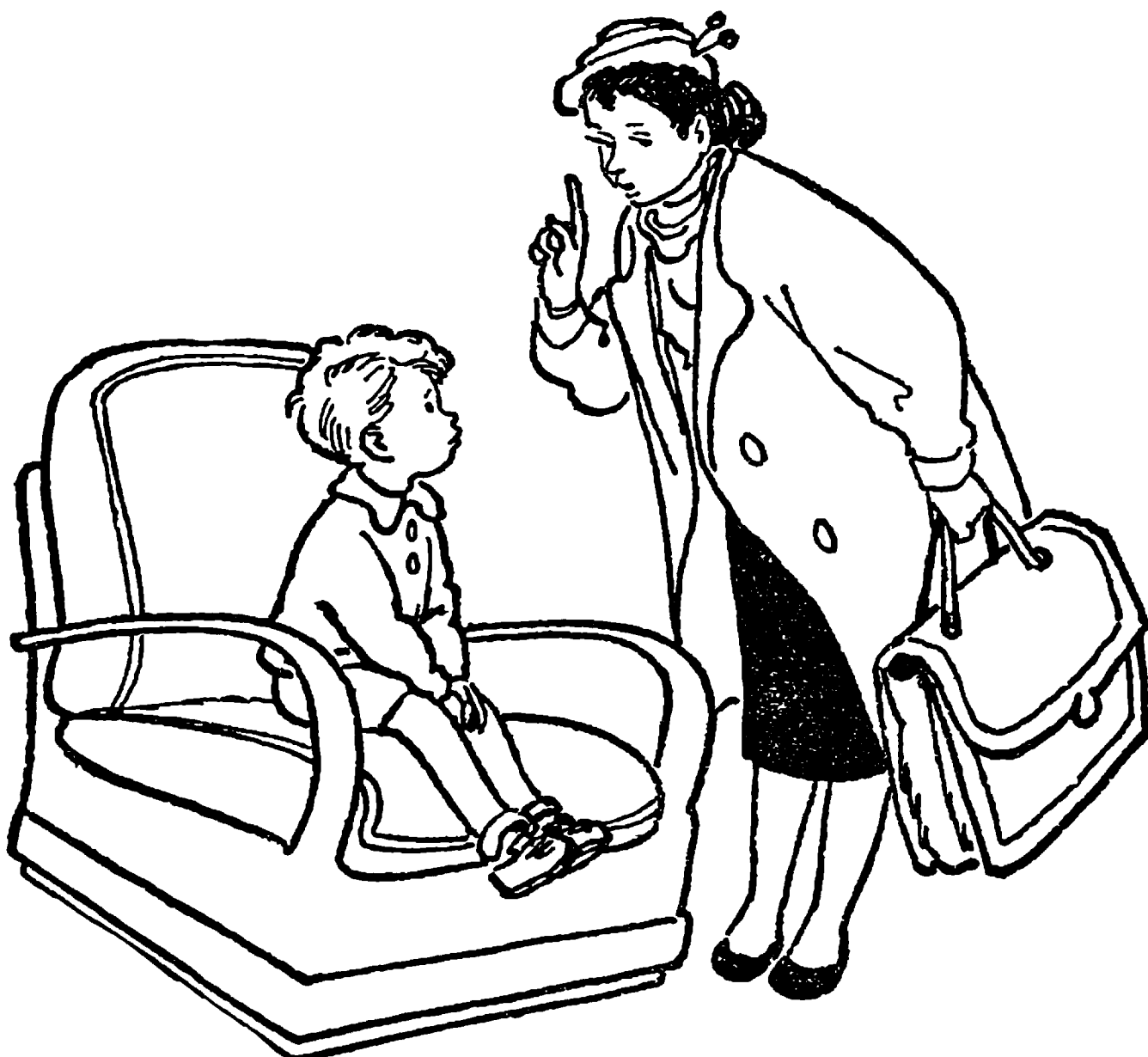
— А может быть, есть!

Я подкрался на цыпочках к столу, дёрнул за край одеяла и бегом к двери. Одеяло упало, а под столом никого нет. Мы обрадовались. Хотели починить домик, только Валя говорит:

— Вдруг опять кто-нибудь за ногу схватит!

Так и не стали больше в «три поросёнка» играть.

ЛЕДЕНЕЦ

Мама уходила из дому и сказала Мише:

— Я уйду, Мишенька, а ты води себя хорошо. Не шали без меня и ничего не трогай. За это подарю тебе большой красный леденец.

Мама ушла. Миша сначала вёл себя хорошо: не шалил и ничего не трогал. Потом он только подставил к буфету стул, залез на него и открыл у буфета дверцы. Стоит и смотрит в буфет, а сам думает:

«Я ведь ничего не трогаю, только смотрю».

А в буфете стояла сахарница. Он взял её и поставил на стол.

«Я только посмотрю, а ничего трогать не буду», — думает.

Открыл крышку, видит — там что-то красное сверху.

— Э, — говорит Миша, — да это ведь леденец! Наверно, как раз тот самый, который мне обещала мама.

Он запустил в сахарницу руку и вытащил леденец.

— Ого, — говорит, — большущий! И сладкий, должно быть.

Миша лизнул его и думает:

«Пососу немножко и положу обратно».

И стал сосать. Пососёт, пососёт и посмотрит, много ли ещё осталось. И всё ему кажется — много. Наконец леденец стал совсем маленький, со спичку. Тогда Мишенька положил его обратно в сахарницу. Стоит, пальцы облизывает, смотрит на леденец, а сам думает:

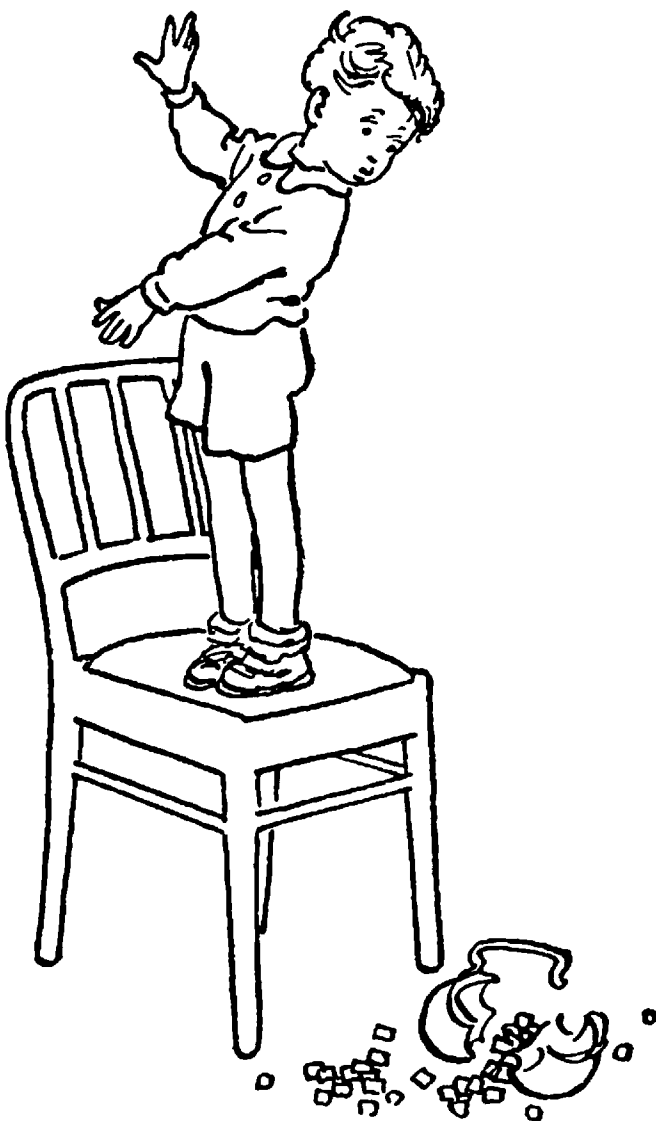
«Съем я его совсем. Всё равно мне мама отдаст. Ведь я хорошо себя веду, не шалю и ничего такого не делаю».

Миша достал леденец, сунул в рот, а сахарницу хотел на место поставить. Взял её, а она прилипла к рукам — и бух на пол. Разбилась на две половинки. Сахар рассыпался.

Мишенька испугался:

«Что теперь мама скажет?»

Взял он две половинки и прислонил друг к дружке. Они ничего, держатся. Даже незаметно, что сахарница разбита.

Он сложил сахар обратно, накрыл крышкой и осторожно поставил в буфет.

Наконец мама приходит:

– Ну, как ты себя вёл?

– Хорошо.

– Вот умница! Получай леденец.

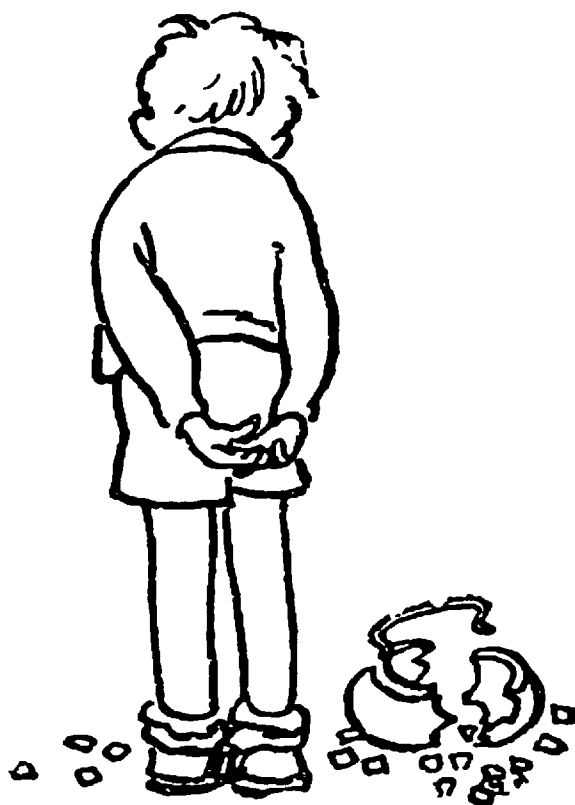
Мама открыла буфет, взяла сахарницу... Ах!.. Сахарница развалилась, сахар посыпался на пол.

– Что ж это такое? Кто сахарницу разбил?

– Это не я. Это она сама...

– Ах, сама разбилась! Ну, это понятно. А леденец то куда девался?

– Леденец... Леденец... Я его съел. Я себя вёл хорошо, ну и съел его. Вот...

ПРО РЕПКУ

Вот и весна пришла. На небе засияло яркое солнышко. Стало тепло на дворе, даже не нужно было пальто надевать — совсем как летом. Из-под земли вылезла зелёная травка. Молодые липки на улице ещё вчера стояли совсем-совсем голые, а сегодня они в один день покрылись маленькими листочками, такими мягкими, нежными. Очень радостно было смотреть на них! В этот день Павлик пришёл из детского сада домой и сказал маме:

— Мама, скоро мы поедem с детским садом на дачу! Нам Ольга Николаевна сказала. Через неделю.

— Вот и хорошо,— сказала мама.— Будешь там отдыхать, на даче.

А я и не устал вовсе,— ответил Павлик.— Зачем же мне отдыхать? Лучше я буду что-нибудь делать.

– Ну, будешь собирать в лесу ягоды и грибы. Будешь ловить в поле бабочек. Хочешь, я куплю тебе сачок для бабочек?

Павлик задумался:

– Лучше купи мне лопату, чтобы землю копать. Я буду огород сажать.

– Хорошо,– сказала мама и купила ему лопатку.

На другой день Павлик принёс лопатку в детский сад и всем показывал:

– Смотрите, какая у меня лопата есть! Я буду огород сажать.

Дети окружили его и стали смеяться:

– Разве ребята сажают огород? У тебя всё равно ничего не вырастет.

– Почему не вырастет? Вырастет!– сказал Павлик.

– Нет, не вырастет! Нет, не вырастет!

Ну и крик тут поднялся! Ребят было много, и все так громко кричали. Разве мог Павлик перекричать всех? От обиды он чуть не заплакал.

– Ты не плачь,– сказала ему самая маленькая девочка, Ниночка.– Хочешь, будем вместе сажать огород? Я тебе помогать буду, и у нас вырастет большой пребольшой огород.

– Конечно, вырастет,– сказал Павлик.

Он успокоился и больше не спорил с ребятами. Вечером пришла за ним бабушка, и он сказал:

– Бабушка, бабушка, а вырастет у меня огород?

– Вырастет.

– А что я сажать буду, бабушка? У меня ведь нет никаких семян.

– Я куплю.

– Так ты поскорей купи, бабушка, а то мы скоро уедем.

– Завтра куплю.

На следующее утро Павлик проснулся, а бабушка ему говорит:

– Вот твои семена.

И дала ему небольшой бумажный пакетик. Павлик посмотрел, а в пакете – зёрнышки, маленькие-маленькие! Каждое величиной с маковку.

– Что же это за семена? – спросил он.

– Это семена репки.

– Отчего же они такие маленькие?

– Такие уж семена у репки, – сказала бабушка.

– И из каждого зёрнышка вырастет репка? – спросил Павлик.

– Вырастет.

– Да как же она вырастет, бабушка?

– Так уж и вырастет. Сам увидишь.

Бабушка объяснила Павлику, как вскопать землю и сделать грядку и как посадить семена. Павлик слушал внимательно и всё понял. Он взял с собой семена в детский сад и стал показывать ребятам:

– Ребята, ребята, посмотрите, какая у меня репка!

– Какая же это репка? – удивились ребята. – Репка большая, а это какой то мак.

– Нет, не мак, – сказал Павлик. – Это репкины семена, а из них репка вырастет.

– Как же она вырастет?

– Не знаю.

– Сам не знаешь, а говоришь, – сказали ребята и не стали его слушать.

Неделя быстро прошла, и детский сад уехал на дачу. В первый же день, как только приехали, Павлик пошёл к Ольге Николаевне и спросил:

– Ольга Николаевна, можно, я буду огород сажать? У меня семена есть.

– Можно, – сказала Ольга Николаевна.

Она показала Павлику место за домом, где можно было устроить грядку. Павлик взял лопатку и принялся вскапывать землю. Прибежали ребята и стали смотреть.

Земля была твёрдая, и копать было трудно. Павлик очень старался и не хотел бросать начатого дела. Ниночка увидела, что он очень устал, и сказала:

– Дай теперь мне покопать, Павлик, ты устал.

– Ну, покопай немножечко,– согласился Павлик,– а потом снова я.

Ниночка взяла лопату и стала копать. Ребята смотрели, смотрели, им тоже захотелось покопать.

– Дай и нам покопать,– стали просить они Павлика.

– Копайте,– говорит Павлик.

Ребята по очереди стали копать. Они даже заспорили между собой, кому раньше копать, но Павлик сказал:

– Если будете спорить, то совсем заберу лопату.

Тогда ребята утихли и стали работать без шума.

До обеда грядка была готова, а после обеда Павлик разрыхлил землю граблями и принялся сажать семена.

– Дай и нам посадить,– стали просить ребята.

– Не могу. Мне самому интересно,– ответил Павлик.

– Дай! Мы ведь тоже землю копали,– сказал Толя.

– Я ведь не заставлял вас.

– Ну, дай хоть одно зёрнышко!

Павлик дал ему посадить одно семечко. Тогда и другие ребята стали просить. Пришлось каждому дать по зёрнышку. Но это ничего. Зёрнышек было много, так что некоторые даже по две штучки посадили.

На следующий день ребята проснулись рано и сразу побежали в огород. Всем хотелось поскорей посмотреть, не взошли ли семена, но, конечно, семена не могли так быстро взойти.

– Если огород поливать, то семена быстро взойдут,– сказала Надя.

Ребята побежали к Ольге Николаевне, попросили у неё садовую лейку и стали поливать грядку водой. Теперь каждое утро они поливали грядку из лейки и смотрели, не показываются ли из земли ростки.

Но прошло несколько дней, а ростков никаких не было видно.

— Что же это такое? — говорили ребята.— Мы, наверно, зёрнышки вверх ногами посадили — вот они и растут вниз, а не вверх.

И ребята перестали поливать огород. Павлик думал:

«Может быть, мы и на самом деле зёрнышки вниз головой посадили? Разве разберёшь, где у них голова, где ноги! Они маленькие!»

Ещё два дня он поливал огород, а потом тоже бросил.

— Вот тебе и выросла репка! — говорили ребята.— Даром только трудились.

Павлик перестал думать об огороде. Он играл вместе с ребятами, собирал в лесу ягоды, ловил в поле бабочек и придумал устроить во дворе кормушку для птиц. Ребята приносили остатки от обеда и ужина и кормили птичек, которые прилетали из леса.

Один раз Павлик бежал мимо грядки и увидел, что на ней появилась зелёная травка.

— Ну вот,— сказал он,— уже наш огород зарастает травой!

Тут он заметил, что травка растёт правильными рядами, будто её кто-то нарочно посадил.

— Да это ведь наша репа растёт! — закричал Павлик.

Прибежали ребята.

— А может быть, это и не репа? — сказали они.

– Вот увидите, что будет репка,– ответил Павлик.– Раз бабушка сказала – репка, значит, и будет репка.

Ребята снова стали поливать огород. Травка вырастала всё больше и больше и превратилась в кустики с большими листьями. Но время незаметно прошло, и наступила пора уезжать в город.

– Эх,– горевал Павлик,– не успела вырасти репка!

Он пошёл к Ольге Николаевне и спросил:

– А когда мы уедем, кто здесь будет на даче жить?

– Приедут другие дети, из другого детского сада.

– А! Ну, тогда хорошо. Пусть они себе мою репку возьмут, когда вырастет.

Ребята уехали. Стало тихо на даче. Только птички порхали возле пустой кормушки и громко чирикали, будто спрашивали друг друга, куда делись дети. На следующий день приехали ребята из другого детского сада. Они бегали по всему двору, заглядывали во все уголки.

– Глядите, огород! – закричал кто то.

Отовсюду сбежались дети. Кто-то вырвал несколько кустиков из земли. Тут прибежала самая старшая девочка, Зина.

– Зачем же вы топчете огород? – закричала она.– Как вам не стыдно! Кто-то сажал, а вы разоряете! Ну-ка, сажайте кустики обратно!

Ребята послушно посадили кустики в землю. Зина придумала сделать вокруг грядки ограду. Ребята побежали собирать палочки и сделали из них вокруг огорода забор. С тех пор никто больше не топтал грядку.

Наступило жаркое время. Солнышко по целым дням припекало всё сильнее и сильнее. Две недели подряд не было дождика, даже не появилось ни одной тучки. Земля

на грядке вся высохла и потрескалась. Кустики стали вянуть. Листики на них опустились книзу и начали даже желтеть. Однажды Зина шла мимо грядки.

— Бедные кустики,— сказала она,— совсем завяли! Если не будет дождика, они вовсе засохнут.

Она взяла кружку, принесла воды и стала поливать грядку.

Ребята увидели и прибежали кто с кастрюлей, кто с чайником, а кто и просто со стаканом. Грядку полили так, что вся земля стала мокрая. Потом ребята нашли в сарае старую садовую лейку и с тех пор каждый день поливали грядку из лейки.

Через несколько дней кустики ожили. Листочки поднялись кверху и снова стали зелёные. К концу лета они разрослись так пышно, что вся грядка покрылась зеленью, а внизу под листьями виднелись верхушки больших жёлтых репок.

— Чья же это репка? — спрашивали ребята.— Кто её посадил?

— Должно быть, те дети, которые здесь жили до нас, из другого детского сада,— сказала Зина.

Перед отъездом с дачи ребята решили убрать огород. Все стали дёргать из земли репку и складывать её на траву в кучу. Куча получилась порядочная,

— Большой урожай получился!— радовались ребята.

Они уселись вокруг и долго любовались репкой. Каждый думал, что теперь делать с ней...

Вот и осень пришла.

— Надевай-ка пальто и калошки, на дворе холодно,— сказала Павлику бабушка, когда он утром собирался идти в детский сад.

Павлик оделся и вышел во двор. Все лужи вокруг замёрзли. Тонкий ледок так и хрустит под ногами. А листьев-то сколько с деревьев напало! Прямо как по ковру идёшь.

В этот день Ольга Николаевна занималась с ребятами. Дети играли в школу. Они рисовали картинки, а Ольга Николаевна ставила всем отметки. Вдруг кто то постучал в дверь. Ольга Николаевна отворила, и в комнату вошёл почтальон. В руках у него был ящик, обшитый материей, на которой большими фиолетовыми буквами был написан адрес детского сада.

– Вам посылка,— сказал почтальон и поставил ящик на стол.

– А что в этой посылке? – стали спрашивать дети.

– Не знаю, ребята. Что-то очень тяжёлое – насилу я дотащил,— сказал почтальон.

Он попрощался и ушёл. Ольга Николаевна распоролa материю, которой был обшит ящик, и открыла крышку.

– Ничего не понимаю,— пробормотала она.— Какая то репа!

Все ребята толпились вокруг и приподнимались на цыпочки: каждому хотелось заглянуть в ящик. Павлик даже на стул взобрался.

– Правда репка! – закричал он.— Вот смешно!

Кто же это мог нам репку прислать?

Тут и другие дети стали на стулья взбираться.

– Погодите, ребята, тут письмо есть,— сказала Ольга Николаевна.

Она взяла письмо, которое лежало в посылке, и стала читать:

– «Дорогие ребята! Когда вы уехали с дачи, мы ухаживали за вашей репкой. А когда лето кончилось, мы собрали весь урожай. Репка выросла большая и очень вкусная. Мы все ели, и нам очень понравилось. Мы узнали ваш адрес и решили послать вам репку в посылке. Кушайте на здоровье!»

– Значит, это та репка, которую мы сажали! – закричали ребята.— Вот какая она большая выросла!

Ольга Николаевна поставила ящик на стул, чтобы всем было видно. Ребята смотрели на репку и прыгали от радости. Ну и крику тут было!

Вечером за ребятами пришли родители. Ребята стали показывать им репку и рассказывать, как они садили её, как поливали, как она не хотела расти, а потом как начала расти, да не успела вырасти, а потом как её вырастили другие ребята и прислали в посылке.

С тех пор, когда в детский сад приходил кто-нибудь из взрослых, кто ещё не видел репки, ребята вели его в

комнату, показывали репку и снова рассказывали всю эту историю с начала и до конца. А когда в детский сад поступал кто-нибудь из новых ребят, то ему первым долгом показывали репку и тоже рассказывали всю эту историю.

Репка пролежала в ящике до середины зимы, и тогда Ольга Николаевна сказала, что репку надо съесть, потому что она не может так долго лежать в тёплом помещении. Репку снесли на кухню и попросили тётю Дашу приготовить её. Тётя Даша почистила репку, аккуратно нарезала её кружочками, обдала кипятком, чтобы репка не была горькая, и полила маслом. Ребята сидели за столом, ели репку и хвалили её:

– Ах, какая вкусная репка!

– А помните, какие были репкины семена? – сказал Толя. – Совсем-совсем крошечные! Удивительно, как из них выросла такая репка.

Это всё Павлик придумал, – сказали ребята. – Если б не Павлик, никакой репки не было бы.

МИЛИЦИОНЕР

Больше всего на свете Алик боялся милиционеров. Его всегда дома милиционером пугали. Не слушается — ему говорят:

— Вот сейчас милиционер придёт! Нашалит — снова говорят:

— Придётся тебя в милицию отправить!

Один раз Алик заблудился. Он даже сам не заметил, как это случилось. Он вышел гулять во двор, потом побежал на улицу. Бегал, бегал и очутился в незнакомом месте. Тут он, конечно, стал плакать. Вокруг собрался

народ. Стали спрашивать:.

– Где ты живёшь?

А он и сам не знает!

Кто то сказал:

– Надо его в милицию отправить. Там найдут его адрес.

А Алик, как услышал про милицию, ещё громче заплакал.

Тут милиционер подошёл. Он наклонился к Алику и спрашивает:

– Тебя как звать то?

Алик поднял голову, увидел милиционера – и бегом от него. Только недалеко убежал. Его быстро поймали и держат, чтобы не забежал ещё куда-нибудь. А он кричит:

– Не хочу в милицию! Не хочу! Лучше я заблуженный буду!

Ему говорят:

– Нельзя так, чтоб заблуженным быть.

– Я и так как-нибудь найдусь!

– Как же так найдёшься? Так не найдёшься!

Тут милиционер снова подошёл. Алик увидел его и такой крик поднял, что милиционер только рукой махнул, отошёл и спрятался за ворота. Люди говорят:

– Ну не кричи. Ушёл милиционер, видишь – нет его!

– Нет, не ушёл. Вон он за воротами спрятался, я вижу!

А милиционер кричит из за ворот:

– Граждане, узнайте хоть его фамилию, я в милицию позвоню по телефону!

Одна женщина говорит Алику:

– Вот у меня есть знакомый маленький мальчик, он никогда не заблудится, потому что свою фамилию знает.

– Я тоже знаю фамилию, – говорит Алик.

– А ну скажи.

– Кузнецов. А зовут Александр Иванович.

– Ишь ты. Молодец! – похвалила женщина. – Ты, оказывается, всё знаешь!

Она пошла к милиционеру и сказала ему фамилию Алика. Милиционер позвонил по телефону в милицию,

потом приходит и говорит:

— Он совсем недалеко живёт: на Песчаной улице. Кто поможет отвести мальчугана домой? А то он меня почему-то боится.

— Давайте я отведу. Кажется, он уже ко мне немного привык,— сказала женщина, которая узнала фамилию Алика.

Она взяла Алика за руку и повела домой. А милиционер сзади пошёл. Алик успокоился и перестал плакать. Только он всё время оглядывался на милиционера и спрашивал:

— А зачем милиционер сзади идёт?

— Ты не бойся его! Это он для порядка. Видишь, ты не хотел сказать ему свою фамилию, а я сказала. Он позвонил в милицию, и там быстро нашли твой адрес, потому что в милиции все фамилии и адреса записаны.

С тех пор Алик милиционеров уже не боится. Знает, что они для порядка.

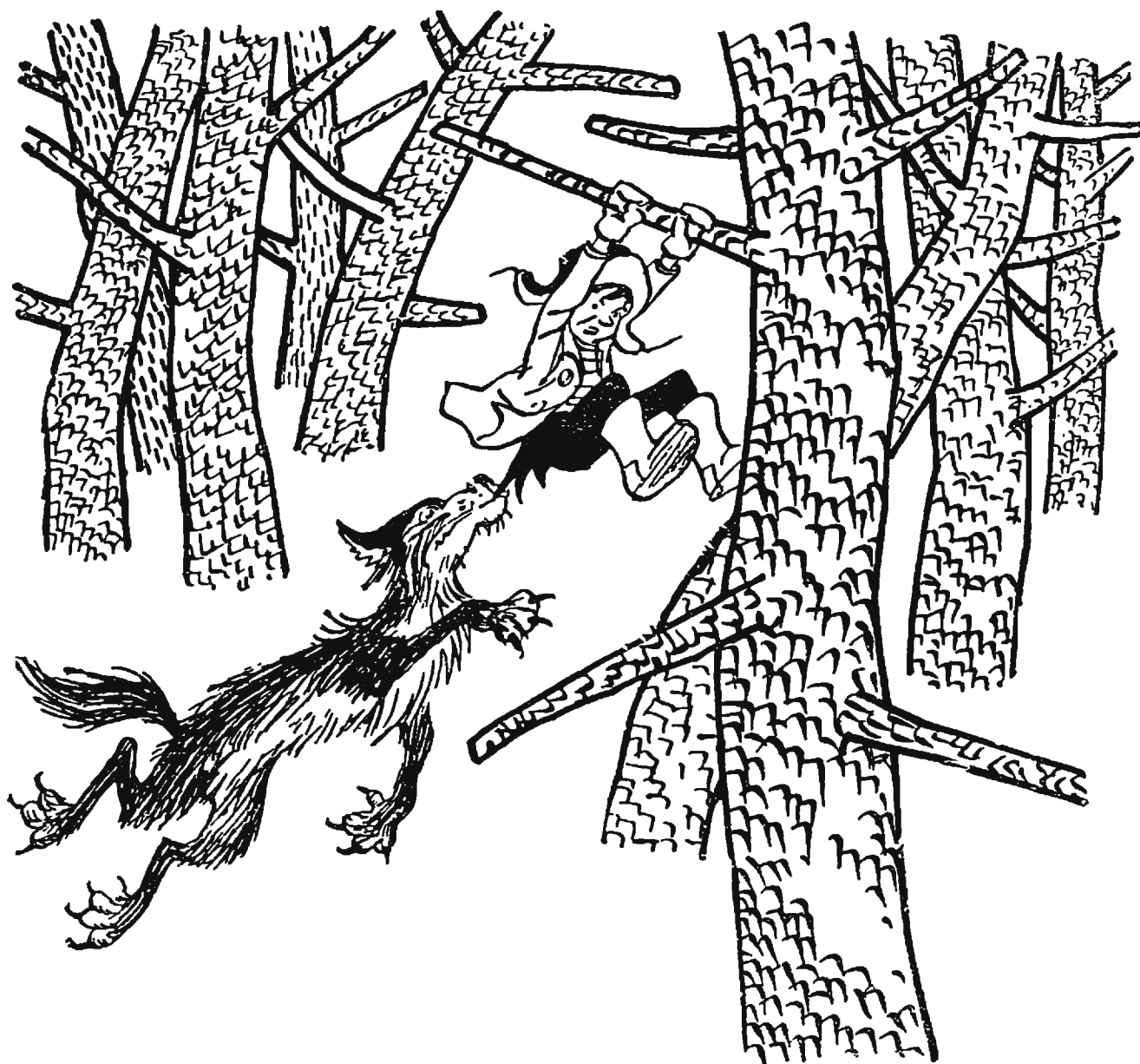

ТРИ ОХОТНИКА

Жили-были три весёлых охотника: дядя Ваня, дядя Федя да дядя Кузьма. Вот пошли они в лес. Ходили, ходили, много разных зверушек видели, но никого не убили. И решили устроить привал: отдохнуть, значит. Уселись на зелёной лужайке и стали рассказывать друг другу разные интересные случаи.

Первым рассказал охотник дядя Ваня.

— Вот послушайте,— сказал он.— Давно это было. Пошёл я как то зимою в лес, а ружья у меня в ту пору не было: я тогда маленький был. Вдруг смотрю — волк. Огромный такой. Я от него бежать. А волк то, видать, заметил, что я без ружья. Как побежит за мной!

«Ну,— думаю,— не удрать от него мне».

Смотрю — дерево. Я на дерево. Волк хотел цапнуть меня, да не успел. Только штаны сзади зубами порвал. Залез я на дерево, сижу на ветке и трясусь от страха. А волк сидит внизу на снегу, поглядывает на меня и облизывается.

Я думаю: «Ладно, посижу здесь до вечера. Ночью волчишка заснёт, я от него удеру».

К вечеру, однако, ещё один волк пришёл. И стали они меня вдвоём караулить. Один волк спит, а другой стережёт, чтоб я не сбежал. Немного погода пришёл третий волк. Потом ещё и ещё. И собралась под деревом целая волчья стая. Сидят все да зубами щёлкают на меня. Ждут, когда я свалюсь к ним сверху.

Под утро мороз ударил. Градусов сорок. Руки ноги у меня заоченели. Я не удержался на ветке. Бух вниз! Вся волчья стая как набросится на меня! Что то как затрещит!

«Ну,— думаю,— это кости мои трещат».

А оказывается, это снег подо мной провалился. Я как полечу вниз и очутился в берлоге. Внизу, оказывается, медвежья берлога была. Медведь проснулся, выскочил от испуга наружу, увидел волков и давай их драть. В одну минуту разогнал всех волчишек.

Я осмелел, потихоньку выглянул из берлоги. Смотрю: нет волков — и давай бежать. Прибежал домой, еле отдышался. Ну, моя маменька дырку на штанах зашила, так что совсем незаметно стало. А папенька, как узнал про этот случай, так сейчас же купил мне ружьё, чтоб я не смел без ружья по лесу шататься. Вот и стал я с тех пор охотник.

Дядя Федя и дядя Кузьма посмеялись над тем, как дядя Ваня напугался волков. А потом дядя Федя и говорит:

— Я раз тоже в лесу напугался медведя. Только это летом было. Пошёл я однажды в лес, а ружьё дома забыл. Вдруг навстречу медведь. Я от него бежать. А он за мной.

Я бегу быстро, ну, а медведь ещё быстрее. Слышу, уже сопит за моей спиной. Я обернулся, снял с головы шапку и бросил ему.

Медведь на минутку остановился, обнюхал шапку и опять за мной. Чувствую – опять настигает. А до дому ещё далеко. Снял я на ходу куртку и бросил медведю.

Думаю: хоть на минуточку задержу его.

Ну, медведь разодрал куртку, видит – ничего в ней съедобного. Снова за мной. Пришлось мне бросить ему и брюки, и сапоги. Ничего не поделаешь: от зверя то надо спастись!

Выбежал я из леса в одной майке и трусиках. Тут впереди речка и мостик через неё. Не успел я перебежать через мостик – как затрещит что то! Оглянулся я, а это мостик под медведем рухнул. Медведь – бултых в речку!

«Ну, – думаю, – так тебе и надо, бродяга, чтоб не пугал людей зря».

Только под мостиком было неглубоко. Медведь вылез на берег, отряхнулся как следует и в лес обратно ушёл.

А я говорю сам себе:

«Молодец, дядя Федя! Ловко медведя провёл!

Только как мне теперь домой идти? На улице люди

увидят, что я чуть ли не голышом, и на смех поднимут».

И решил: посижу здесь в кусточках, а стемнеет, пойду потихоньку. Спрятался я в кустах и сидел там до вечера, а потом вылез и стал пробираться по улицам. Как только увижу, что кто-нибудь идёт навстречу, сейчас же шмыгну куда-нибудь за угол и сижу там в потёмках, чтоб на глаза не попадаться.

Наконец добрался до дома. Хотел дверь открыть, хватить-похватить, а ключа у меня и нет! Ключ то у меня в кармане лежал, в куртке. А куртку то я медведю бросил. Надо бы мне сначала ключ из кармана вынуть, да не до того было.

Что делать? Попробовал дверь выломать, да дверь оказалась крепкая.

«Ну,— думаю,— не замерзнуть же ночью на улице».

Высадил потихоньку стекло и полез в окошко.

Вдруг кто-то меня за ноги хватить! И орёт во всё горло: «Держите его! Держите!» Сразу людей набежало откуда-то.

Одни кричат:

«Держите его! Он в чужое окошко лез!»

Другие вопят:

«В милицию его надо! В милицию!»

Я говорю:

«Братцы, за что же меня в милицию? Я ведь в свой дом лез».

А тот, который схватил меня, говорит:

«Вы его не слушайте, братцы. Я за ним давно слежу. Он всё время по тёмным углам прятался. И дверь хотел выломать, а потом в окно полез».

Тут милиционер прибежал. Все ему стали рассказывать, что случилось.

Милиционер говорит:

«Ваши документы!»

«А какие у меня, говорю, документы? Их медведь съел».

«Вы бросьте шутить! Как это медведь съел?»

Я хотел рассказать, а никто и слушать не хочет.

Тут на шум соседка тётя Даша из своего дома вышла. Увидала меня и говорит:

«Отпустите его. Это же наш сосед, дядя Федя. Он на самом деле в этом доме живёт».

Милиционер поверил и отпустил меня.

А на другой день купил я себе новый костюм, шапку и сапоги. И стал я с тех пор жить да поживать, да в новом костюме щеголять.

Дядя Ваня и дядя Кузьма посмеялись над тем, что

приключилось с дядей Федей. Потом дядя Кузьма сказал:

– Я тоже однажды медведя встретил. Это было зимой. Пошёл я в лес. Гляжу – медведь. Я бах из ружья. А медведь брык на землю. Я положил его на санки и повёз домой. Тащу его по деревне на санках. Тяжело. Спасибо, деревенские ребятишки помогли мне его довести до дома.

Привёз я медведя домой и оставил посреди двора. Сынишка мой Игорёк увидел и от удивления рот разинул.

А жена говорит:

«Вот хорошо! Сдерёшь с медведя шкуру, и сошьём тебе шубу».

Потом жена и сынишка пошли пить чай. Я уже хотел начать сдирать шкуру, а тут, откуда ни возьмись, прибежал пёс Фоксик да как цапнет медведя зубами за ухо! Медведь как вскочит, как рявкнет на Фоксика! Оказалось, что он не был убит, а только обмер от испуга, когда я выстрелил.

Фоксик испугался и бегом в конуру. А медведь как бросится на меня! Я от него бежать. Увидел у курятника лестницу и полез вверх. Взобрался на крышу. Гляжу, а медведь вслед за мной полез. Взгромоздился он тоже на крышу. А крыша не выдержала. Как рухнет! Мы с медведем полетели в курятник. Куры перепугались. Как закудахчут, как полетят в стороны!

Я выскочил из курятника. Поскорей к дому. Медведь за мной. Я в комнату. И медведь в комнату. Я зацепился ногой за стол, повалил его. Вся посуда посыпалась на пол. И самовар полетел. Игорёк от страха под диван спрятался.

Вижу я – бежать дальше некуда. Упал на кровать и глаза с перепугу зажмурил. А медведь подбежал, как тряхнёт меня лапой, как зарычит:

«Вставай скорее! Вставай!»

Я открыл глаза, смотрю, а это жена меня будит.

«Вставай, говорит, уже утро давно. Ты ведь собирался идти на охоту».

Встал я и пошёл на охоту, но медведя в тот день не видал больше. И стал я с тех пор жить да поживать, да щи

хлебать, да хлеб жевать, да в новом костюме щеголять, во!

Дядя Ваня и дядя Федя посмеялись над этим рассказом. И дядя Кузьма посмеялся с ними.

А потом все трое пошли домой. Дядя Ваня сказал:

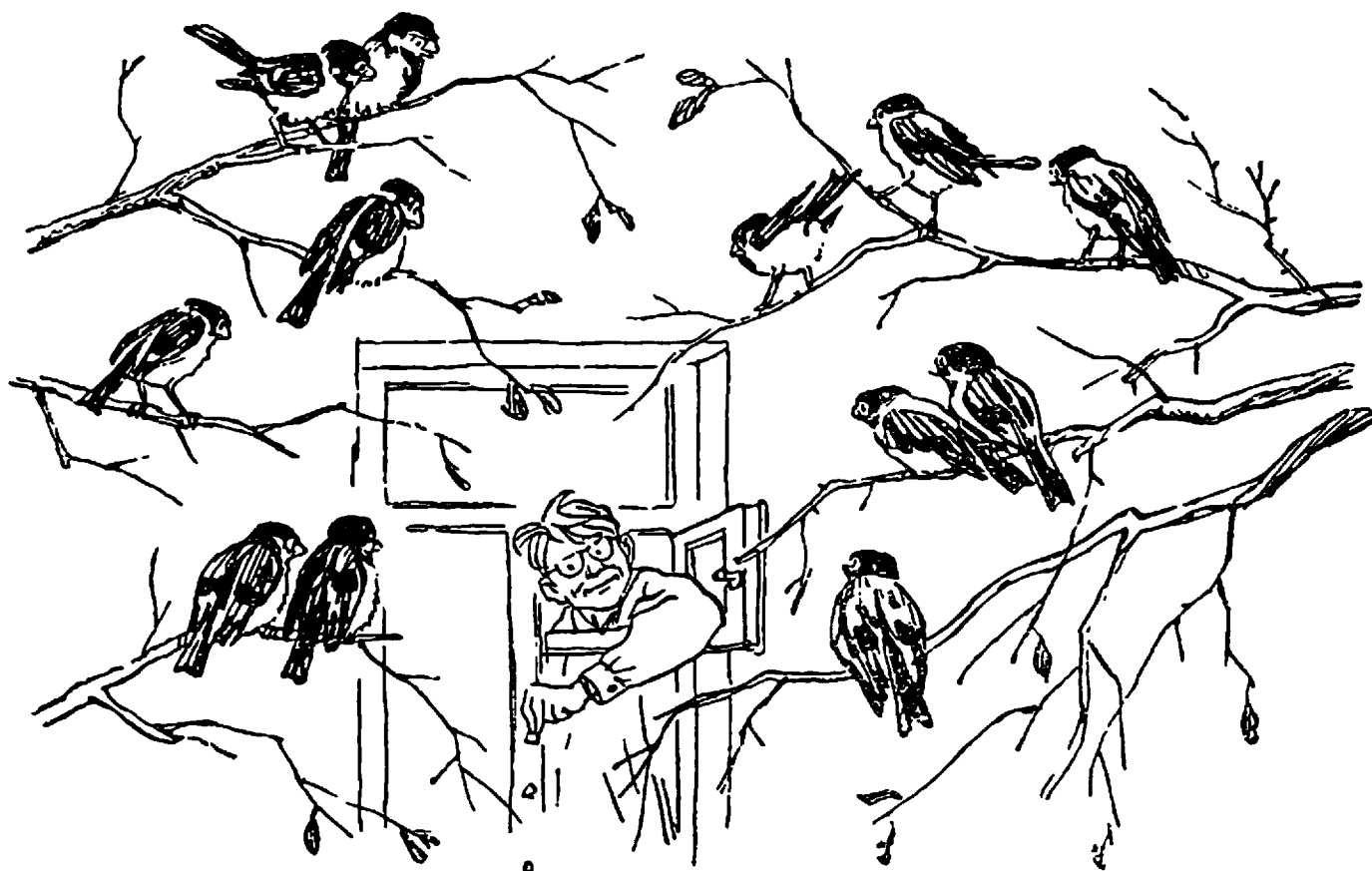
— Хорошо поохотились, правда? И зверушки ни одной не убили, и весело время провели.

— А я и не люблю убивать зверушек,— ответил дядя Федя.— Пусть зайчики, белочки, ёжики и лисички мирно в лесу живут. Не надо их трогать.

— И птички разные пусть тоже живут,— сказал дядя Кузьма.— Без зверушек и пичужек в лесу было бы скучно. Никого убивать не надо. Животных надо любить.

Вот какие были три весёлых охотника.

КОГДА МЫ СМЕЕМСЯ

У меня под окном палисадник с невысокой чугунной оградой. Зимой дворник убирает улицу и сгребает за ограду снег, а я бросаю в форточку кусочки хлеба для воробьев. Как только эти пичуги увидят на снегу угощение, так сейчас же слетаются с разных сторон и рассаживаются на ветках дерева, которое растёт перед окном. Они долго сидят, беспокойно поглядывают по сторонам, но спуститься вниз не решаются. Должно быть, их пугают проходящие по улице люди.

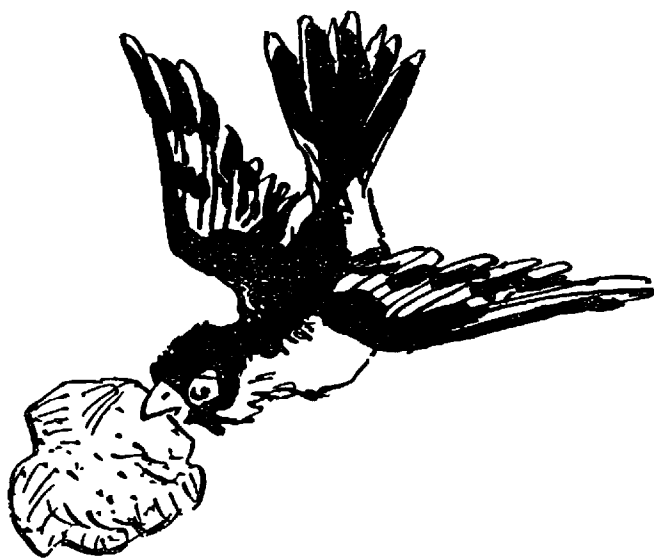
Но вот один воробей набрался храбрости, слетел с ветки и, усевшись на снегу, принялся клевать хлеб. Другой воробей увидел это и тоже спорхнул вниз. За ним спорхнул третий, четвёртый... И скоро вся воробьиная стая уже сидит на снегу и клюёт хлеб. Никто и внимания на прохожих не обращает.

По своей натуре воробьи — ребята дружные, компанейские. Они очень любят обедать, как говорится,

за общим столом. Вот один из них пристроился к кусочку хлеба и подщипывает его снизу. Другой задрал голову, выпятил грудь, словно гордый конь, и долбит этот же кусок сверху. Неожиданно он замечает, что мешает своему товарищу, и сейчас же переходит к другому куску, который лежит неподалёку, рядышком. «Кусков много, хватит на всех! — говорит он всем своим видом.— Ссориться совершенно не из-за чего».

Однако не у всех воробьев такой компанейский характер. Некоторые схватят кусочек хлеба, оттащат его в сторонку, а там уж и клюют, чтоб никто не мешал.

На этих воробьиных одиноличников вообще невозможно смотреть без смеха. Вот один из них выковырял из под снега ? увесистый кусок хлеба, оттащил его подальше от остальных воробьев и уже приготовился хорошенько подзакусить, как откуда-то

сбоку налетел другой воробей, схватил без всякого предупреждения хлеб и полетел с ним кверху.

Стоило посмотреть на беднягу, который остался, как говорится, с носом. У него был такой растерянный вид! Он даже клюв разинул от удивления.

А этого нахального воробья, который таскает чужие куски, я давно заприметил и даже придумал ему имя – Афонька, а по фамилии Вредный. Этот Афонька Вредный никогда не ест в общей компании, а прилетит, когда его вовсе не ждут, схватит у кого-нибудь из-под носа самый большой кусок и летит с ним куда-то к себе в застреху.

Иной раз в клюв Афоньке попадётся такой огромный кусище, что оттягивает его голову книзу, и ему приходится лететь, перевернувшись в воздухе кверху хвостом. Крыльями он молотит по воздуху с такой страшной силой, что шум доносится ко мне в комнату сквозь стекло. Мне кажется, что Афонька Вредный когда-нибудь всё таки свалится под непосильной тяжестью вниз и как следует стукнется.

Я нарочно бросаю ему куски покрупней, чтоб посмотреть, до чего его в конце концов доведёт жадность. Есть там ещё один вздорный, драчливый воробей задира. Этот Задира налетит коршуном на какого-нибудь миролюбивого воробья, оттеснит его в сторону, клюнет разок от его куска, тут же налетит на другого воробья, клюнет от его куска, тут же бросится к третьему... То ли его зависть мучит, то ли чужие куски кажутся слаще – но он только и делает, что на других бросается! В конце концов ему попадётся такой же, как он, забияка или же просто неуступчивый воробей, который сам чужого не хочет, но и своего не отдаст. Тут-то они и начнут насакивать друг на друга, сталкиваться грудью и взлетать кверху, словно два петуха. Задира так и норовит побольней ковырнуть своего соперника носом. Но и соперник не уступает. Так они в драке и про хлеб то забудут. Словом, смех, да и только!

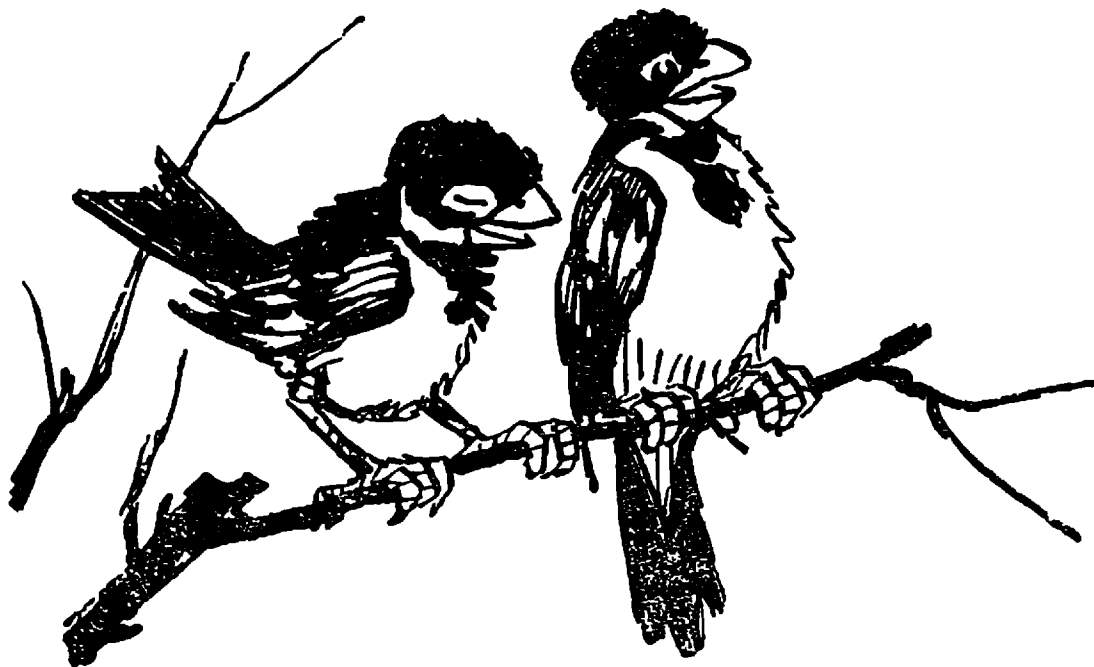
Когда воробьи съедят весь хлеб, они взлетают кверху и рассаживаются на дереве. Отдыхают. Чистят носы о ветки. Вид у них сытый, довольный.

Однажды я решил сделать для них сюрприз, то есть неожиданный подарок. Думаю: «Что им, беднягам,

толочься по снегу, морозить лапы! Пусть угощаются, не сходя с дерева».

Надел шапку, пальто, вышел в палисадник и принялся натывать на сучья дерева кусочки хлебного мякиша.

«Вот,— думаю,— воробьи обрадуются!» Вернулся домой и жду. Целый час, должно быть, в окошко пялился — и хоть бы один воробей! «Что ж это? — думаю.— Неужели не видят?» Вдруг откуда то сверху слетает какой то странный растрёпанный воробьишка и садится на ветку рядом с торчащим на суку мякишем. Хвост у этого воробьишки коротенький, будто оципанный, загривок взъерошенный, на спине одно перышко сломано и торчит кверху.

«Что это,— думаю,— за Стёпка-растрёпка прилетел к нам? Я такого ещё не видел. Наверно, удрал от кошки, которая хотела его поймать, или подрался с кем-нибудь».

А Стёпка-растрёпка между тем сидит на ветке и даже внимания не обращает на хлебный мякиш. Потом случайно взглянул на него искоса, заморгал испуганно глазками, нижняя челюсть у него отвисла, лапы разжались сами собой, и Стёпка свалился вниз, словно подстреленный из ружья.

Не долетев полпути до земли, он неожиданно встрепенулся, замахал крылышками и полетел, постепенно набирая высоту, куда-то по косой линии через улицу.

Я так и расхохотался: понял, что этот дурашливый воробей просто-напросто испугался торчащего на суку хлебного мякиша. Он, видимо, не заметил других кусков, которые были насажены вокруг, и сел по привычке на ветку.

А потом увидел, что рядом с ним сидит что-то непонятное, странное, и так оторопел от испуга, что свалился с дерева. Ему ведь никогда раньше не приходилось видеть, чтобы на деревьях куски хлеба росли.

Остальные, более осмотрительные воробьи, видно, сразу заметили на дереве что-то странное, непривычное и не решались садиться на ветки. Наверно, они даже не догадались, что это хлебный мякиш. Воробьи – пичужки хотя и маленькие, но очень осторожные, и всё непонятное пугает их.

Я, конечно, не знаю, что думали воробьи, может быть, они вообразили, что это какие-нибудь невиданные живые существа, которые могут им чем-нибудь повредить, но до тех пор, пока на ветках торчали кусочки хлеба, ни один воробей даже не подлетел близко. Однако стоило мне убрать с дерева хлеб, как они стали прилетать снова и уже ничего не боялись.

Стёпку растрёпку я с тех пор так больше и не видал. Наверно, это был какой-нибудь залётный, шальной воробей с другой улицы.

А, в общем, воробьиный народ мне нравится. Они пичужки очень симпатичные и очень смешные. Я долго думал над тем, почему мы смеёмся над ними, а потом понял, что смешит нас в них то же самое, что и в людях.

Мы смеёмся обычно над такими людьми, которые заботятся только о себе и не думают о других; смеёмся над невежами, грубиянами, задирами, драчунами, которые не уважают никого, кроме самих себя, и не умеют ужиться с людьми; смеёмся над жадными и завистливыми, которые стараются захватить всё в свою собственность, над зазнайками, гордецами, которые воображают, что они самые лучшие, а другие совсем ничего не стоят; смеёмся и над разинями, над рассеянными, над трусишками, которые пугаются всякого пустяка.

Один мой знакомый (он очень учёный профессор) говорил мне, что мы смеёмся над воробьями, когда замечаем, что они в чём-то похожи на людей.

Но мне почему-то кажется наоборот: мы смеёмся над людьми, когда замечаем, что они в чём-то похожи на воробьев.

Вот подумай над этим, когда у тебя будет свободное время.

ВИНТИК, ШПУНТИК И ПЫЛЕСОС

Кто читал книгу «Приключения Незнайки», тот знает, что у Незнайки было много друзей, таких же, как он, маленьких человечков.

Среди них было два механика – Винтик и Шпунтик, которые очень любили мастерить разные вещи. Однажды они задумали соорудить пылесос для уборки помещения.

Сделали круглую металлическую коробку из двух половинок. В одной половинке поместили электромотор с вентилятором, к другой присоединили резиновую трубку, а между обеими половинками проложили кусок плотной материи, чтобы пыль в пылесосе задерживалась.

Трудились они целый день и целую ночь, и только наутро пылесос был готов.

Все ещё спали, но Винтику и Шпунтику очень хотелось проверить, как работает пылесос.

– Сначала почистим ковёр в спальне, – предложил Шпунтик.

Он включил пылесос, и пыль с ковра так и полетела в трубу. Поток воздуха был так силен, что в трубу засосало

чулки Растеряйки, которые случайно валялись у него под кроватью.

Потом сдуло со стола ручные часы доктора Пилюлькина и тоже засосало в трубу. Винтик и Шпунтик ничего не заметили, так как им обоим очень хотелось спать.

Под столом стоял ящик с красками художника Тюбика. После того как Винтик почистил пыль под столом, количество красок в ящике значительно поубавилось.

— А теперь попробуем чистить одежду,— сказал Винтик и начал чистить пиджак Торопыжки. Пыль из пиджака так и полетела в трубу, а вместе с пылью и пуговицы.

Потом они стали чистить штанишки Пончика. А у Пончика в карманах всегда лежали конфеты. Пылесос был такой мощный, что даже конфеты повысасывал из карманов.

После этого они стали чистить курточку Знайки, и тут только Шпунтик заметил, что из кармана вытащило Знайкину вечную ручку. Он хотел прекратить работу, но Винтик сказал:

— Ничего, потом откроем пылесос и достанем.

— А теперь почистим диван,— предложил Шпунтик.

Они стали чистить диван. Гвозди из обшивки так и выскакивали и исчезали в трубе.

Обшивка постепенно разлезлась, пружины повыскакивали, спинка отвалилась, диван рассыпался па кусочки, и вся диванная начинка вместе с пружинами полетела в трубу.

Дело кончилось тем, что в трубе застряла диванная ножка, и пылесос ничего больше не мог всасывать.

— Ну и ладно,— сказал Винтик.— Ляжем спать, а когда встанем, починим диван и вытащим из пылесоса все

гвозди.

Друзья легли спать и моментально заснули.

В это утро первым проснулся Растеряйка и принялся искать чулки. Все стали над ним смеяться, потому что он вечно терял свои вещи.

Потом встал Ворчун и с удивлением обнаружил, что у него пропали брюки.

У Авоськи не осталось на одежде ни одной пуговицы. Он так и ходил, придерживая брюки руками, потому что без пуговиц они не могли держаться.

В общем, у каждого что-нибудь потерялось. Только у Незнайки ничего не пропало.

Торопыжка сказал:

– Это, наверно, Незнайка всё устроил. Почему у него ничего не пропало?

– Братцы, я не виноват! – кричал Незнайка. – У меня ничего не пропало, потому что я спал в одежде. Я вчера очень устал, и мне лень было раздеться.

Наконец Знайка обнаружил в углу комнаты какую-то загадочную машину с трубой, из которой торчала диванная ножка.

Знайка сейчас же понял, что это, без сомнения, дело рук Винтика и Шпунтика, и принялся будить их.

Винтик и Шпунтик встали. Они открыли пылесос и обнаружили в нём все пропавшие вещи.

– Мы слишком сильный мотор поставили, – сказал Шпунтик. – Надо уменьшить его мощность, и пылесос перестанет всасывать крупные вещи.

Сейчас же к пылесосу выстроилась длинная очередь. Каждый получал, что у него потерялось: Растеряйка – чулки, Авоська и Торопыжка – пуговицы, Ворчун – свои брюки.

А Незнайка сказал Винтику:

– Посмотри-ка, пожалуйста, нет ли в пылесосе моего свистка, который потерялся прошлым летом.

Все стали над Незнайкой смеяться. Но тут Винтик вдруг обнаружил среди прочих предметов и Незнайкин свисток.

Все удивились и никак не могли понять, как очутился в пылесосе свисток, который пропал в прошлом году. Ведь в прошлом году и пылесоса то не было!

БОБИК В ГОСТЯХ У БАРБОСА

Жил был пёс Барбоска. У него был друг – кот Васька. Оба они жили у дедушки. Дедушка ходил на работу, Барбоска сторожил дом, а кот Васька мышей ловил.

Однажды дедушка ушёл на работу, кот Васька убежал куда-то гулять, а Барбос дома остался. От нечего делать он залез на подоконник и стал смотреть в окно. Ему было скучно, вот он и зевал по сторонам.

«Дедушке нашему хорошо! – думал Барбоска. – Ушёл на работу и работает. Ваське тоже неплохо – убежал из дому и гуляет по крышам. А мне вот приходится дома сидеть, сторожить квартиру».

В это время по улице бежал Барбоскин приятель Бобик. Они часто встречались во дворе и играли вместе. Барбос увидел приятеля и обрадовался:

– Эй, Бобик, куда бежишь?

– Никуда,– говорит Бобик.– Так, бегу себе просто. А ты чего дома сидишь? Пойдём гулять.

– Мне нельзя,– ответил Барбос,– дедушка велел дом стеречь. Ты лучше ко мне в гости иди.

– А никто не прогонит?

– Нет. Дедушка на работу ушёл. Никого дома нет. Лезь прямо в окно.

Бобик залез в окно и с любопытством стал осматривать комнату.

– Тебе хорошо! – сказал он Барбосу.– Ты в доме живёшь, а вот я живу в конуре. Теснота, понимаешь! И крыша протекает. Неважные условия!

– Да,– ответил Барбос,– у нас квартира хорошая: две комнаты с кухней и ещё ванная. Ходи где хочешь.

– А меня даже в коридор хозяева не пускают! – пожаловался Бобик.– Говорят – я дворový пёс, поэтому должен жить в конуре. Один раз зашёл в комнату – что было! Закричали, заохали, даже палкой по спине стукнули.

Он почесал лапой за ухом, потом увидел на стене часы с маятником и спрашивает:

– А что это у вас за штука на стенке висит? Всё тик так да тик так, а внизу болтается.

– Это часы,– ответил Барбос.– Разве ты часов никогда не видел?

– Нет. А для чего они?

Барбос и сам не знал толком, для чего часы, но всё-таки принялся объяснять:

– Ну, это такая штука, понимаешь... часы... они ходят...

– Как – ходят? – удивился Бобик.– У них ведь ног нету!

– Ну, понимаешь, это только так говорится, что ходят, а на самом деле они просто стучат, а потом начинают

бить.

– Ого! Так они ещё и дерутся? – испугался Бобик.

– Да нет! Как они могут драться!

– Ты ведь сам сказал – бить!

– Бить – это значит звонить: бом! бом!

– А, ну так бы и говорил!

Бобик увидел на столе гребешок и спросил:

– А что это у вас за пила?

– Какая пила! Это гребешок.

– А для чего он?

– Эх, ты! – сказал Барбос – Сразу видно, что весь век в конуре прожил. Не знаешь, для чего гребешок? Причёсываться.

– Как это – причёсываться?

Барбос взял гребешок и стал причёсывать у себя на голове шерсть:

– Вот смотри, как надо причёсываться. Подойди к зеркалу и причешись.

Бобик взял гребешок, подошёл к зеркалу и увидел в нём своё отражение.

– Послушай, – закричал он, показывая на зеркало, – там собака какая-то!

– Да это ведь ты сам в зеркале! – засмеялся Барбос.

– Как – я?.. Я ведь здесь, а там другая собака.

Барбос тоже подошёл к зеркалу. Бобик увидел его отражение и закричал:

– Ну вот, теперь их уже двое!

– Да нет! – сказал Барбос – Это не их двое, а нас двое. Они там, в зеркале, неживые.

– Как – неживые? – закричал Бобик. – Они же ведь двигаются!

Вот чудак! – ответил Барбос – Это мы двигаемся. Видишь, там одна собака на меня похожа?

– Верно, похожа! – обрадовался Бобик. – Точь-в-точь как ты!

– А другая собака похожа на тебя.

– Что ты! – ответил Бобик. – Там какая-то противная собака, и лапы у неё кривые.

– Такие же лапы, как у тебя.

– Нет, это ты меня обманываешь! Посадил туда каких-то двух собак и думаешь – я тебе поверю, – сказал Бобик.

Он принялся причёсываться перед зеркалом, потом вдруг как засмеётся:

– Глянь ка, а этот чудак в зеркале тоже причёсывается! Вот умора!

Барбос только фыркнул и отошёл в сторону. Бобик причёсался, положил гребешок на место и говорит:

– Чудно тут у вас! Часы какие-то, зеркала с собаками, разные финтифлюшки и гребешки.

– У нас ещё телевизор есть! – похвастался Барбос и показал телевизор.

– Для чего это? – спросил Бобик.

– А это такая штука – она всё делает: поёт, играет, даже картины показывает.

– Вот этот ящик?

– Да.

– Ну, это уж враки!

– Честное слово!

– А ну пусть заиграет!

Барбос включил телевизор. Послышалась музыка. Собаки обрадовались и давай прыгать по комнате. Плясали, плясали, из сил выбились.

– Мне даже есть захотелось, – говорит Бобик.

– Садись за стол, сейчас я тебя угощать буду, – предложил Барбос.

Бобик уселся за стол. Барбоска открыл буфет, видит –

там блюдо с киселём стоит, а на верхней полке – большой пирог. Он взял блюдо с киселём, поставил на пол, а сам полез на верхнюю полку за пирогом. Взял его, стал вниз спускаться и попал лапой в кисель. Поскользнувшись, он шлёпнулся прямо на блюдо, и весь кисель у него размазался по спине.

– Бобик, иди скорей кисель есть! – закричал Барбос.

Бобик прибежал:

– Где кисель?

– Да вот у меня на спине. Облизывай. Бобик давай ему спину облизывать.

– Ох, и вкусный кисель! – говорит.

Потом они перенесли пирог на стол. Сами тоже на стол уселись, чтоб удобнее было. Едят и разговаривают.

– Тебе хорошо живётся! – говорит Бобик. – У тебя всё есть.

– Да, – говорит Барбос, – я живу хорошо. Что хочу, то и делаю: хочу – гребешком причёсываюсь, хочу – на телевизоре играю, ем и пью что хочу или на кровати валяюсь.

– А тебе позволяет дедушка?

– Что мне дедушка! Подумаешь! Эта кровать моя.

– А где же дедушка спит?

– Дедушка там, в углу, на коврике.

Барбоска так заврался, что не мог уже остановиться.

– Здесь всё моё! – хвастался он. – И стол мой, и буфет мой, и всё, что в буфете, тоже моё.

– А можно мне на кровати поваляться? – спросил Бобик. – Я ни разу в жизни ещё на кровати не спал.

– Ну пойдём, поваляемся, – согласился Барбос.

Они улеглись на кровать.

Бобик увидел плётку, которая висела на степе, и спрашивает:

– А для чего у вас здесь плётка?

– Плётка? Это для дедушки. Если не слушается, я его плёткой, – ответил Барбос.

– Это хорошо! – одобрил Бобик.

Лежали они на кровати, лежали, пригрелись да и заснули. Не услышали даже, как дедушка с работы пришёл.

Он увидел на своей кровати двух псов, снял со стены плётку и замахнулся на них.

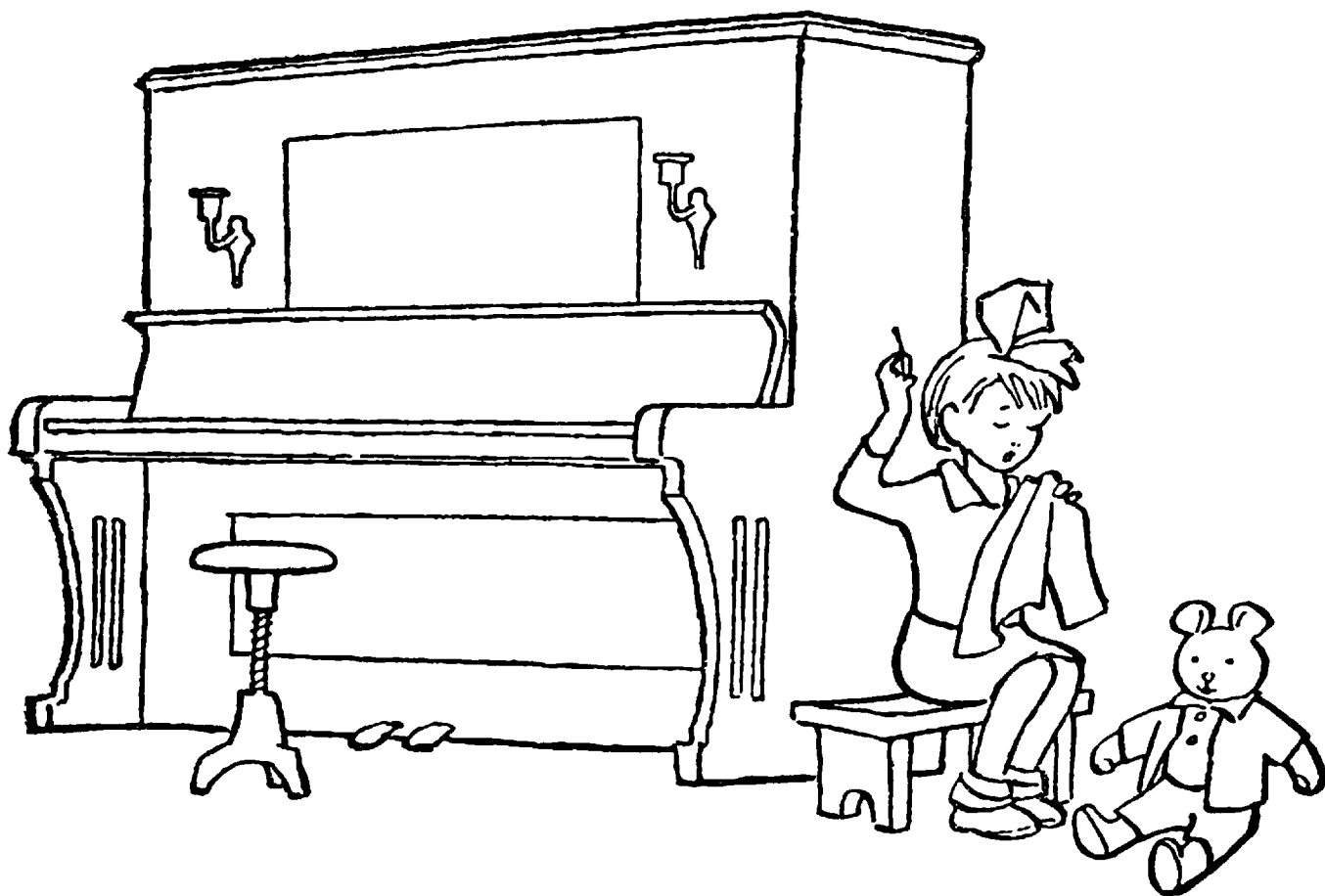
Бобик с перепугу выпрыгнул в окно и побежал в свою конуру, а Барбос забился под кровать, так что его даже половой щёткой нельзя было вытащить. До вечера там просидел.

Вечером вернулся домой кот Васька. Он увидел Барбоса под кроватью и сразу понял, в чём дело.

– Эх, Васька, – сказал Барбос, – опять я наказан! Даже сам не знаю за что. Принеси мне кусочек колбаски, если тебе дедушка даст.

Васька пошёл к дедушке, стал мурлыкать и тереться спинкой о его ноги. Дедушка дал ему кусочек колбаски. Васька половину съел сам, а другую половинку отнёс под кровать Барбоске.

ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Из всех пичужек самые образованные — это воробьи. И знаете ли почему? Потому что они живут не в лесах или полях, а в сёлах и городах, где могут многому от людей научиться. У них даже имена на человеческий лад. Когда то, в дни моей молодости, я, например, знал воробья, которого звали — как бы вы думали? — Александр Македонский! У другого моего знакомого воробья было имя, как у известного сказочного богатыря, Алёша Попович. Честное слово, правда! Этот Алёша Попович был не то чтобы какой-нибудь воробьиный силач или богатырь. Нет, он просто происходил из семьи, которая жила когда то в старой церкви под куполом. Поэтому воробьи и прозвали всю его семейку Поповичами. Был тут и Андрюша Попович, и Кирюша Попович, и Антоша Попович, и вот даже Алёша Попович один оказался.

А того воробья, про которого я хочу рассказать, тоже звали очень красиво – Золотой Петушок. Неизвестно, откуда у него взялось такое красивое имя, но известно, что воробей он был очень умный. Однажды он заболел не на шутку и долго хворал, представьте себе, но всё-таки вылечился, и притом сам, без всякой посторонней помощи, то есть без помощи докторов.

И откуда только ума набрался! Ну конечно же, от людей.

В те далекие времена, а было это лет двадцать назад, Золотой Петушок жил на чердаке старого четырёхэтажного дома. Под крышей ему было и тепло, и уютно, и весело, то есть интересно, потому что на чердаке в долгие зимние вечера, когда бывает особенно скучно, он мог сколько угодно слушать, о чём говорят жильцы верхнего этажа. Конечно, слушать он мог, когда говорили достаточно громко. Когда говорили обыкновенным голосом, то было слышно только какое-то неясное бормотание: «Бу-бу-бу! Бу-бу-бу! Бу-бу-бу!» Впрочем, если хорошенько прислушаться, то и в этом случае можно было кое-что разобрать.

Особенно хорошо на чердаке было слышно радио, а нужно сказать, что в те далёкие времена радио уже всюду существовало. Вот телевидения, правда, не было. Но воробью телевидение и ни к чему, потому что не мог же он смотреть телевизор, сидя на чердаке. Для этого надо было находиться в комнате. Хорошо на чердаке было слышно также, когда в доме кто-нибудь заводил патефон или играл на пианино. Но вот этого наш Золотой Петушок как раз не любил.

Дело в том, что на самом верхнем этаже дома жила маленькая девочка. Её звали Наденька. Мама и папа очень любили Наденьку и купили для неё пианино. Им очень хотелось, чтоб их девочка сделалась знаменитой

музакантшей. Но Наденьке не очень хотелось делаться музыкантшей. Ей больше всего хотелось поступить на одёжную фабрику, не сейчас, конечно, а впоследствии, когда подрастёт. А сейчас, пока она ещё была маленькая, ей больше всего нравилось шить для своих кукол платья.

У неё было несколько кукол, и каждой кукле она сшила по платью, а своему любимому плюшевому мишке сшила три пары брюк, три пиджака: чёрный, синий и клетчатый, две сорочки с отложными воротничками, пальто зимнее и демисезонное, трусики, чтоб можно было загорать летом, две смены белья, летнюю шляпу из штапельного полотна, а на зиму тёплую меховую шапку ушанку, чтобы не замёрзли уши.

Всё это было сделано с таким мастерством, что многие гости, которые бывали у них в доме, приходили в восторг и говорили, что из Наденьки выйдет какая-нибудь знаменитая мастерица по шитью одежды.

Однако Наденькины мама и папа были против того, чтобы их дочь сделалась мастерицей по шитью одежды. Они утверждали, что одежду может шить каждый, а на пианино сыграет не каждый, так как тут нужен талант. Мама говорила, что в детстве у неё самой был замечательный талант к музыке, но у её родителей не было денег на покупку пианино. Зато теперь, когда денег у них вполне достаточно, они обязательно добьются, чтобы их дочь сделалась музыкантшей.

Напрасно их уверяли знакомые, что у каждого ребёнка талант к чему-нибудь своему и что к шитью одежды тоже надо иметь талант: если же одежду начнёт шить каждый, то она выйдет такая, что совестно будет на улицу показаться. Ни папа, ни мама этому почему-то не верили и не хотели даже слышать, чтобы их дочь пошла работать на одёжную фабрику.

Однако у Наденьки на самом деле не было способностей к музыке, а учиться музыке тому, у кого нет

способностей к ней, гораздо труднее, чем тому, у кого эти способности есть. Вернувшись из музыкальной школы, Наденька минуты две или три брэнчала на пианино заданное на дом упражнение, но скоро ей это надоедало, и она садилась шить какой-нибудь своей кукле новое платье или убегала гулять во двор. Иногда она и вовсе не подходила к своему музыкальному инструменту, а когда мама возвращалась домой с работы и спрашивала, занималась ли она музыкой, Наденька отвечала, что уже позанималась, и садилась делать уроки по арифметике, русскому языку или каким-нибудь другим предметам. Так всё шло хорошо сначала, но потом маму вызвала к себе учительница музыкальной школы и довольно строго сказала:

— Ваша девочка очень плохо учится музыке, потому что мало занимается дома. Каждое заданное на дом упражнение надо играть ежедневно по два часа. Без этого пальцы у вашей девочки не разовьются, и её придётся забрать из музыкальной школы. Имейте это в виду.

— У меня нет возможности ежедневно проверять Наденьку,— ответила мать.— Она занимается музыкой днём, когда я ухожу на работу, а вечером, когда я возвращаюсь, она учит уроки.

— А вы сделайте наоборот,— посоветовала учительница.— Пусть Наденька готовит уроки днём, а на пианино пусть занимается вечером, чтобы вы слышали.

Мама послушала учительницу и попробовала заставлять Наденьку играть на пианино вечером, но такая система, однако, не понравилась папе, и он сказал:

— Что это за новая мода пошла: каждый раз вечером музыка! Почему Наденька не может играть свои упражнения днём, когда все работать уходят?

Тут вертись на работе весь день, вечером отдохнуть хочется, а вместо этого изволь упражнения слушать!

— Это, конечно, верно,— согласилась мама,— но как её

днём проверишь? На неё и так учительница жалуется.

– Что ж, об этом необходимо подумать,– ответил отец.

А нужно сказать, что у них, кроме Наденьки, был ещё мальчик. Он был маленький и ещё не учился в школе. Ему было шесть лет.

И вот папа сказал:

– Слушай, Алёша...

(Его тоже Алёшей звали, как того воробья, про которого у нас был разговор. То есть, по-настоящему то воробья звали Алёша Попович, а мальчика – просто Алёша.)

– Слушай, Алёша,– сказал, значит, папа.– Ты мальчик уже большой и тоже должен помогать взрослым. Будешь следить, чтобы Наденька исправно занималась на пианино.

И он научил Алёшу, как следить за стрелками часов, чтобы получалось ровно два часа.

Каждый раз, приходя вечером с работы, папа спрашивал:

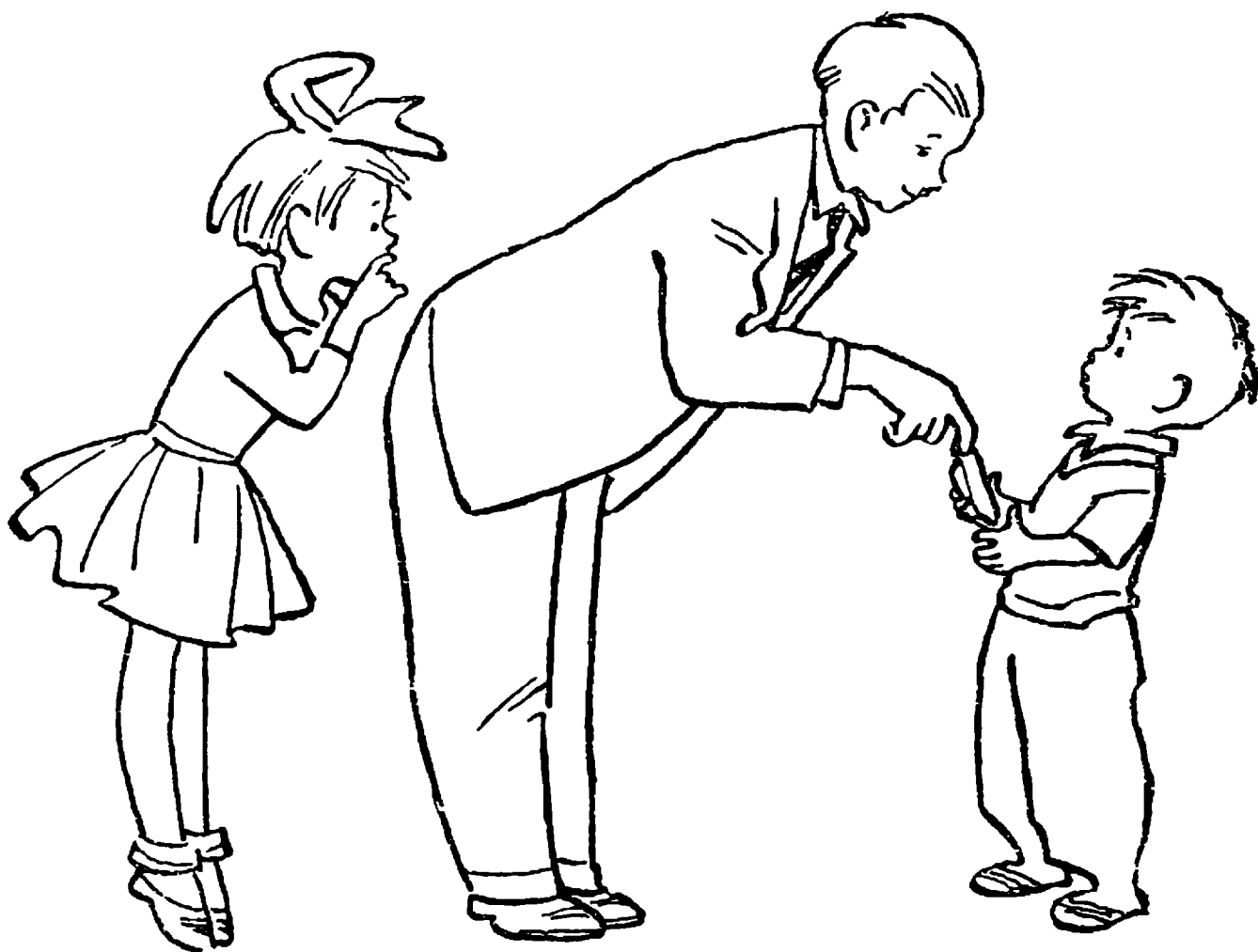
– Ну-ка, скажи, Алёшенька, сколько сегодня занималась на пианино Наденька?

– Два часа,– отвечал Алёша.

– Молодец!– хвалил его папа.

И давал ему большую конфету. Наденьке он тоже давал конфету за то, что она усидчиво занималась музыкой. Папа, конечно, ничего не терял, так как он и раньше покупал своим детям конфеты, но раньше он отдавал им конфеты даром, а теперь за дело.

Так у них и пошло с тех пор. Наденька даже побледнела немного от усиленных занятий музыкой. Ей ведь некогда даже было побегать во дворе с подругами: утром в школу иди, днём на пианино играй, вечером делай уроки, да ещё ведь ей надо было немножко помогать по хозяйству маме. Где уж тут бегать!

Неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы Наденька не начала усиленно думать, как найти из этого положения хоть какой-нибудь выход. Подумав как следует, она придумала такую вещь: получив от папы вечером конфету, она не съела её, а спрятала под подушку. На следующий день, вернувшись из школы, она сказала своему братцу:

— Хочешь, Лёшка, я не буду сегодня на пианино играть, а мы пойдём во дворе погуляем. За это я тебе дам конфету.

— Не хочу,— ответил Алёшка.

— Почему, глупый?

— Потому что, если ты не будешь играть на пианино, мне папа вечером не даст конфету.

Вот и видно, что глупый! Как же папа может не дать

тебе конфету, если ты ему скажешь, что я играла?

Алёша подумал и согласился. Наденька отдала ему конфету, он съел, а потом они пошли во двор и гуляли до вечера. А когда вечером пришёл папа и спросил, занималась ли Надя сегодня музыкой, Алёша по обыкновению сказал:

– Два часа.

Папа дал им, как всегда, по конфете. Алёша сбою съел тут же, а Наденька и на этот раз спрятала.

На следующий день повторилась та же история. Алёша быстро сообразил, что гораздо интереснее съесть не одну, а две конфеты и в добавление к этому гулять с сестрой во дворе, вместо того чтобы сидеть дома и слушать скучную музыку.

Так прошёл целый месяц, а может быть, даже больше.

У Наденьки снова заиграл на щеках румянец, улучшился аппетит. И всё было бы хорошо, если бы ей не становилось всё труднее отказываться от конфет. Бедная девочка за это время забыла, какие бывают на вкус конфеты.

Один раз она даже не удержалась и отгрызла от конфеты кусочек. А на другой день Алёшка устроил ей за это скандал и сказал, что он за полконфеты не согласен обманывать папу, а согласен только за целую. Насилу Наденька уговорила его молчать и обещала, что никогда больше не станет откусывать от его конфеты ни кусочка.

После этого случая Наденька крепилась несколько дней подряд, но однажды ночью, когда все уже спали, она достала из-под подушки припрятанную для Алёшки конфету и съела её. Бедная девочка действовала как будто во сне и даже не понимала, что делала, до такой степени ей захотелось сладкого. На другой день она не знала, как быть, и когда братишка потребовал у неё конфету, сказала, что потеряла её.

Алёша, который никак не ожидал такого ответа, даже не понял сразу, какая страшная произошла вещь, а когда наконец понял, то разинул от удивления рот. Постепенно он, однако, пришёл в себя и спросил:

– Где же ты её потеряла?

– Глупый, – сказала Наденька, – если бы я знала, где потеряла, то сейчас же нашла бы.

– Так её искать надо! – заявил Алёша.

Он никак не мог примириться с мыслью, что останется на этот раз без конфеты, и они вместе принялись бродить по комнатам, заглядывая во все уголки. Наденька понимала, что никакой конфеты найти, конечно, не может, но искала для виду, чтобы братишка не заподозрил её в обмане. Алёша, наоборот, отнёсся к делу вполне серьёзно. Он старательно ползал на четвереньках по полу, шарил палкой под шкафами и под буфетом, залезал под столы и кровати, наконец стал обыскивать Наденькину постель и нашёл у неё под подушкой бумажку от конфеты. Некоторое время он молча стоял с бумажкой в руке и как будто что-то соображал, потом подскочил к сестре и закричал визгливым голосом:

– Это что, а? Это что?

– Как – что? Будто не видишь? Бумажка.

– Сам вижу, что бумажка. А от чего бумажка? От конфеты! Значит, ты конфетину сама съела, а бумажка осталась мне!

– Глупый! – ответила Наденька. – Это бумажка совсем не от той конфеты.

– От какой ещё не от той? Думаешь, я не знаю! Я вчера не спал вечером и слышал, как ты там во сне что-то жевала. Я тогда ещё подумал, что это ты уже, наверно, мою конфету ешь.

– Какую такую твою конфету? – рассердилась Наденька. – Конфета моя! Хочу – даю тебе, не хочу – ем сама.

– Ну и ешь сама, а я больше не буду обманывать папу.

Вот скажу сегодня, что ты не играла на пианино.

— А я вот нарочно буду играть, попробуй тогда скажи, что я не играла.

Наденька села за пианино и целых два часа подряд играла свои упражнения. Под конец у неё даже голова закружилась от непривычки. Однако она и виду не подавала, что ей было трудно, и, встав из-за пианино, сказала:

— Теперь каждый день буду играть и конфеты сама буду есть.

Алёша увидел, что здорово прогадал, и у него даже затряслись губы от огорчения.

— Зачем же играть каждый день? — сказал он.— Завтра можно и не играть, а за сегодня я, так и быть, прощаю тебя.

— Что что? — с удивлением спросила Наденька.— За что ты меня прощаешь?

— Ну за то, что ты съела конфету,— объяснил Алёшка.

— Ты, видимо, дурачок, Алёшка,— с обидной усмешкой сказала Наденька.— Свою конфету я всегда имею право съесть без твоего ослиного разрешения. Глупая я раньше была, что отдавала тебе такие вкусненькие конфетки. Теперь вот и завтра съем, и послезавтра, и послепослезавтра, и всегда-всегда! Понял?

— Ну и ешь,— мрачно ответил Алёша.— Мне не очень и хочется!

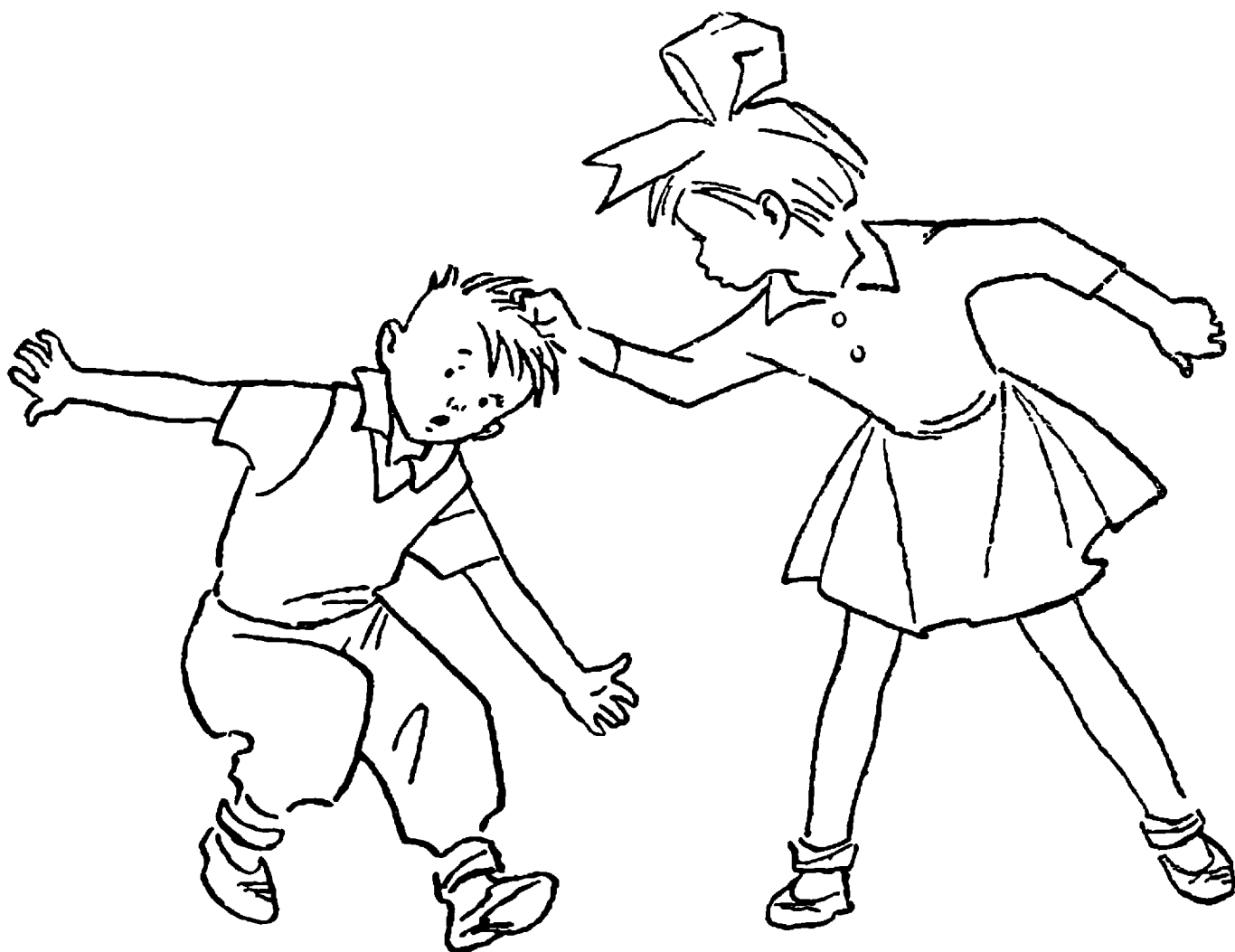
— «Не очень хочется»! — передразнила Наденька.— А сам тут как царь Кощей над каждой конфетой трясёшься!

— Кто царь Кощей? Я царь Кощей? — закричал, рассердившись, Алёшка.

И как стукнет сестру кулаком.

— А, так ты ещё драться! — сказала Наденька и, схватив Алёшку за волосы, дёрнула с такой силой, что у него из глаз искры посыпались.

А-а! — завопил Алёшка и принялся размахивать во все стороны кулаками и лягаться ногами.

Но Наденька крепко держала его за волосы, и он ничего не мог ей сделать.

Как раз в это время с работы вернулся папа. Наденька услышала, что кто-то вошёл в прихожую, и выпустила из рук Алёшкины волосы.

— Вот скажу папе, что ты съела конфету! — прошипел Алёшка, грозя сестре кулаком.

— Как будто папа дал мне эту конфету не для того, чтобы я её съела,— сказала Наденька.— У, глупый!

— Вот скажу, что всё время называешь меня глупым.

— Как же тебя называть, если ты и есть глупый?

— Вот скажу папе, что ты не занималась сегодня на пианино.

— Не смей, слышишь! Я ведь занималась! Ах, ты!..

Наденька не успела договорить, потому что в комнату

вошёл папа.

– Ну, механики, как дела? – весело спросил он.

Когда у папы бывает хорошее настроение, он почему-то всегда своих детей механиками называет. Увидев, что дети почему-то молчат и сердито смотрят на него исподлобья, папа удивился и спросил:

– Что тут у вас случилось?

– Ничего, – ответила Наденька.

– Совсем-совсем ничего?

– Совсем-совсем ничего.

– Что-то не верится! – покачал головой папа. – А ты почему сегодня такой лохматый? – спросил он Алёшу.

Алёша принялся приглаживать рукой всклокоченные волосы и сердито нахмурился. Вся кожа у него на голове свербила.

Папа схватил обоих ребят в охапку и сел с ними на диван.

– Ну, рассказывайте, что хорошенького?

– Ничего, – сердито буркнул Алёша, усаживаясь у отца на коленях.

– Как же так – ничего? А Наденька занималась сегодня на пианино? Сколько она играла?

– Нисколько, – буркнул опять Алёшка.

– Эге! Вот оно, значит, что!... – протянул папа и сердито взглянул на Наденьку.

От возмущения Наденька вспыхнула, потом немножечко побледнела, тут же раскрыла широко рот, словно ей не хватало воздуха, и сказала дрожащим голосом:

– Он говорит неправду!

– Это правда? – строго спросил Алёшу папа.

– Что – правда? – не понял Алёша.

– Правда, что ты говоришь неправду?

– Это она говорит неправду.

– Он врёт! – сказала, задыхаясь от гнева, Наденька.

– Вот как!– недоверчиво усмехнулся папа.– Для чего же ему вдруг понадобилось врать? Когда ты занималась исправно, он всегда говорил, что ты занималась. Вот тебе, Алёша, конфетка, за то, что сказал папе правду. А ты, нехорошая девочка, ни чего теперь не получишь! Лучше я и твою конфету отдам Алёше. Получай, Алёшенька, и вторую конфету.

Увидев такую несправедливость, Наденька побледнела ещё больше, стала белая, как бумага, потом покраснела внезапно, бросилась плашмя на диван и зарыдала так громко, что у папы от ужаса зашевелились на голове волосы.

В это время дверь отворилась – и в комнату вошла мама. Папа принялся рассказывать ей обо всём. Мама даже не могла сразу понять, что случилось, а когда поняла, сказала:

– Может быть, Алёшка на самом деле соврал? Уж очень горько рыдает Наденька.

– Признаться, я тоже так думал,– ответил папа,– да ведь Алёша никогда раньше не врал. Он всегда говорил правду.

– Не врал? – закричала, вскакивая с дивана, Наденька.– Никогда раньше не врал? Если хотите знать, он всегда врал! Он только и делал, что врал! Я нарочно каждый раз отдавала ему свои конфеты, и он говорил вам, что я занималась на пианино, а я и не занималась вовсе. Ха! Ха! Но сегодня я как раз занималась и конфету ему не дала, вот он и врёт на меня от злости. Это, что ли, по-вашему, правильно? Раз я занималась, то никакой конфеты ему не полагается. Пусть он зарубит это у себя на носу! Понятно вам?

А-а! – закричал тогда папа.– Значит, ты, нехорошая девчонка, не занималась на пианино, да ещё учила своего младшего братца обманывать родителей, подкупала его конфетами? Это стыд! Это срам! Это позор! Ты бы

подумала, чему учишь его! При таком воспитании из него может вырасти какой-нибудь тунеядец и плут!

А мама сказала папе:

– Ты сам во всём виноват. Нашёл кому поручать присматривать за девчонкой. Он тебе за конфету что хочешь сделает: обманет и мать и отца. Из-за него бедная девочка совсем без конфет осталась, а сладкое тоже для организма нужно.

Наденька услышала эти слова, и ей стало так жалко себя, так жалко, что она зарыдала с удвоенной силой. Но мама сказала:

– А ты молчи! Я не защищаю тебя. Ты, наверно, воображаешь, что тебя напрасно обидели: не дали сегодня конфетку. А сколько раз ты не играла на пианино, но конфеты всё-таки получала?

Наденька сразу притихла, а Алёша увидел, какое получается дело, и давай поскорей есть конфеты, чтобы не отняли обратно. Не успев съесть одну конфету, он запихал в рот другую и стоял с оттопыренной щекой, как будто у него вырос с этой стороны флюс.

– Поручать это дело Алёшке мы больше не станем. Теперь я сама буду за тобой следить, – сказала Наденьке мама. – Но, поскольку вечером играть нельзя, а днём я на работе, придётся тебе вставать на два часа раньше и заниматься с утра.

Необходимо сказать, что весь этот разговор происходил очень громко и прекрасно был слышен Золотому Петушку, то есть нашему знакомому воробью, который на чердаке жил (вот когда мы про него вспомнили). Услыхав это, Золотой Петушок даже не удивился, потому что за всю свою воробьиную жизнь наслушался всяких историй. Он только подумал:

«Вот ещё какие, оказывается, бывают истории!» Вскоре он и вовсе перестал думать об этом, так как не понимал в тот момент, чем это всё может для него кончиться.

И вот на другой день, под самое утро, когда спится особенно сладко, воробья разбудили какие то непонятные звуки:

Бом-тили-тили! Бом-тили-тили!
Тиль-диль-дон! Тиль-диль-дон!

Воробей встрепенулся от неожиданности, открыл широко глаза, но, ничего не видя вокруг, так как было ещё совсем темно, решил, что это ему во сне почудилось; закрыв глаза, он попытался заснуть, но звуки не утихали:

Тиль-диль-дон! Бом-тили-бом!

Как будто палкой по голове!

Воробей сердито поёжился, заморгал глазами и принялся соображать, что бы всё это могло значить. Сон окончательно слетел с него, и воробей наконец понял, что играют на пианино.

Увидев в окно, что небо совсем ещё тёмное и на нём кое-где поблёскивают звездочки, Золотой Петушок проворчал:

— Что это они там совсем с ума посходили — играть среди ночи!

Он нахохлился, соорудив обиженную физиономию, переступил с лапы на лапу и стал пытаться заснуть, не обращая внимания на музыку. Это ему, однако ж, никак не удавалось. Звуки пианино доносились так явственно, что бедному воробью казалось, будто играют не снизу, а сверху, прямо над его головой. Постепенно ему даже стало казаться, что звуки раздаются не над головой, а где то там, внутри головы.

Золотой Петушок крикнул с досады и потрянул как следует головой. Однако звуки из головы не выскочили и продолжали долбить по мозгам:

Тиль-диль-дон! Тиль-диль-дон! Вот тебе! Вот!

Через некоторое время небо стало светлеть, звёзды постепенно погасли, и воробей увидел, что уже было утро, а вовсе не ночь, как ему показалось сначала.

Прошло два часа, и музыка наконец прекратилась. Золотой Петушок облегчённо вздохнул, но, увидев, что на дворе окончательно рассвело, решил, что спать всё равно больше нельзя, так как уже была пора вылетать за кормом.

На другой день воробья опять разбудила музыка, на третий – тоже. На четвёртый день он уже с вечера думал о том, что его на рассвете разбудит музыка, и так нервничал, что не мог заснуть. Всю ночь он сидел у себя в застрехе и сонно моргал глазами, ожидая, что вот-вот грянет музыка, а когда наконец заснул, музыка загремела, и ему даже под утро не удалось вздремнуть.

Несколько ночей подряд Золотой Петушок почти вовсе не спал, то есть не то чтобы он вовсе не спал: воробей ведь не может так, чтобы совсем не спать. Конечно, он спал, но спал, нужно сказать, очень тревожно, поминутно просыпаясь и вздрагивая во сне; под утро же его на два часа раньше, чем нужно было, будила музыка.

Таким образом, вместо того чтобы спать восемь часов подряд, наш воробей спал всего шесть часов. Воробью же, как установила наука, положено спать ночью не меньше восьми часов. Иначе это может для него плохо кончиться.

Неизвестно, чем бы всё это для Золотого Петушка кончилось, если бы Наденька вдруг не заболела. Потом она, правда, выздоровела, но потом заболела снова. Она вообще была не очень крепкого здоровья.

Когда Наденька болела, воробей радовался и

наслаждался жизнью, но, когда она выздоравливала, он проклинал своё существование и становился злой, как сорок тысяч чертей.

От злости он вообще стал очень нервный и раздражительный.

А впрочем, если сказать по правде, то нашему Золотому Петушку приходилось ещё не так скверно, как одному жильцу, Прохору Семёновичу Индюченко, который жил в соседней квартире. Его комната находилась рядом с той комнатой, где стояло Наденькино пианино, и поэтому ему всегда было хорошо слышно, когда Наденька играла свои упражнения. Этот Прохор Семёнович Индюченко был старенький, седенький старичок с жиденькой козлиной бородкой, причём очень худой и больной ревматизмом.

Как известно, ревматизм – болезнь очень коварная. Она то отпустит больного, даст ему подышать чуточку, то вдруг схватит, точно клещами, и давай ломать кости. В такие дни бедный Прохор Семёнович готов был кричать от боли.

И он кричал бы, если бы не опасался потревожить соседей, но так как он был человек очень деликатный, внимательный к другим людям, то терпел свою боль молча, только слегка покряхтывал и старался лежать, не двигаясь, чтобы не раздражать ноющие суставы.

Чаще всего ревматизм донимал Прохора Семёновича с вечера и мучил всю ночь, не давая заснуть ни на минуту. Но как только приближалось утро, боль в костях утихала.

Прохор Семёнович с облегчением вздыхал, готовясь наконец поспать хоть с полчаса, но тут Наденька начинала играть свои упражнения, и уснуть снова было нельзя. Увидев, что о сне уже нечего и думать, бедный

больной Прохор Семёнович надевал на ноги свои шлёпанцы и отправлялся на кухню, чтобы согреть для себя кофе. Прохор Семёнович был старый холостяк, то есть он никогда не был женат, а старые холостяки, как известно, почему то всегда любят кофе.

Квартира, в которой жил Прохор Семёнович, была большая, и поэтому, когда он являлся на кухню, там уже был кто-нибудь из хозяек. Увидев Прохора Семёновича, они обычно затевали с ним разговор.

— А, Прохор Семёнович! С добрым утречком! — начинала соседка, которую звали Софья Михайловна.— Что то вы сегодня раненько поднялись?

— Должно быть, бессонница,— тут же подхватывала другая соседка, по имени Людмила Дмитриевна.

— Бессонница, Людмила Дмитриевна, бессонница,— с грустным вздохом соглашался Прохор Семёнович.— Всю ночь ни на минуту не сомкнул глаз, представьте себе. Всё из за ревматизма, будь он неладен!

— Ну конечно, конечно, от ревматизма,— сочувственно кивала головой Софья Михайловна.— Да, может, вы просто выспались за день. Вчера вас к телефону просили, так я насилу к вам достучалась в дверь.

— Это точно, вчера я задремал днём, да всё потому, что опять-таки ночью не спал. Сначала ревматизм, а потом опять эта музыка — будь она неладна! — совсем не дала заснуть. Надо будет управдому сказать.

— Что же вы ему скажете? — махнула рукой Софья Михайловна.— Если бы девочка шалила, нарочно шум поднимала, то, конечно, другой разговор, но она ведь учится. Разве может управдом запретить учиться?

Запрещать и не нужно, но зачем же играть спозаранку, когда люди спят!— проворчал Прохор Семёнович.— Да ладно уж! Всё равно, видать, ничего не поделаешь!

— Почему ничего не поделаешь? Можете обменять

жилплощадь,— сказала Софья Михайловна.

— Как же так — обменять? Это просто сказать, Софья Михайловна. Я уж тут и к соседям привык.

— И к новым привыкнете.

— Так-то так,— покачал головой Прохор Семёнович и ничего не сказал больше.

Сначала он и думать не хотел об обмене жилплощади, но всё-таки иногда вспоминал о том, что ему сказали соседки. И вот в один прекрасный день Прохор Семёнович исчез из своей комнаты, а вместо него появился новый жилец, Геннадий Варсонофьевич, по фамилии Моржов, с которым Прохор Семёнович обменялся жилплощадью.

Этот Геннадий Варсонофьевич Моржов был такой же одинокий человек, как и Прохор Семёнович, только гораздо выше ростом и гораздо толще его. Он был крепенький, краснощёкенький и очень здоровый на вид. У него были светлые рыжеватые усики и толстый, тугой, увесистый нос с красноватым отливом. Его небольшие, неопределённого цвета глазки глядели на всех добродушно и даже приветливо. Голос у него был бас, и говорил он так громко, что издали казалось, будто трубит самая большая труба в самом большом оркестре. Смеялся он тоже громко, отрывисто: «Хах-ха!» — так что все от неожиданности вздрагивали, а чихал он и кашлял с такой страшной силой, что в доме перегорали электрические пробки, во всех комнатах гасли лампочки, а в окнах звенели стёкла, и притом он курил крепкие папироски.

В отличие от Прохора Семёновича Геннадий Варсонофьевич любил слушать радио и, как только расставил в своей комнате мебель, сейчас же включил радиорепродуктор и пошёл на кухню знакомиться с соседями.

— Я такой человек,— говорил он им,— я терпеть не могу тишины и больше всего на свете люблю слушать радио. Как только я приезжаю куда-нибудь, например на курорт или в дом отдыха, я сейчас же отыскиваю, где включается радио, и включаю его так, чтобы всем было слышно. Если кто-нибудь выключит, я тут же включаю снова. Его опять выключат, а я обратно включу. В конце концов, всем надоест выключать, и радио работает без передышки весь день, с утра и до вечера. А мне только этого и надо. Да и остальным хорошо, не так скучно, не правда ли? Хах-ха!

И он засмеялся так громко, что все вздрогнули, а одна хозяйка даже выронила из рук кастрюлю, которую собиралась поставить как раз в этот момент на плиту.

На другой день Геннадий Варсонофьевич Моржов проснулся ни свет-ни заря и тут же включил радиорепродуктор на полную мощность. Сила звука была так велика, что музыка проникла не только в соседние комнаты, но и в прихожую, и в коридор, и в ванную, и на кухню. Поэтому, пока Моржов курил свои папироски в прихожей, умывался и чистил зубы в ванной, жарил себе на кухне яичницу, он всё время слушал радио и был очень доволен.

Однако остальным жильцам это не очень понравилось, потому что некоторым хотелось ещё поспать, а какой уж тут может быть сон, если такие звуки! Один жилец, Виталий Сергеевич Холодецкий, который работал на заводе инженером конструктором, даже высунулся в коридор и, увидев Моржова, сказал:

— Что это вы, соседка, затеяли слушать радио спозаранку? Люди ведь спят ещё.

— Ничего,— хладнокровно ответил Моржов,— будем вставать уже.

— Да я, может быть, не хочу так рано вставать! Вы бы хоть дверь в свою комнату закрыли!

– А мне, может быть, удобнее, когда дверь открыта!

– А мне, может быть, было бы удобнее взять вашу сковородку да поставить вам на голову! – рассердился Холодецкий.

– А вот это было бы мне уже неудобно, – сухо сказал Геннадий Варсонофьевич и скрылся у себя в комнате вместе со сковородкой, на которой шипела яичница.

Виталий Сергеевич постоял в коридоре, но, убедившись, что Геннадий Варсонофьевич не думает выключать радио, пожал плечами и лёг обратно в постель. Конечно, в тот день ему уже больше не удалось поспать.

Вскоре соседи заметили, что этот осёл, то есть не этот осёл, прошу прощения, а этот человек, вёл себя очень странно. Он никогда ничего не читал: ни газет, ни журналов, ни книг, не ходил ни в кино, ни в театр, ни в музеи, ни в картинные галереи, а только и делал, что слушал радио. Причём по радио он слушал всё: и последние известия, и урок гимнастики, хотя сам гимнастикой не занимался, и детскую передачу, и передачу для женщин. Как оказалось впоследствии, Геннадий Варсонофьевич даже на ночь не выключал репродуктор, и, как только утром радиостанция начинала работать, по всему дому неслись громкие звуки, которые поднимали жильцов с постелей.

– Вы бы хоть на минутку давали отдохнуть своему репродуктору, – говорила Геннадию Варсонофьевичу Людмила Дмитриевна.

– А пусть себе, – добродушно отвечал Геннадий Варсонофьевич. – Кому он мешает? Пусть поговорит, а мы послушаем.

– Так нельзя ли хоть чуточку тише? – просили жильцы.

– Отчего же нельзя! Тише можно, – соглашался Геннадий Варсонофьевич.

Он и на самом деле поворачивал регулятор громкости, чтобы было потише, но через минуту громкоговоритель

снова работал на полную мощность. Жильцы были в отчаянии и только разводили руками, не зная, что предпринять, а Виталий Сергеевич выходил из себя и говорил:

— Честное слово, мне неважно больше! Я взялся рассчитать дома для завода одну конструкцию и никак не могу сосредоточиться из-за этого репродуктора. Вот увидите, я пойду к управдому жаловаться.

Однажды, когда его терпение окончательно лопнуло, он действительно помчался в домоуправление. Там как раз в это время уже был один из жильцов. Он хотел приобрести в магазине в рассрочку мебель и пришёл к секретарше за справкой.

Увидев управдома, который сидел за столом у окна, Виталий Сергеевич спросил:

— Товарищ управдом, скажите, пожалуйста, можно шуметь у себя в комнате на всю квартиру и мешать людям спать с шести часов утра?

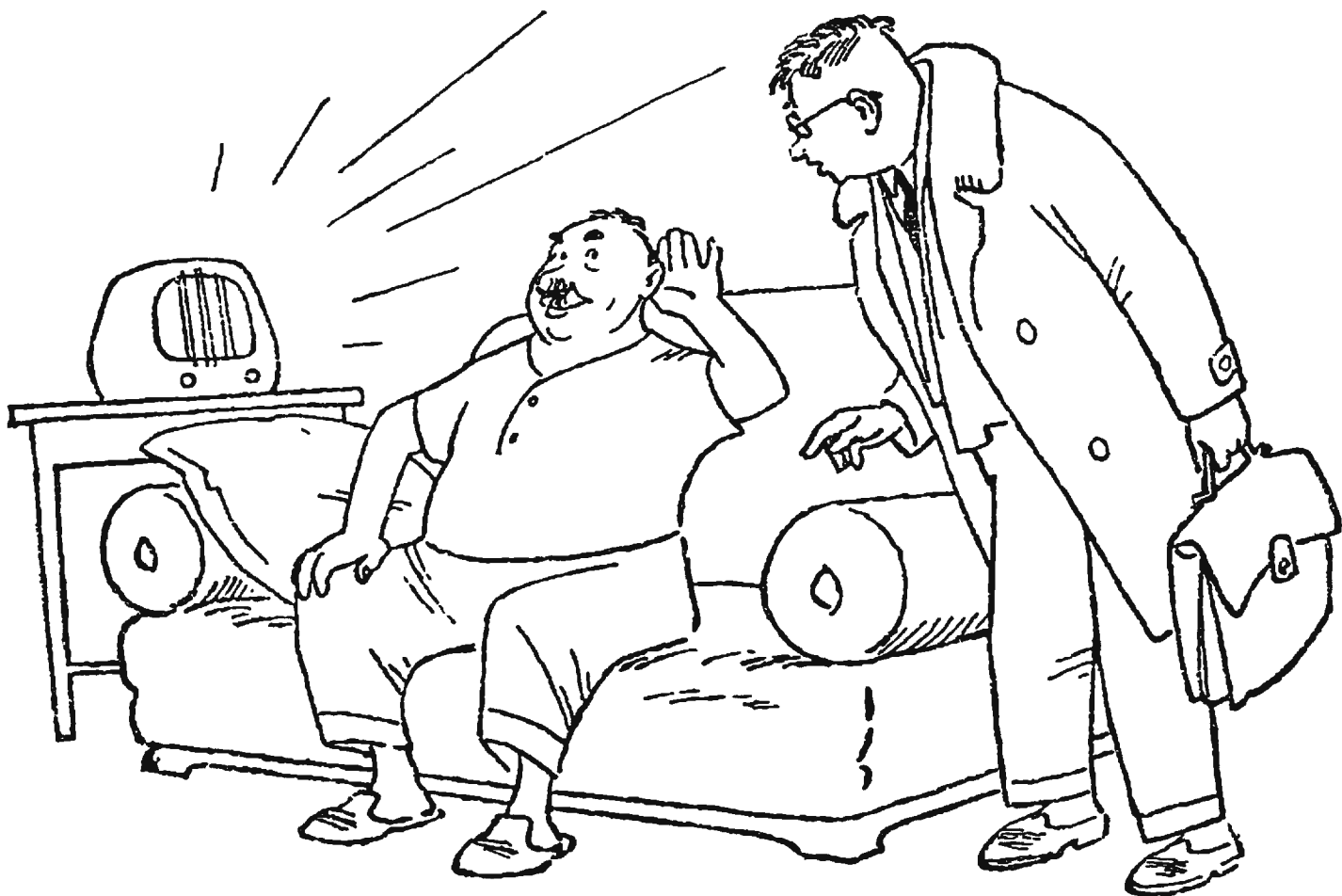
— Зачем же это вам вдруг понадобилось шуметь на всю квартиру, да ещё с шести утра? — удивился управдом.

— Вы лучше подождите немного,— пошутил жилец, который пришёл за справкой.— Вот построят при коммунизме для всех дома со стенами пятиметровой толщины, тогда и шумите себе на здоровье.

— Научиться внимательно относиться друг к другу гораздо легче, чем делать пятиметровые стены,— откликнулась секретарша.— Я думаю, что при коммунизме у нас все будут сознательными, никто не станет шуметь, и ваши пятиметровые стены никому не понадобятся. А вы, гражданин, постеснялись бы шуметь,— обратилась она к Виталию Сергеевичу.

— Да разве же это я шумлю? — удивился Виталий Сергеевич.

— Кто же у вас шумит в таком случае? — спросил управдом.

— Шумит наш новый жилец Геннадий Варсонофьевич, Моржов по фамилии.

— Как же он там шумит, этот ваш Моржов?

— Радио включает в неположенные часы. Прямо никакого спасения нет!

— А вы говорили ему, что так делать нельзя?

— Говорили, да он ничего слушать не хочет. Говорит: мне так удобнее!

— «Удобнее»! — с горькой усмешкой сказал управдом.— Сегодня ему удобнее шуметь на всю квартиру, не считаясь с людьми, а завтра станет удобнее взять чужую вещь или обокрасть ювелирный магазин. С этого «удобнее» всё зло и начинается. Вы не смейтесь,— сказал он, заметив на лице секретарши улыбку.

— Я не смеюсь,— ответила секретарша.— Я как раз уверена, что всё нехорошее начинается с неуважения к людям, от невнимания к ним, от недостатка чуткости.

– Ну, хорошо,— сказал управдом, обращаясь к Виталию Сергеевичу.— Я зайду к этому вашему Моржову, поговорю с ним.

В тот же вечер он на самом деле зашёл к Моржову. Поздоровавшись с хозяином и покосившись на стоявший в углу комнаты на небольшом столике репродуктор, из которого вырывались бодрые звуки марша, управдом стащил с головы шапку и приветливо сказал:

– Ну как устроились, Геннадий Варсонофьевич? Поздравляю вас с новосельем!

– Спасибо, устроился хорошо,— пробасил Моржов, улыбаясь во весь рот и разглаживая рукой усы, отчего его глаза приняли какое то хитроватое выражение.

– Что ж, я вижу, что хорошо,— ответил управдом, оглядываясь по сторонам.

– Что вы сказали? — спросил, не расслышав, Моржов.

– Вижу, что хорошо! — закричал управдом, стараясь заглушить радио.

– А-а,— понимающе протянул Моржов и прокричал в ответ: — Садитесь, будьте как дома!

Управдом присел на диван, положил на колени портфель и шапку и, снова покосившись на репродуктор, спросил:

– Что это, Геннадий Варсонофьевич, радио у вас всегда так громко играет?

– Что? — опять не расслышал Моржов.

– Радио, говорю, всегда так громко играет?! — закричал управдом изо всех сил.

– Всегда!— закричал Моржов.— То есть нет, нет, не всегда! — замахал он руками.— Иногда только!

– Так нельзя ли выключить на минутку?

– Что? — Моржов приложил к уху руку, чтобы лучше слышать.

– Вы-клю-чить на ми-нут-ку!— закричал управдом прямо ему в ухо.

— Ах, выключить!— улыбнулся Геннадий Варсонофьевич.— Зачем же его выключать? Можно сделать потише.

Он отрегулировал громкоговоритель, и музыка стала тише.

— Ну вот,— облегчённо вздохнул управдом,— а то ведь даже себя не слышишь!

— Как вы сказали? Себя не слышишь? Хах-ха-а!

Моржов захохотал так громко, что в соседней комнате заплакал от испуга ребёнок, а управдом от неожиданности вздрогнул и даже забыл на минуту, зачем пришёл. Постепенно он, однако, опомнился и сказал:

— Мне тут, голубчик, соседи жаловались, что вы включаете радио в неположенные часы.

— А разве нельзя?

— Почему же нельзя, голубчик? Можно! Но зачем же так громко?

— Так я же не громко.

— Где же не громко! — возразил управдом.— Вот я к вам из домоуправления шёл, так, поверите ли, на улице слышно.

— Что выговорите? — удивился Моржов.— На улице слышно? А-хах-ха!

Он схватился руками за живот и захохотал так, что управдом от испуга оторопел и уронил на пол портфель и шапку.

— Ну, не буду, дорогой, больше не буду,— сказал Геннадий Варсонофьевич, бросаясь поднимать с пола портфель и шапку.— Буду теперь играть потихонечку.

Он сунул в руки ошалевшему управдому портфель, нахлобучил ему на голову шапку и выпроводил его из комнаты.

— Теперь всё хорошо будет,— сказал он, открывая перед управдомом входную дверь и слегка подталкивая его в спину.— Так вы говорите — на улице слышно? А-хах-ха-а!

Моржов заржал с такой силой, что у бедного управдома потемнело в глазах, и он стал спускаться по лестнице, спотыкаясь на каждой ступеньке и хватаясь руками за стены.

Как только управдом ушёл, Моржов снова повернул регулятор громкости, и музыка опять загремела в полную силу.

На другой день Виталий Сергеевич опять было побежал жаловаться управдому, но тот сказал:

— Делайте что хотите, но я больше не пойду разговаривать с этим вашим Моржом. Уж очень нехорошо он смеётся. У меня до сих пор мурашки по спине ходят, как только я вспомню этот его дьявольский смех. Видать, этого Моржова не учили в детстве родители, что нужно уважительно относиться к людям, а теперь его перевоспитать трудно.

Вот когда пожалели соседки, что посоветовали бывшему жильцу Прохору Семёновичу обменять свою комнату! Если бы у них остался жить этот безобидный больной старичок, они бы и горя не знали. Убедившись, что теперь уже всё равно ничего поделать нельзя, они кончили тем, что поссорились с Геннадием Варсонофьевичем и перестали с ним разговаривать.

Однако на этом деле пострадали не только соседи, но и наш воробей, который на чердаке жил. Услышав впервые звуки громкоговорителя, Золотой Петушок даже не огорчился.

— Ну, и что ж тут такого? — сказал рассудительно он. — Всё равно Наденька начинает играть спозаранку, а немного больше музыки или немного меньше, какая разница!

Он не учёл в первый момент, что Наденька иногда болела и нет-нет да и давала отдых его бедным, многострадальным ушам. Геннадий же Варсонофьевич

Моржов был, как уже сказано, мужчина богатырского телосложения и никогда ничем не болел, разве что кашлем. Как только наш Золотой Петушок убедился, что перерывов в утренней работе радиорепродуктора не предвидится, он принялся страшно возмущаться и хотел даже заявление в домоуправление написать, да так и не собрался, потому что вскорости заболел.

Да, да, заболел! И болезнь к нему привязалась какая-то странная, такая, что даже не поймёшь, что за болезнь – не то кашлять хочется, не то чихать, грудь как то теснит и ничего делать не хочется: не хочется спать, не хочется есть, ни о чём думать не хочется, летать тоже не хочется, потому что крылышками махать лень. Со временем он даже отвык разыскивать для себя еду, а только смотрел: куда остальные воробьи летят, туда и он. Так только и не погиб с голоду.

Весной, когда засияло на небе солнышко, Золотой Петушок было вострепнулся и приободрился. Какое то радостное чувство, которого он давно уже не испытывал, заиграло в его груди, и он подумал, что жить всё таки хорошо, несмотря ни на что. Он вспомнил, что пора уже строить гнёздышко, чтобы вывести маленьких птенчиков, как обычно делали все воробьи весной. Вся болезнь как бы соскочила с него, и он почувствовал себя по-прежнему бодрым, здоровым, сильным.

Облюбовав для своего гнезда уютное местечко в застрехе, Золотой Петушок с радостной песней полетел за строительным материалом, то есть за различными прутиками, соломинками, перышками, пушинками, из которых воробьи любят сооружать свои гнёзда. И сразу ему посчастливилось. Где то среди двора он подхватил большой комок мягкой, пушистой, белой, как весеннее облачко, ваты и, взвившись кверху, потащил её к своему гнезду, но коварный весенний ветер выхватил вату прямо из его клюва.

Не успел Золотой Петушок сообразить, что, собственно говоря, произошло, как из-под карниза дома выпорхнул другой воробей, подхватил на лету комок ваты и улетел с ним.

Золотой Петушок был так расстроен своей неудачей, что не полетел за новым строительным материалом, а спрятался у себя в застрехе и от огорчения даже на белый свет не хотел смотреть. Досада душила его с такой страшной силой, что стало трудно дышать.

«Это что же творится такое? — думал Золотой Петушок.— Уже прямо изо рта строительный материал выхватывают! Где же справедливость на свете?»

В этот день он уже не вылезал из-под крыши, не ел ничего, не пил и почувствовал такую слабость, что глазки его сами собой закрывались, а головка свешивалась набок.

Бедный воробей даже не подозревал, что уже давно тяжело болеет, и если бы не прослушал случайно в тот же вечер по радио лекцию одного учёного профессора, то так бы, наверно, и не выздоровел никогда.

Эта лекция, как ни странно на первый взгляд, была о значении гимнастики или простого физического труда для человеческого здоровья. Профессор рассказывал, какое огромное значение для нашего организма имеют нормальный сон, правильное питание и занятие физическим трудом или хотя бы гимнастикой.

Мы часто не обращаем внимания, говорил профессор, на потерю аппетита, бессонницу, недомогание, скверное настроение, забывая, что всё это — признаки заболевания нервной системы, которая управляет всем нашим телом и поэтому имеет огромное значение для здоровья каждого из нас. Для лечения нервной системы необходимо наладить нормальный сон, который даёт отдых нервной системе, и восстановить аппетит, а для налаживания сна и аппетита лучшее средство — заниматься гимнастикой, сказал профессор и объяснил, как нужно делать

простейшие гимнастические упражнения.

Прослушав лекцию, Золотой Петушок понял, что его недомогание – не просто дурь или какая-нибудь блажь, а серьёзное заболевание, с которым надо бороться.

В этот вечер Золотой Петушок заснул по привычке поздно, а на другой день его, как обычно, разбудили звуки радио. Прослушав последние известия и ничего не поняв, так как теперь уже ни о чём, кроме своей болезни, не мог и думать, Золотой Петушок вдруг услышал, как чей-то громкий голос сказал:

– А теперь начинаем урок гимнастики по радио.

Приготовьтесь к ходьбе. Сделайте глубокий вдох.

И... раз, два, три, четыре!..

Загремела музыка. И вот тут-то Золотому Петушку пришла в голову счастливая мысль.

– Э! – сказал он сам себе. – Да ведь это как раз то, что мне нужно! Займусь ка и я гимнастикой.

Вспомнив, о чём говорил вчерашний профессор, Золотой Петушок принялся делать простейшие гимнастические упражнения, то есть сначала приподнимался на цыпочках и поднимал крылья кверху, одновременно делая глубокий вдох, после чего опускался на пятки, складывая крылышки на спине и делая выдох. Повторив это упражнение раз пять или шесть, он немножечко отдохнул и перешёл к наклонам корпуса, то есть наклонял туловище вперёд, опускал клюв к самому полу, расставляя при этом крылышки в стороны и делая выдох, после чего выпрямлялся в исходное положение и делал вдох. Это упражнение он тоже проделал раз пять-шесть и перешёл к подскокам и приседаниям, а именно: сначала он приседал, опустив крылышки вниз, потом подскакивал на одной левой ноге, а правую выбрасывал вперёд, после чего опять приседал и снова подскакивал, но уже на правой ноге, а левую выбрасывал вперёд или в сторону, так что со стороны казалось, будто воробей пляшет вприсядку.

Потрепыхавшись таким образом минут десять или пятнадцать, Золотой Петушок почувствовал, что ему вдруг страшно захотелось есть, и он тут же, позабыв о всяких болезнях, полетел разыскивать для себя корм. В этот день он был немного бодрей, голова у него соображала быстрее, и он питался лучше обычного. Вечером он слушал радио не до самого конца, а только до десяти часов, после чего заткнул уши ватой и лёг спать.

Умный воробей рассчитал, что если его будят утром в шесть часов, то надо ложиться не в двенадцать, а в десять, чтобы на сон оставалось восемь часов, как полагается.

Ночь Золотой Петушок провёл вполне хорошо, а наутро снова принялся за гимнастику. И так у него и пошло. Каждое утро он делал зарядку, освоил не только подскоки, наклоны и приседания, но и повороты туловища, упражнения для брюшного пресса, поднятие ног в сидячем положении и, наконец, ходьбу, хотя это было для него наиболее трудное упражнение. Всем известно, что воробьи от природы не умеют ходить, то есть передвигаться по земле, переставляя попеременно то правую, то левую ногу. Обычно воробьи скачут, отталкиваясь от земли сразу двумя ногами. Однако наш Золотой Петушок освоил всё-таки этот метод и каждый раз заканчивал свои физкультурные упражнения ходьбой, то есть маршировал под музыку по лежащей вдоль чердака деревянной балке.

Не прошло и двух недель, как у нашего воробья восстановились сон и аппетит, а вместе с ними здоровье. Золотой Петушок стал по-прежнему добродушный,

жизнерадостный, общительный и весёлый. Теперь он уже не мог даже без смеха вспомнить, как глупо вёл себя раньше. В общем, всё у него вернулось в прежнюю колею, и Золотой Петушок, хотя и с некоторым опозданием, успел всё же в это лето и гнездо построить и птенцов вывести.

Этот случай как нельзя лучше доказывает, что из всякого положения можно отыскать выход.

А вот для Геннадия Варсонофьевича всё кончилось не так чтоб уж очень блестяще. Сначала никто из соседей не хотел разговаривать с ним, и это очень огорчало его. Потом он почувствовал, что ни с того ни с сего начинает вдруг глохнуть. Страшно перепугавшись, он побежал в лечебницу. Врач выслушал его, внимательно осмотрел его уши как снаружи, так и внутри и сказал:

— Это у вас от излишнего шума, голубчик. У вас дома, должно быть, соседи скверные и много шумят. Вам обязательно надо переменить обстановку. Послушайте меня, дорогой, поезжайте куда-нибудь, где не так шумно. Если поживёте полгодика в приличном месте, то есть в тишине, то слух ваш улучшится. Если же будете жить, как до сих пор жили, то оглохнете окончательно.

Бедный Геннадий Варсонофьевич постеснялся признаться врачу, что он попросту сам во всём виноват, но с тех пор стал вести совсем иной образ жизни. Громкоговоритель свой не включал, когда не было нужно, а если включал, то совсем потихонечку; когда кашлял или чихал, прикрывал рот платочком, чтоб не так громко было. Все жильцы очень скоро обратили внимание на перемену в его характере. Они снова стали разговаривать с ним и уже смотрели на него не сердито, а очень приветливо. А когда узнали, что шум для него вреден, то стали создавать вокруг него тишину: разговаривали между собой шёпотом, ходили на цыпочках и забивали в стены гвозди, только когда его дома не было.

Словом, все так хорошо заботились о здоровье Геннадия Варсонофьевича, что слух у него начал улучшаться, и даже появилась надежда, что со временем восстановится совсем.

Впоследствии, когда было изобретено телевидение, Геннадий Варсонофьевич купил себе телевизор. Вернувшись домой с работы, он обычно включал телевизор так, чтобы звук был совсем потихоньку слышен, и, усевшись поближе к экрану, смотрел, пока шла передача.

Все жильцы беспокоились, как бы он не испортил себе зрение, и нарочно заходили к нему поболтать о том-о сём, чтоб хоть на некоторое время отвлечь его от телевизора.

Да, братцы, что ни говорите, а всё-таки хорошие люди у нас живут!

А для Наденьки вся эта история тоже кончилась очень благополучно. Мама вскорости убедилась, что нет смысла заставлять девочку учиться музыке, раз у неё нет призвания к этому делу. На следующую осень она забрала Наденьку из музыкальной школы, и с тех пор Наденька училась в обыкновенной школе. Кроме того, мама разрешила ей записаться в кружок кройки и шитья при Доме пионеров.

Когда Наденька окончила семь классов, она пошла в ремесленное училище, а потом в техникум, а когда окончила техникум, поступила работать на одёжную фабрику. И такая она хорошая оказалась мастерица, что слава о ней разнеслась по всему городу. Года через два или три её даже пригласили на работу в драматический театр, чтобы шить там костюмы, в которых актёры представляют на сцене. В театре ведь всегда требуются опытные портные, так как там приходится шить не только обычные костюмы, в которых люди ходят теперь, но и такие, которые носили в прошлые времена, а все актёры, как это известно, очень любят представлять пьесы из

прошлых времён.

Наденька с большим удовольствием работала в драматическом театре, но её всё же почему то тянуло туда, где куклы. В конце концов она бросила это занятие и пошла работать в кукольный театр, хотя ей платили там чуть ли не вдвое меньше, чем на прежнем месте. В кукольном театре она шила для кукол новые красивые платья, а потом и сама стала мастерить для спектаклей новые куклы. Увлёкшись работой, она даже стала выступать со своими куклами на сцене. Каждый ведь знает, что в кукольном театре куклы сами не могут ни двигаться, ни говорить. Их двигают и за них говорят люди, то есть актёры или актрисы.

Наденька так ловко управляла своими куклами и говорила за них с таким умением, что всем казалось, будто куклы сами собой двигаются и говорят. Даже больше того, куклы у неё не просто двигались и говорили, а переживали все чувства – и радовались от счастья, и страдали от горя, и волновались, и сердились, и смеялись, и плакали. И всё это у них получалось так естественно, что зрители, глядя на них, тоже смеялись и плакали и приходили в восторг.

Все увидели, что Наденька замечательная актриса, и ей присвоили звание заслуженной артистки республики. Теперь её все знают. Фамилия этой артистки... впрочем, фамилии я не скажу. Наденька согласилась, чтоб я рассказал о ней всё, что знаю, но взяла с меня обещание не называть её фамилию. Она считает, что зрителям кукольного театра не следует знать ни артиста, ни его фамилию. Зрители должны воображать, что куклы сами играют на сцене, будто живые. Если же зрители начнут думать, что за кукол играют люди, то всякое очарование пропадёт и спектакль потеряет всю свою силу. Мне почему-то кажется, что это не совсем так, но поскольку я обещание дал, то должен исполнить.

Мне, конечно, очень приятно, что у меня есть знакомая заслуженная артистка.

Я иногда захожу к ней в гости по старой памяти, она угощает меня чаем с печеньем, а иногда даже с пирожным и рассказывает разные интересные случаи из своей жизни.

— Скажите,— спросил я её однажды,— вот вы не захотели учиться музыке в детстве и, конечно, ни чего не потеряли, потому что стали знаменитой артисткой. Но если все дети по вашему примеру будут отказываться учиться играть на пианино, не переведутся ли музыканты на свете?

В ответ на это Наденька рассмеялась так громко, словно я сморозил какую-то чепуху.

— Думаю, что такая беда нам пока не грозит,— сказала она.— Ребёнок, у которого есть способности к музыке, всегда будет учиться с охотой. Он сам будет стремиться стать музыкантом, и его не остановят никакие препятствия. Но вы всё-таки ошибаетесь, если на самом деле думаете, что я ничего не потеряла, отказавшись учиться музыке.

— Да, да, конечно,— поспешил согласиться я.— Теперь вы артистка, а артистке полезно уметь играть.

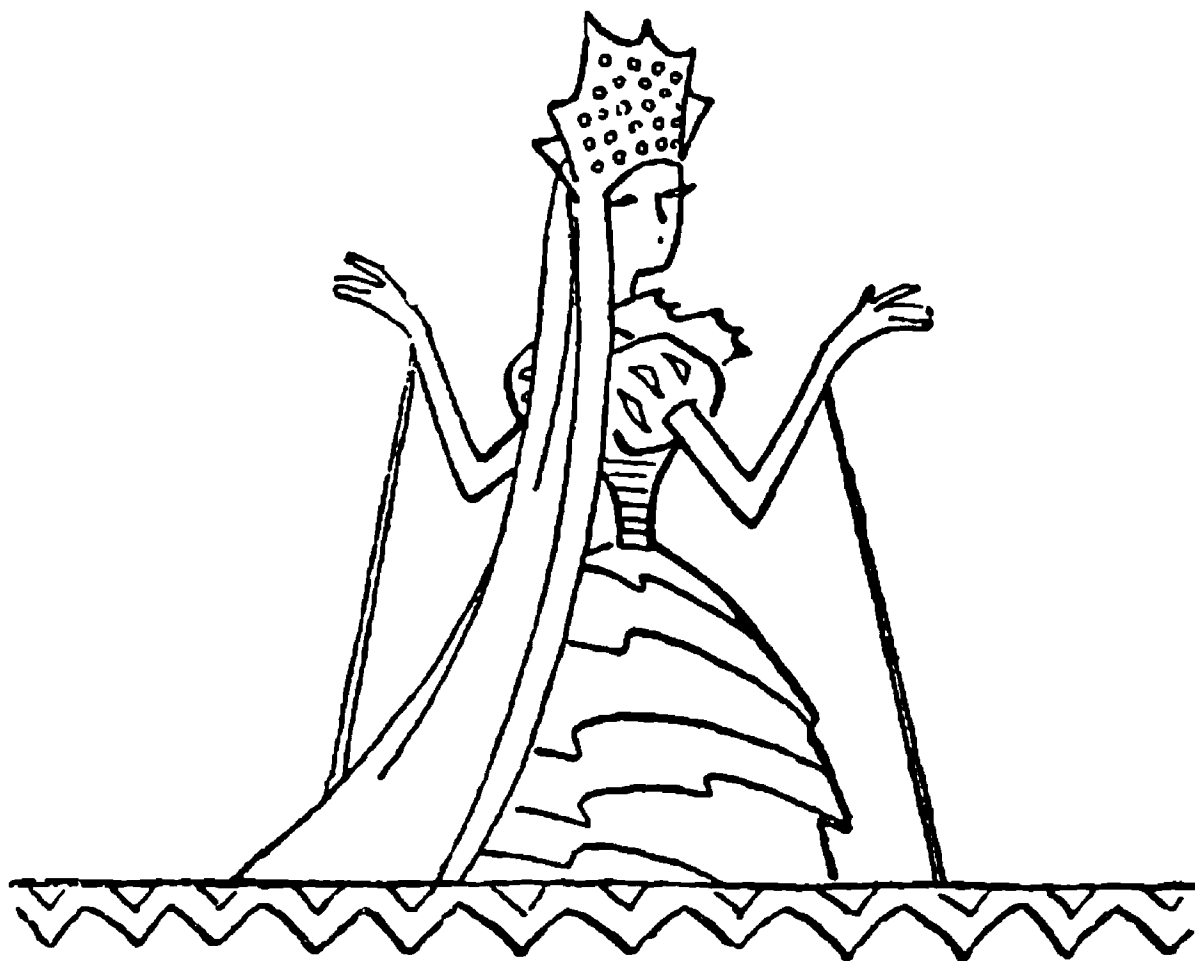
— Нет, вовсе не потому,— возразила Наденька.— Для моих кукол вовсе не нужно, чтобы я играла на пианино. Я хочу сказать, что музыка нужна каждому. Бывают минуты, когда человеку хочется петь, играть, танцевать, читать наизусть стихи, и он чувствует себя очень несчастным, если не может этого делать.

Вот какие разговоры у нас были с Наденькой. Всего, конечно, не перескажешь. Теперь надо рассказать про Наденькиных маму и папу. Наденькины мама и папа в конце концов успокоились и теперь вполне довольны своей судьбой. Теперь они стали совсем старенькими старичком и старушкой. Они часто ходят в кукольный театр, смотрят кукольные представления и очень гордятся

своей дочкой.

— Что ж,— говорят они,— из неё не вышла знаменитая музыкантша, это верно, зато артистка получилась хорошая. В конце концов, ведь не так важно, кем будешь: важно трудиться, приносить людям пользу, а не копить, как говорится, небо без толку.

И это, конечно, правда!

Повести

ДНЕВНИК КОЛИ СИНИЦЫНА

28 мая

У меня сегодня очень радостный день: занятия в школе окончились и я перешёл в следующий класс с одними пятёрками.

Завтра начинаются каникулы. Я задумал во время каникул вести дневник. Мама сказала, что подарит мне вечную ручку, если я буду вести дневник аккуратно. Я купил толстую общую тетрадь в синей обложке и решил аккуратно записывать в эту тетрадь разные интересные случаи.

Как только случится что-нибудь интересное, я сейчас же запишу.

Кроме того, буду записывать свои мысли. Буду думать о разных вещах и, как только в голову придёт хорошая мысль, я тоже её запишу.

Сегодня ещё ничего интересного не случилось. Мыслей тоже пока ещё не было.

29 мая

Сегодня тоже ещё ничего интересного не случилось.

Мыслей тоже никаких не было. Наверно, это потому, что я всё свободное время играл во дворе с ребятами и мне некогда было думать.

Ну, ничего. Подожду до завтра. Может быть, завтра будет что-нибудь интересное.

30 мая

Сегодня опять ничего интересного не случилось. Мыслей тоже пока почему то не было. Прямо не знаю, о чём писать! Может быть, мне просто выдумать что-нибудь да написать? Но это ведь не годится — в

дневнике выдумки писать. Раз дневник, значит, нужно, чтобы всё была правда.

31 мая

Сегодня у нас был сбор звена. Наш звеньевой Юра Кусков сказал:

— Ребята, вот уже началось лето, и нас отпустили на каникулы. Некоторые из вас, может быть, думают, что летом ничего делать не надо, только гулять, то это неправильно. Пионеры даже на лето не прекращают своей работы, чтобы время не пропадало зря. Давайте придумаем на лето какую-нибудь интересную работу и будем делать её всем звеном.

Мы все задумались и стали придумывать на лето работу.

Сначала никто ничего не мог придумать, потом Витя Алмазов сказал:

— Ребята, у нас при школе есть опытный огород. Может быть, нам на огороде работать?

Юра говорит:

— Опоздали: уже эту работу второе звено захватило. Они уже посадили огурцы, и помидоры, и тыквы.

— Тогда давайте деревья в школьном саду сажать,— предложил Женя Шемякин.

— Спихватился!— говорит Юра.— Деревья надо ранней весной сажать. И к тому же у нас все деревья уже посажены. Больше сажать негде.

— Давайте всем звеном собирать почтовые марки,— сказал Федя Овсянников.— Я очень люблю собирать марки.

— Марки каждый может в отдельности собирать, а для звена это не работа,— ответил Юра.

— А то есть ещё такая работа: собирать конфетные бумажки,— сказал Гриша Якушкин.

— Ещё что выдумаешь! — ответил Павлик Грачёв.— Ты ещё скажешь — собирать спичечные коробки! Какая от этого польза? Надо такую работу, чтоб была польза.

Мы снова стали усиленно думать, но больше никому ничего в голову не приходило. Юра сказал, чтоб мы ещё поразмыслили дома, а потом соберёмся и обсудим, какие у кого будут предложения.

Дома я не сразу стал думать. Сначала я погулял во дворе с ребятами, потом пообедал, потом ещё немножечко погулял, потом поужинал и ещё чуточку погулял. Потом вернулся домой и стал писать дневник. Тут мама сказала, что уже пора спать, и только тогда я вспомнил, что мне надо подумать о работе на лето. Я решил, что думать не обязательно нужно сидя. Думать можно и лёжа. Сейчас я разденусь, лягу в постель и начну думать.

1 июня

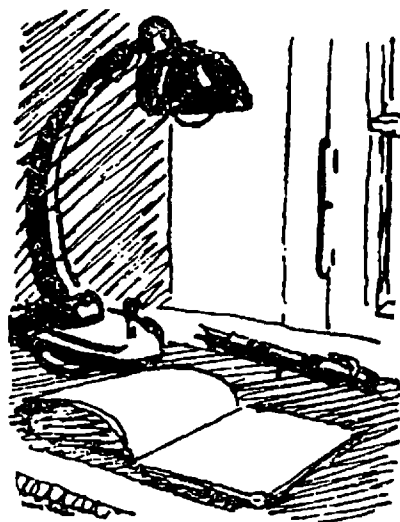

Вчера я лёг в постель и стал думать. Но вместо того чтобы думать о работе, я стал почему-то размышлять о морях и океанах: о том, какие в морях водятся киты и акулы; почему киты такие большие, и что было бы, если

бы киты водились на суше и ходили по улицам, и где бы мы жили, если бы какой-нибудь кит разрушил наш дом. Тут я заметил, что думаю не о том, и сейчас же забыл, о чём надо думать, и стал почему-то думать о лошадях и ослах: почему лошади большие, а ослы маленькие, и что, может быть, лошади — это то же, что и ослы, только большие; почему у лошадей и ослов по четыре ноги, а у людей только по две, и что было бы, если бы у человека было четыре ноги, как у осла,— был бы он тогда человеком или тогда он был бы уже ослом; почему осёл маленький, а хвост у него большой, а слон большой, но хвост у него не такой уж большой; сколько из одного слона можно наделать лошадей или хотя бы ослов, и почему у слона хобот, а у человека нет, и что было бы, если бы у человека был хобот.

Тут я снова заметил, что опять думаю не о том, и, сколько я ни пытался думать о деле, в голову лезла только одна чепуха. Оказывается, у меня какая-то упрямая голова: когда мне нужно думать об одном, она обязательно думает о другом. Я решил, что с такой головой лучше совсем не думать, и быстро заснул.

2 июня

Ура! Мама подарила мне вечную ручку! Бот теперь я буду писать этой ручкой. Только вот беда: ручка есть, а писать нечего! Целый час думал, о чём писать, и ничего не придумал.

Но я ведь не виноват, что никаких интересных приключений не было.

3 июня

Сегодня утром я вышел на улицу, смотрю — идёт Гриша Якушкин. Я спрашиваю его:

— Куда ты идёшь? Он говорит:

— Я иду в школу на занятия кружка юннатов. Я говорю:

— Возьми меня с собой. Он говорит:

— Пойдём.

Пошли мы вместе и по дороге встретили Юру Кускова. Он тоже шёл на занятия кружка юннатов. Когда все юннаты собрались, наша учительница Нина Сергеевна, которая руководит кружком юннатов, повела нас в сад и стала показывать, как устроены цветы растений. Оказывается, в цветке имеются тычинки с пыльцой, и вот если эта пыльца попадает с цветка на цветок, то из такого опылённого цветка образуется плод, а если пыльца на цветок не попадает, то из него никакого плода не получится. Разные насекомые садятся на цветы, пыльца прилипает к ним, и они её переносят с цветка на цветок. Значит, насекомые помогают увеличивать урожай, потому что если бы они пыльцы не переносили, то плодов бы не получалось.

Больше всего увеличивают урожай пчёлы, так как они

собирают на цветах мёд и по целым дням летают с цветка на цветок. Поэтому везде надо устраивать пасеки.

После занятия кружка юннатов Юра собрал сбор звена и стал спрашивать, кто что придумал. Оказалось, что никто из ребят ничего не придумал. Юра велел, чтоб мы ещё хорошенько подумали, и уже хотел закрыть сбор звена, но тут Гриша Якушкин сказал:

– Давайте сделаем улей и будем разводить пчёл.

Мы все обрадовались. Нам понравилось это предложение.

– По-моему, это дело хорошее, – сказал Юра. – Пчёлы приносят большую пользу – они не только делают мёд, но и помогают увеличивать урожай.

– Ребята, – закричал Павлик Грачёв, – мы прославимся на всю школу! Давайте поставим улей в саду, и у нас при школе будет пасека. Всё звено паше прославится!

– погоди, – сказал Юра, – сначала надо сделать улей, а потом уже можно думать о том, чтобы прославиться!

– А как сделать улей? – стали спрашивать все. – Мы ведь не знаем, как он устроен.

– Надо у Нины Сергеевны спросить. Она, наверно, знает, – ответил Юра.

Мы побежали в школу, увидели Нину Сергеевну и стали расспрашивать её про улей.

– А почему вы ульем интересуетесь? – спросила Нина Сергеевна.

Мы сказали, что хотим разводить пчёл.

– Где же вы пчёл возьмёте?

– Наловим, – сказал Серёжа.

– Как наловите?

– Руками. Как же ещё? Нина Сергеевна стала смеяться:

– Если вы станете ловить пчёл по одной, то они не будут жить у вас, потому что пчёлы живут только большими семьями, и каждая пчела улетит из вашего улья

обратно в свою семью.

— Как же делают, если кто-нибудь хочет завести пчёл?
— спросили мы.

— Надо купить сразу целую пчелиную семью, или рой,— сказала Нина Сергеевна.

— А где они продаются?

— Можно по почте выписать.

— Как — по почте? — удивились мы.

— Нужно написать в какое-нибудь пчеловодное хозяйство, и оттуда могут прислать пчёл в посылке.

— А где есть такое пчеловодное хозяйство?

— Вот этого я не знаю,— сказала Нина Сергеевна.— Но я постараюсь узнать и скажу вам.

Нина Сергеевна рассказала нам, как устроен улей. Оказалось, что улей — очень простая вещь. Это как будто большая деревянная коробка или ящик с дырой. Если в такой ящик посадить пчёл, то пчёлы будут в нём жить, строить из воска соты и приносить мёд. Только соты они будут лепить прямо к стенкам ящика, и мёд будет трудно доставать оттуда. Для того чтобы мёд было легко доставать, пчеловоды придумали ставить в улей деревянные рамки с вощиной, то есть с тонкими листами воска.

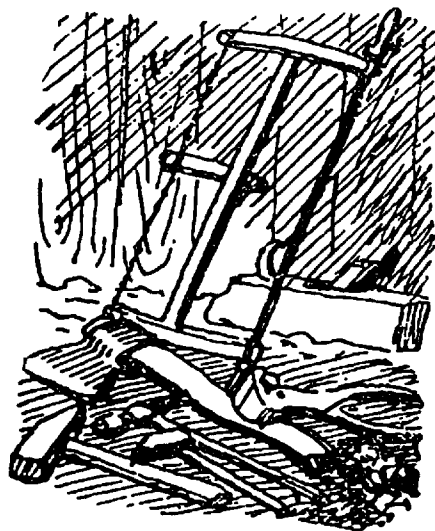
Пчёлы строят соты на этой вощине, и, когда нужно достать мёд, пчеловод достаёт рамки с готовыми сотами.

Мы решили с завтрашнего дня взяться за постройку улья.

Толя Песоцкий сказал, что работать можно будет у него в сарае. Юра сказал, чтоб каждый из нас принёс какие у кого есть инструменты.

Потом я пошёл домой и стал думать о пчёлах. Вот какая интересная штука! Оказывается, пчёл можно посылать по почте. До чего только не додумаются люди!

4 июня

Утром всё наше звено собралось у Толи Песоцкого в сарае.

Витя Алмазов принёс пилу, Гриша Якушкин – топор, Юра Кусков – стамеску, клещи и молоток, Павлик Грачёв – рубанок и молоток, а я тоже принёс молоток, так что у нас оказалось сразу три молотка.

– А из чего делать улей? – спросил Серёжа.

Тут мы все вспомнили, что у нас нет досок.

– Вот беда! – сказал Юра. – Надо доски искать.

– Где же их искать? – говорим мы.

– Ну, надо посмотреть, может быть, у кого-нибудь в сарае найдутся.

Мы все пошли искать доски. Облазили все сараи и чердаки, нигде не нашли. Юра говорит:

– Пойдём к Гале. Может быть, она нам поможет.

Мы пошли к нашей старшей пионервожатой Гале и рассказали ей обо всём. Галя сказала:

– Я попрошу у директора школы. Может, он разрешит взять те доски, которые после ремонта остались.

Она поговорила с директором, и он разрешил нам взять для улья четыре большие доски. Мы приволокли их в сарай, и тут у нас закипела работа. Кто пилил, кто строгал, кто заколачивал гвозди. А Толя распоряжался и кричал на всех. Он воображает, что если мы работаем у

него в сарае, то он может кричать на каждого. Я даже чуть не поссорился с ним из-за этого. Понадобился ему молоток, он и давай кричать:

— Где молоток? Только что у меня в руках молоток был, а теперь вот куда-то делся!

— Постой,— говорит Юра,— я только что забивал гвоздь.

— Куда же ты молоток сунул?

— Да никуда я его не совал!

— Вот ищи теперь!

— И ты ищи.

Они принялись искать молоток, но его нигде не было.

Тогда все ребята бросили работу и стали искать молоток.

Наконец нашли его у меня в руках.

— Что же ты стоишь тут, как чучело! — напустился на меня Толя.— Не видишь разве, что мы молоток ищем?

— Откуда же я знаю, что вы этот молоток ищете? Кажется, у нас три молотка.

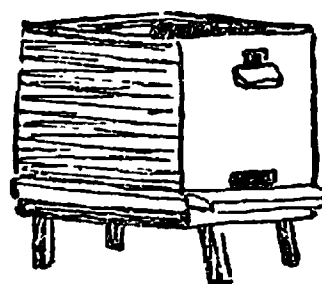
— «Три молотка»! «Три молотка»! Вот попробуй найди их, когда тут и одного не сыщешь!

— Ну и нечего тут кричать!— говорю я.— Я тоже имею право забивать гвозди. Всем работать хочется.

Сегодня мы ещё не успели сделать улей, потому что день кончился и в сарае стало темно.

5 июня

Ура! Улей уже готов! Вот он – я нарочно нарисовал его здесь на память. Внизу нарисован сам улей, а сверху – крыша. Снизу в передней стенке улья сделана дырка, чтобы пчёлы могли вылезать. Эта дыра называется летком, потому что пчёлы через неё вылетают из улья. Сверху имеется ещё один маленький леток, для того чтобы, если какой-нибудь пчеле захотелось вылезти сверху, чтоб она могла вылезти. Возле нижнего летка прибита доска. Ока называется прилётной доской. Пчёлы на неё садятся, когда прилетают. Крыша сделана отдельно, чтоб её можно было снимать с улья, когда нужно доставать рамки. Кроме улья, мы сделали двенадцать рамок.

Юра ходил к Нине Сергеевне, чтоб спросить про пчёл, но Нина Сергеевна ещё ничего не узнала, потому что была очень занята. А вдруг Нина Сергеевна так и не узнает, где достать пчёл, что тогда делать?

6 июня

Сегодня спрашивал у всех, не знает ли кто-нибудь, где достать пчёл, но никто ничего не знает. Целое утро я ходил скучный.

Потом я вернулся домой, а к нам пришёл дядя Алёша.

— Почему ты такой скучный? — спрашивает дядя Алёша.

Я говорю:

— Я потому скучный, что не знаю, где достать пчёл.

— А зачем тебе пчёлы понадобились?

Я рассказал, что наше звено решило устроить пасеку, только мы не знаем, где взять пчёл. Дядя Алёша сказал:

— Когда я жил в деревне, у меня был знакомый пчеловод, который ловил пчёл в лесу ловушкой.

— Какой ловушкой?

— Сделает из фанеры ящик с дырой, вроде скворечника, положит в него немного мёду и повесит в лесу на дереве. Пчёл привлекает запах мёда. Если откуда-нибудь вылетит рой, он может поселиться в таком ящике, а пчеловод возьмёт ящик, отнесёт к себе на пасеку и посадит пчёл в улей. Вот сделай такую ловушку, а когда поедешь с мамой на дачу, повесь в лесу, может быть, в ловушку попадётся рой.

Я стал спрашивать маму, когда мы поедem на дачу.

— Не скоро,— говорит мама,— у меня отпуск в конце июля будет или, может быть, в августе.

Тогда я пошёл прямо к Серёже и рассказал ему про ловушку.

Серёжа говорит:

— Давай сделаем ловушку и будем ловить пчёл у нас на даче. У нас там есть и лес хороший и река.

— А где ваша дача?

— В Шишигине, пять километров отсюда.

— А нам позволят там жить?

Позволят. Там целый дом пустой. Одна тётя Поля живёт.

Я сейчас же вернулся домой и стал проситься у мамы к Серёже на дачу.

— Что ты, что ты! — говорит мама.— Как вы туда

поедете? Ещё под поезд попадёте.

— Да туда вовсе не надо на поезде ехать. Это недалеко. Мы пешком дойдём. Всего пять километров.

— Ну, всё равно,— говорит мама.— Как вы там будете жить одни? Одно баловство!

— И никакого баловства нет,— говорю я.— И жить будем не одни: там тётя Поля.

— Что ж — тётя Поля! — говорит мама.— Разве вы станете слушаться тётю Полю?

— Конечно, станем.

— Нет, нет! — говорит мама.— Вот будет у меня отпуск, поедем вместе, а то вы там в реке утонете, и в лесу заблудитесь, и ещё я не знаю что будет.

Я сказал, что мы вовсе купаться не будем, даже подходить близко не будем к реке, и в лес не будем ходить, но мама даже слышать ничего не хотела об этом. До самого вечера я кланчил и хныкал. Мама пригрозила, что пожалуется на меня папе. Тогда я перестал проситься, но за ужином ничего не хотел есть. Так и спать лягу голодный. Ну и пусть!

7 июня

Утром я проснулся пораньше и снова стал тянуть вчерашнюю канитель. Мама сказала, чтоб я не надоедал ей, а я всё надоедал и надоедал, пока она не ушла на

работу. Потом я пошёл к Серёже, и он сказал, что уже договорился с Павликом и завтра они вдвоём отправятся на дачу, если я не смогу отпроситься. Мне стало завидно, что Серёжа и Павлик отправятся без меня. Целый день я просидел скучный, и, как только мама вернулась, я принялся проситься с удвоенной силой. Мама рассердилась и снова сказала, что пожалуется папе, но я не унимался, потому что теперь мне было всё равно. Наконец папа пришёл, и мама пожаловалась ему. Папа сказал:

– Что ж тут такого? Пусть отправляется. Парень уже большой. Ему полезно приучаться самостоятельно жить.

Тогда мама сказала, что папа вечно мешает ей правильно воспитывать ребёнка (это меня то есть), а папа сказал, что мама сама неправильно воспитывает меня, и они тут чуть из за этого не поссорились, а потом помирились, и тогда мама пошла к Серёжиной маме, и они сразу обо всём договорились. Серёжина мама сказала, что на даче мы никому не помешаем, что тётя Поля за нами присмотрит и будет варить нам обед. Нам только надо взять с собой продуктов. Мама успокоилась и сказала, что отпускает меня на три дня, а если я буду вести себя хорошо, то снова отпустит.

Я сказал, что буду вести себя хорошо.

Все ребята очень обрадовались, когда узнали, что мы отправляемся ловить пчёл на дачу. Юра подарил нам свой компас, чтоб мы не заблудились в лесу; Толя дал перочинный нож; Федя принёс нам походный котелок на случай, если мы сами захотим себе варить обед на костре. Потом мы достали фанеры и стали мастерить ловушку для пчёл.

Ловушка получилась хорошая. Спереди мы сделали дырку и дверцу, чтобы закрыть её, когда поймаются пчёлы. А крышу сделали, как в улье, отдельно, чтоб ловушку можно было открыть и достать пчёл.

К вечеру мама накупила разных продуктов – крупы, муки, масла, сахару, булок, консервов – и сложила всё это в рюкзак, так что рюкзак у меня получился тяжёлый. У Серёжи тоже получился большой рюкзак. Но самый огромный рюкзак у Павлика. Он положил в него котелок и фляжку, и ещё не знаю чего он туда напихал. Словом, у нас всё готово. Теперь поскорей бы пришёл вечер, а завтра мы проснёмся – и сразу в поход в Шишигино.

8 июня

Ура! Мы уже в Шишигине. Я думал, какая там дача, а это, оказывается, просто деревянный дом, а вокруг деревья, даже забора нет, только столбы врыты. Должно быть, не успели сделать. Дом оказался на замке, и в нём никого нет. Тётя Поля куда-то ушла. Мы её ждали, ждали, а потом решили, чтоб не терять времени зря, пойти в лес и повесить ловушку. Пошли в лес, положили в ловушку мёду и повесили её на дерево. Потом отправились на реку купаться. Вода в реке была холодная. Мы купались, купались, пока не посинели от холода. Потом нам захотелось есть.

Мы вылезли из воды, разожгли на берегу костёр и стали варить обед из консервов. После обеда мы вернулись на дачу, но тётя Поля ещё не пришла. Павлик сказал:

– А что, если нам найти в лесу дупло с пчёлами? Мы сразу поймали бы целую пчелиную семью.

– Как же найти дупло? – говорю я.

– Давайте следить за какой-нибудь пчелой, – предложил Павлик. – Пчела наберёт мёду и полетит в своё дупло, а мы побежим за ней и узнаем, где живёт пчелиная семья.

Мы заметили на цветке пчелу и стали следить за ней. Пчела летала с цветка на цветок, а мы ползали за нею на четвереньках и не выпускали её из виду.

От ползанья у меня заболели и руки, и доги, и спина, и шея, а пчела всё работала и не думала никуда улетать. Наконец Серёжа сказал:

– Наверно, пчёлы позже полетят к себе в дупло. Давайте пойдём ещё искупаемся, а потом снова будем следить за пчёлами.

Мы опять пошли на реку и стали купаться. Купались, купались, а потом увидели, что день уже скоро кончится. Тогда мы вернулись на дачу, а тётки Поли всё ещё не было.

– Может быть, она куда-нибудь уехала и не вернётся сегодня? – говорю я.

– Вернётся, – говорит Серёжа. – Куда она могла уехать?

– А вдруг не вернётся? Пойдём лучше домой.

– У меня и так уже ноги болят, – говорит Павлик. – Я никуда не пойду.

– Где же ты ночевать будешь?

– Можно пойти на соседнюю дачу и попроситься, чтоб пустили переночевать, – сказал Серёжа.

– Зачем на соседнюю дачу? – говорит Павлик. – Построим шалаш и переночуем здесь.

– Верно! – обрадовался Серёжа. – В шалаше даже интереснее. Я ни разу ещё в шалаше не ночевал.

Мы тут же взялись за постройку шалаша. Павлик велел нам наломать зелёных веток, а сам взял четыре шеста, поставил верхушками друг к другу, чтоб они стояли пирамидкой, и стал обкладывать вокруг ветками. Когда шалаш был готов, мы натаскали в него сухого мха, а под головы положили рюкзаки с продуктами. В шалаше получилось тесновато, но зато очень уютно.

Мы решили больше никуда не ходить, потому что очень устали. Подумать только, сколько мы сегодня ходили: из города шли, в лес ходили, на реку ходили, обратно с реки на дачу ходили, потом опять в лес, опять на реку, опять обратно на дачу. Потом ещё шалаш строили. Какой-нибудь нормальный, простой человек за месяц столько не ходит, сколько мы за один день!

Сейчас мы сидим на крылечке и отдыхаем. Я пишу дневник своей вечной ручкой, а Серёжа и Павлик любуются на шалаш. Вечер такой тихий, хороший! Ветра нет. Деревья ветками не машут. Только на осине листья дрожат мелкой дрожью. Они как будто серебряные. На небе ни облачка. Красное солнышко заходит за лесом. Вот пастухи уже гонят колхозное стадо домой. Коровы не спеша шагают по дороге. Их много: штук пятьдесят, наверно. Чёрные, бурые, рыжие, пегие и даже какие-то розовые, вернее сказать — телесного цвета, а есть и пятнистые. Всякие есть! Вот солнышко уже наполовину спряталось. Сейчас мы залезем в шалаш и будем спать. Ещё, правда, светло, но скоро стемнеет. Не сидеть же до темноты под открытым небом, если у нас свой шалаш есть!

9 июня

Сейчас я запишу про то, что случилось ночью. Павлик оказался хитрый: он первый залез в шалаш и занял место посередине, а нам с Серёжей достались места по краям.

Серёжа как лёг, так сейчас же заснул, но я почему то долго не мог заснуть. Сначала мне было очень удобно, и я даже удивлялся, для чего люди придумывают разные тюфяки и подушки, когда и без этого можно прекрасно обойтись. Потом меня стало что-то давить в затылок. Я решил узнать, на чём я лежу, на крупе или на макаронах, и стал щупать под головой рюкзак. Но там оказалась вовсе не крупа и не макароны, а котелок.

«Ага, значит, мне попался рюкзак Павлика»,— сообразил я и перевернул рюкзак на другую сторону. Но теперь мне под голову попала консервная банка, и я снова не мог заснуть. Тогда я стал вертеть рюкзак в разные стороны, чтоб отыскать булку или что-нибудь другое, помягче...

— Что ты там ищешь? — спрашивает Павлик.

— Булку.

— Неужели так скоро проголодался?

— Да нет!

— Зачем же тебе булка понадобилась?

— Я буду на ней спать, а то твёрдо очень.

— Подумаешь, нежности!— говорит Павлик.

— Вот попробуй, поспи на консервной банке, так узнаешь, какие нежности,— говорю я.

Булки я так и не нашёл, но мне попался какой то пакет, наверно с сахаром. Я кое-как пристроился на сахаре и уже хотел заснуть, но тут у меня стала болеть спина. Видно, я отлежал её. Тогда я стал переворачиваться на бок.

— Вот вертится, как уж на сковороде!— проворчал Павлик.

— А тебе что?

— Да ты меня всё время толкаешь!

— Подумаешь, уж и не толкни его!

Я перевернулся на бок, но скоро бок тоже начал болеть. Некоторое время я молча терпел и изо всех сил старался заснуть. Наконец я не выдержал и стал

переворачиваться на живот.

— Да дашь ли ты мне в конце концов заснуть! — зашипел Павлик.

— погоди, сейчас заснёшь,— сказал я и... зацепился ногой за шест.

Шест рухнул, и весь шалаш обвалился прямо на нас.

— Вот тебе! Довертелся! — закричал Павлик.

Серёжа проснулся, высунулся из-под ветвей и ошалело посмотрел вокруг.

— Что это ещё за шутки? — закричал он.

— Никакие не шутки!— говорит Павлик.— Просто этот вот бегемот обрушил шалаш! Ну, вставайте, что ли, починять будем.

Мы вылезли из-под обломков шалаша и в сумерках принялись восстанавливать разрушенную постройку.

Ночь приближалась быстро, и мы едва успели кое-как сделать шалаш. Как только всё было готово, я залез в него первым и лёг посередине.

— А ты почему на моё место забрался? — удивился Павлик.

— Здесь места нумерованные, — говорю я.— Это тебе не театр.

Он хотел вытеснить меня, но я не уступил. Павлик лёг с краю и сердито засопел. Он долго ворочался. Видно, не очень удобно было лежать. Я тоже долго не мог заснуть. Всё-таки каким-то чудом я наконец заснул. Не знаю, долго ли я спал, и даже не помню, что мне снилось, только вдруг что-то как треснет меня по голове! Я моментально проснулся и долго не мог понять, что случилось. Постепенно я догадался, что шалаш снова обрушился и меня ударило по голове шестом. Вокруг было темно. Небо над нами чернело, как сажа, только звёзды сверкали на нём. Мы снова выкарабкались из-под обломков шалаша.

— Что ж, надо опять чинить,— говорит Серёжа.

— Починишь тут, когда такая темень!

Шест рухнул, и весь шалаиш обвалился прямо на нас.

– Надо попробовать. Не сидеть же нам под открытым небом.

Мы принялись ползать в темноте среди веток и разыскивать шесты. Три шеста мы сразу нашли, а четвёртый никак не находился. Насилу мы его кашли, но, пока искали, потерялись те три шеста, которые уже были найдены. Наконец мы их снова нашли. Павлик хотел устанавливать шесты и вдруг говорит:

– Постойте, а где же наше место?

– Какое место?

– Ну, где наши рюкзаки.

Мы стали бродить в темноте и разыскивать рюкзаки, но их нигде не было. Тогда мы решили построить шалаш на новом месте. Павлик принялся устанавливать шесты, а мы с Серёжей стали обдирать кусты и носить ветки.

– Послушай,– закричал вдруг Серёжа,– иди-ка сюда – здесь много наломанных веток!

Я подошёл и наткнулся на целую кучу веток, которые ворохом лежали на земле. Мы притащили Павлику по охапке и вернулись за остальными ветками.

– Стой,– говорит Серёжа,– здесь ещё что-то лежит.

– Где?

– Вот под ветками. Какой-то вроде мешок.

Я нагнулся и нащупал в темноте мешок.

– Верно,– говорю.– Мешок, чем то набитый. И ещё один тут.

– Правда! – ахнул Серёжа.– Два набитых мешка!

– А мы с тобой два набитых дурака,– говорю я.

– Почему?

– Потому что это наши рюкзаки. Смотри, вот ещё и третий.

– Верно! А я и не сообразил сразу!

Мы позвали Павлика и сказали, что нашли старое место.

– А там уже шалаш готов,— говорит он.

– Ну, перенесём туда наши вещи, и дело с концом.

Мы взяли рюкзаки и пошли к шалашу. Я поспешил первым, чтоб занять место посередине, и стал бродить вокруг шалаша, но никак не мог отыскать вход.

– Где же вход? — спрашиваю.

– Ах, чтоб тебя!— говорит Павлик.— Забыл вход сделать, со всех сторон ветками заложил!

Он принялся разбирать ветки и делать вход. Как только это было готово, Павлик юркнул в шалаш первым и занял место посередине. Я так устал, что не стал даже с ним спорить. Мы с Серёжей без разговоров улеглись по краям. Под голову мне опять попало что-то твёрдое — не то котелок, не то консервная банка,— но я даже не обратил на это внимания и заснул как убитый. Вот и всё.

А сейчас уже утро. Я проснулся раньше всех и пишу дневник. Солнышко уже поднялось высоко и начинает припекать. По небу плывут белые кудрявые облака. Из деревни доносятся мычание коров и собачий лай. Серёжа и Павлик ещё спят в шалаше. Сейчас я их разбужу, и мы начнём варить завтрак.

В тот же день вечером

После завтрака мы пошли в лес, чтоб проверить ловушку. Ловушка была пустая. Мы решили снова следить за пчёлами и ползали за ними часа два. Наконец у Павлика терпение лопнуло. Он решил напугать пчелу, чтоб она полетела в своё дупло, и принялся кричать на неё, махать руками и топтать ногами. Пчела стала кружиться над ним и вдруг как ужалит его в ухо! Павлик как завизжит! Ухо у него покраснело и моментально распухло. Мы стали вытаскивать у него пчелиное жало.

— Чтоб они сгорели, эти пчёлы! — ругался Павлик.— Можете сами с ними возиться, а с меня хватит! Всё ухо в огне!

— Ты потерпи,— говорим мы.— Ухо пройдёт.

— Когда же оно пройдёт! Горит как в огне! Что теперь делать?

— Может быть, платком завязать? — говорю я.

— Не надо платком. Лучше я пойду на реку и буду мочить ухо в воде.

Он ушёл мочить ухо в реке, а мы с Серёжей заметили одну пчелу и стали следить за ней по очереди. Один следит, а другой отдыхает. Следили, следили, вдруг пчела поднялась вверх и полетела. Мы стремглав побежали за ней, но пчела взлетела очень высоко, и мы потеряли её из виду.

— Вот досада! — сказал Серёжа.— Придётся начинать всё снова.

Тут Павлик вернулся с реки и закричал издали:

— Эй, смотрите, что у меня! Сейчас уху будем варить!

Мы подбежали. В руках он держал свою кепку. Она вся была мокрая, а в ней прыгали живые караси.

— Где ты взял?

— Там возле реки, в болоте поймал.

— Как же ты их поймал без удочки?

— Очень просто: болото пересохло, воды совсем мало осталось, я их руками поймал.

Мы побежали к болоту, наловили ещё карасей и стали варить уху. Потом ещё на ужин наловили карасей.

— Тут их много!— говорил Павлик.— Мы хоть каждый день можем карасей есть.

После обеда мы снова пошли в лес, чтоб следить за пчёлами. Серёжа говорит:

— А что, если пчелу обрызгать водой? Пчела, наверно, подумает, что пошёл дождь, и полетит в своё гнездо.

Мы принесли в котелке воды, нашли на цветке пчелу и стали брызгать на неё водой. Пчела намочка, полезла по стебельку вниз и притаилась под зелёным листочком. Значит, ей на самом деле показалось, что пошёл дождь. Потом она увидела, что никакого дождя нет, вылезла из под листа и стала греться на солнышке. Постепенно она обсохла, расправила крылышки и полетела. Мы уже хотели бежать за ней, но пчела тут же опустилась вниз, села на цветок и снова начала собирать мёд. Тогда Серёжа набрал в рот побольше воды и как брызнет на пчелу! Пчела снова намочка и спряталась под листком, а когда обсохла, опять принялась летать с цветка на цветок:

— Ах ты, какая упрямая пчела! — сказал Серёжа и окатил пчелу водой так, что она промокла насквозь. Даже крылышки у неё от воды сморщились и прилипли к спине.

Пчела наконец увидела, что «дождь» не перестает, и, когда обсохла, полетела прочь.

Мы побежали за ней. Пчела летела сначала низко, между стволами деревьев, потом взвилась вверх, и мы потеряли её. Тогда мы принялись поливать водой других пчёл, но у них у всех была одинаковая манера: сначала они прятались от «дождя» под листьями, а потом улетали, и мы ни разу не могли проследить за ними, потому что они летали очень быстро и на большой высоте. Так мы бегали, пока пчёлы не перестали летать.

День уже подходил к концу. Мы вернулись на дачу и стали варить ужин. Тётя Поля до сих пор почему-то ещё не вернулась, и мы решили ещё одну ночь провести в шалаше. Не знаю, может быть, это нехорошо, что мы живём в шалаше? Может быть, лучше вернуться домой? Я сказал Серёже и Павлику, а они говорят: «Всё равно завтра вернёмся». Они решили дочинить шалаш и врыть шесты в землю, чтоб шалаш снова не развалился.

Сейчас они чинят шалаш, а я записываю в дневник наши приключения.

По небу плывут серые, свинцовые тучи. В воздухе стало прохладнее, и потянул ветерок. А вдруг ночью начнётся дождь? Надо шалаш хорошенько покрыть ветками, чтоб нас ночью не промочило. Сейчас кончу писать и пойду помогать Серёже и Павлику.

10 июня

Ночью никаких приключений не было. Вот что значит сделать шалаш как следует! Можно спать с чистой совестью и не бояться, что тебя стукнет по голове шестом. Дождя тоже не было. Проснулся я рано. Меня разбудили птички. Ещё только начало светать, а они уже проснулись и принялись трещать, и чирикать, и пищать на разные голоса. Я вылез из шалаша и увидел, что солнышко ещё не взошло. Вверху небо было чистое, голубое, а внизу, у самой земли,— белые облака, такие лёгкие, пушистые, будто мыльная пена. Постепенно облака росли и клубились, как пар, и взмывали всё выше и выше, пока не заполнили всё небо. Потом они загорелись и стали розовые, будто фруктовое мороженое. Я стал думать, что было бы, если бы нам дали столько мороженого; съели бы мы его или нет? Наверно, за всю жизнь бы не съели. Все люди не съели бы столько мороженого. Я замечтался и тут вдруг увидел, как из-под земли выкатилось огромное красное солнце. Всё засияло вокруг и осветилось ярким

светом. Зелёная трава стала ещё зеленей, а на каждой травинке засверкали капли росы, как алмазы. Я поскорей принялся будить Серёжу и Павлика, чтоб они посмотрели на это чудо, но, пока они протирали глаза, роса испарилась и такой красоты уже не было.

— Эх вы, — говорю, — сони! Спят тут, как суслики у себя в норе! Если будете так спать долго, то ничего в жизни хорошего не увидите!

Павлик только зевнул и сейчас же принялся потрошить карасей на завтрак, но Серёжа сказал, что сначала надо было бы пойти умыться. Мы пошли на реку, умылись, а заодно и выкупались, а потом стали готовить завтрак. Нажарили карасей, напекли из муки лепёшек. Лепёшки оказались невкусными; но зато мне в голову пришла очень хорошая мысль.

— А что, если посыпать мукой пчелу? — говорю я.— Пчела станет тяжёлая и не сможет так быстро летать.

Мы нашли на цветке пчелу и осыпали её мукой.

Пчела сейчас же принялась чиститься лапками. Стряхнула с себя всю муку и через минуту уже снова собирала мёд.

— Я знаю, что нужно сделать, — сказал Серёжа.— Нужно сначала обрызгать пчелу водой, а потом обсыпать мукой. Тогда мука прилипнет к пчеле, и она не сможет её с себя счистить.

Мы так и сделали. Серёжа набрал в рот воды и как брызнет на пчелу, а Павлик тут же посыпал её мукой. Мука раскисла и облепила пчелу со всех сторон. Пчела сейчас же принялась счищать с себя мокрую муку. Передними лапками она почистила головку и протёрла глазки, потом стала чистить задними лапками брюшко и крылышки. Она очень аккуратно почистилась, только на спине у неё осталось немного мокрой муки. Мы хотели её ещё раз обсыпать, но тут пчела замахала крылышками и полетела. Мы побежали за ней.

Пчела летела сначала медленно, потом полетела быстрее, вылетела из леса и понеслась через поле. Мы не взвидя света мчались за ней, прыгали через пни и кочки, через рвы и канавы. Потом пошли какие-то грядки с капустой, и вдруг перед нами появился забор. Пчела перелетела через него. Мы недолго думая, тоже перемахнули через забор и очутились в каком-то саду. Вокруг росли деревья, а под ними стояли какие-то маленькие домики без окон, без дверей, вроде собачьих будок, только на ножках. Возле одного домика стоял старик с белой бородкой и удивлённо смотрел на нас.

— Ну, что скажете? — спросил старичок, когда увидел, что мы, как истуканы, стоим без движения и молча на него смотрим.

— Ничего,— пролепетал Павлик и полез обратно через забор.

— Зачем же через забор? Вон ведь калитка,— сказал

дедушка и укоризненно покачал головой.

— А я не заметил, что тут калитка,— ответил Павлик и спрыгнул с забора с другой стороны.

Мы с Серёжей остались одни. Я стал думать, как бы нам лучше удрать — в калитку или через забор,— а дедушка спросил:

— Вы зачем же полезли сюда?

— Мы нечаянно,— говорю я.

— Сюда полетела наша пчела, а мы за ней,— ответил Серёжа.

— Ваша пчела? — удивился старик.— Не может быть. Это, наверно, моя пчела.

— А разве у вас есть пчёлы? — спросил я.

— Конечно. Вон у меня сколько пчёл.

Тут только мы поняли, что маленькие домики, которые стояли под деревьями, были просто ульи. Пчёлы всё время гудели вокруг. В воздухе стоял непрерывный гул.

— Для чего же вам понадобилось за пчелой бегать? — спросил дедушка.

Мы сказали, что хотели проследить за пчелой и найти дупло с дикими пчёлами.

— Вы, наверно, хотели отыскать дикий мёд? — сказал старик.

— Нет, мы хотели найти пчелиную семью. Нам пчёлы нужны.

— Зачем же вам пчёлы?

Мы стали объяснять, что решили всем звеном сделать улей и разводить пчёл. Павлик увидел, что дедушка перестал сердиться и мирно беседует с нами. Он подбежал к калитке и стал заглядывать в неё, а потом совсем осмелел и подошёл к нам. Мы рассказали, как сделали ловушку для пчёл и повесили в лесу. Дедушка внимательно выслушал нас и сказал:

— Это вы хорошее затеяли дело. Пчеловодство —

полезное занятие. Только поймать диких пчёл очень трудно. Да здесь поблизости их и нет. Разве с пчельника у кого слетит рой да попадёт в вашу ловушку.

— Что же нам делать? — спросили мы жалобно. Дедушка, видно, сжалился над нами.

— Что ж,— сказал он,— я вам дам на развод пчёл, раз вы так полюбили это дело. Пчеловоды должны выручать друг друга.

Сердце от радости запрыгало у меня в груди. Я думал, что дедушка сейчас же нам даст пчёл, но он сказал:

— Приходите к концу дня. У меня тут из одного улья должен рой выйти. Вот я и отдам этот рой вам. Только принесите с собой какой-нибудь ящик или коробку, чтобы посадить пчёл.

— Можно мы принесём ловушку? — спросил я.

— Можно. Да не приходите слишком скоро. Часика через три четыре приходите, когда начнёт спадать жара.

Мы побежали в лес, сняли ловушку с дерева и теперь ждём, когда можно будет идти к дедушке. Делать мне нечего, и я решил написать обо всём подробно, как следует.

Всё-таки, когда пишешь, время проходит незаметнее. Мы ещё подождём немного, а потом пойдём обратно к дедушке. Может быть, рой уже вылетел. А сейчас писать больше пока не о чем.

В тот же день вечером

Наконец-то у нас есть пчёлы! Вот какой добрый оказался дедушка! Я думал, что все пчеловоды бывают злые, потому что их часто кусают пчёлы, но этот пчеловод оказался вполне хороший и очень добрый. Он не только обещал нам дать пчёл, но и выполнил своё обещание.

Когда мы пришли на пасеку, рой уже сидел в круглой

деревянной коробке вроде сита. Сверху коробка была затянута марлей, сквозь которую были видны пчёлы. Батюшки, сколько там было пчёл! Прямо какая-то живая каша из пчёл.

Дедушка снял марлю и высыпал пчёл в нашу ловушку, как будто крупу. Мы поскорей закрыли ловушку и уже хотели бежать домой, но дедушка задержал нас и стал учить, как обращаться с пчёлами.

Он сказал, чтоб мы высыпали пчёл в улей прямо на рамки с вощиной и поставили на первое время в улей кормушку с сахарным сиропом, пока пчёлы не запасли для себя мёд. Для того чтобы сделать кормушку, нужно сварить из сахара сироп, налить его в стеклянную банку и завязать горлышко тряпочкой. Потом банку нужно перевернуть вверх дном и поставить в улей на рамки. Сироп будет просачиваться из банки, и пчёлы будут его понемногу сосать сквозь тряпочку.

Кроме того, дедушка научил нас сделать из марли сетки, чтоб надевать на голову, когда мы будем открывать улей, и ещё велел нам сделать дымарь, чтоб подкуривать пчёл дымом. Пчёлы боятся дыма. Они прячутся от него в улей и не разлетаются. Дедушка показал нам свой дымарь. Это такая круглая жестянка с носиком, а сбоку гармошка. В жестянку кладут гнилушки и разжигают. Если нажимать на гармошку, из носика идёт дым.

— Пчеловодство — очень интересное занятие,— сказал дедушка.— Кто начнёт заниматься пчеловодством, тот уж на всю жизнь пчёл полюбит и никогда не бросит этого дела.

— Почему? — удивились мы.

— Да так уж, без пчёл ему будет скучно.

Наконец дедушка отпустил нас, и мы отправились в обратный путь. Домой мы вернулись поздно, когда уже начало темнеть. Серёжа понёс ловушку с пчёлами к себе

домой. Мы с Павликом забежали на минутку домой, чтоб сказать, что уже вернулись, и тоже побежали к Серёже.

Серёжина мама стала расспрашивать нас, как мы жили на даче. Мы боялись, как бы она не спросила про тётю Полю, потому что не знали, признаваться нам, что мы жили в шалаше, или лучше не признаваться. Серёжа нарочно стал рассказывать про дедушку пчеловода. Мама слушала, слушала, а потом спрашивает:

– А как там тётя Поля поживает?

Мы увидели, что попались, и не знали, что говорить, но тут раздался стук в дверь. Это пришла мама Павлика и сказала, чтоб он шёл ужинать. Мы облегчённо вздохнули, стали показывать ей пчёл и рассказывать про дедушку пчеловода. Тут Серёжина мама опять спросила:

– Что же ты ничего не рассказал про тётю Полю?

Мы опять растерялись, но тут снова кто-то постучался в дверь.

Это пришла за мной моя мама. Мы обрадовались. Стали показывать ей пчёл и рассказывать про дедушку.

Моя мама тоже стала спрашивать, как мы жили на даче.

Я говорю:

– Хорошо жили. Ничего себе.

– Не надоели там тёте Поле?

– Нет, кажется, не надоели, – говорю я, а сам не знаю, правду я говорю или нет.

– А к нам тётя Поля не собирается? – спросила Серёжина мама.

– Нет, – говорит Серёжа, – кажется, не собирается.

– Ничего не говорила про это?

– Нет, не говорила.

Это он, конечно, правду сказал, так как что могла говорить тётя Поля, раз мы её не видели! Не знаю, до чего дошёл бы этот разговор, но тут опять постучался кто-то.

Мы облегчённо вздохнули. Дверь отворилась, и в комнату вошла сама тётя Поля. Мы разинули от удивления рты, да так и остались с открытыми ртами.

— Здравствуйте! — сказала тётя Поля.

— Здравствуйте,— ответила Серёжина мама.— Какими судьбами к нам?

— Да вот из колхоза шла в город машина, я и приехала,— сказала тётя Поля.

Тут началось самое интересное. Тётя Поля протянула Серёже руку:

— Здравствуй, Серёженька! Серёжа покраснел, как варёный рак.

— Здравствуйте, тётя Поля.

— Постойте, как это — здравствуйте? — говорит Серёжина мама.— Разве вы сегодня не виделись?

— Где же мы могли видеться? — удивилась тётя Поля.

— Как — где? В Шишигине.

— Да я уж три дня как не была в Шишигине. Я в колхозе работала, в Тарасовке.

— А вы где были? — спросила Серёжина мама.

— Мы — в Шишигине,— говорит Серёжа.

— Так дом-то ведь был закрыт.

— А зачем нам дом? Мы в шалаше жили.

— В каком шалаше?

— Ну, построили из веток шалаш и жили.

— Ах, вот как! Кто же вам разрешил в шалаше жить? Разве вы не могли домой вернуться?

Тут заговорили все сразу — и моя мама, и Павлика, и Серёжина,— и я даже не знаю, что было дальше, потому что моя мама сказала:

— Так вот как ты слушаешься свою мать! Пойдём-ка, голубчик, домой! Я тебе покажу, как жить в шалаше без спросу!

Пришлось мне весь вечер просидеть дома и слушать упрёки. Даже на пчёл не удалось полюбоваться.

11 июня

Вот какая беда случилась сегодня. Утром я зашёл к Павлику, и мы вместе пошли к Серёже. Серёжа ещё спал. Мы разбудили его. Он проснулся нехотя и стал ворчать на нас, потому что ему снился какой-то интересный сон и ему хотелось досмотреть его.

— Ладно,— говорим,— потом досмотришь. Надо вставать да пчёл сажать в улей.

Серёжа говорит:

— Вы пойдите - скажите ребятам, что мы уже достали пчёл, а я пока оденусь.

— А где же ловушка? — спрашиваем мы.

— Ловушка там, на балконе. Я её вчера вечером поставил на балкон, чтоб пчёлам не было в комнате душно.

Мы вышли на балкон. Смотрим... Батюшки, что творится! Дверца ловушки открыта, пчёлы из неё вылазят и разлетаются в разные стороны.

— Ах ты чучело! — закричал на Серёжу Павлик.— Спит себе, а тут пчёлы удрали!

Серёжа выскочил на балкон.

— Что же вы смотрите? — закричал он.— Пчёлы разлетаются, а они смотрят!

Он подбежал к ловушке и закрыл поскорей дверцу.

— Чего ты кричишь? — говорит Павлик.— Будто мы виноваты! Ты сам оставил ловушку открытой.

— Как это я вчера не заметил, что дверца открыта?—

говорит Серёжа.— Почему же она открылась?

— Разиня!— говорю я.

— А я виноват? Это всё тётя Поля! Мне тут из за неё головомойка была. Совсем не до пчёл было.

— Ну вот! А теперь там небось ни одной пчелы не осталось,— сказал Павлик.— Наверно, все разлетелись.

— Может быть, хоть немного осталось,— говорит Серёжа.— Надо посмотреть.

Я поскорей открыл крышку ловушки, и мы втроём стали заглядывать в неё. В ловушке оказалось ещё много пчёл. Они начали вылезать вверх. Павлик стал махать на них рукой, чтоб они залезли обратно. Одна пчела вылетела и села мне на руку. Я испугался, уронил крышку и стал трясти рукой, чтоб сбросить пчелу, а она как ужалил меня! Я как заору, как хлопку пчелу рукой и раздавил. Тут остальные пчёлы загудели, начали вылетать из ловушки и жалить нас. Павлик испугался — и бегом в комнату. Серёжа за ним. Одна пчела ужалила меня в шею, другая вцепилась в волосы. Я тоже побежал в комнату и принялся вытаскивать пчелу из волос, но она всё-таки успела меня ужалить в голову. Павлика две пчелы ужалили в шею и одна в губу. Серёжу одна пчела ужалила в нос, а другая в затылок.

Мы побежали на кухню и стали мочить укусы под краном. Боль жгла как калёным железом. Мы принялись вытаскивать друг у друга пчелиные жала. Возились, возились, насилиу вытащили, но боль всё-таки не проходила.

— Это всё ты виноват! — кричал Серёжа на Павлика.— Размахался тут руками! Пчёлы не любят, когда на них руками машут.

— А ты потише кричи!— говорит Павлик.— Разве тебя одного ужалили? Меня тоже небось ужалили, да ещё в губу!

— А меня в нос ужалили. Знаешь, как больно!

Подумаешь, в нос! Что тебе носом делать? А мне губой разговаривать надо.

– Можешь не разговаривать.

Они надулись и перестали спорить.

Мы долго молча сидели на кухне, мочили в воде платки и прикладывали их к укусам. Вдруг Серёжа сказал:

– А ловушка открыта!

Мы побежали в комнату и стали заглядывать на балкон.

Ловушка была открыта. Над ней кружилось несколько пчёл, но скоро они улетели прочь. Мы вышли на балкон и заглянули в ловушку. Внутри было пусто.

– Все разлетелись!– сказал Серёжа.

– А может быть, они ещё прилетят обратно? – говорю я.

– Дождидайся! – ответил с досадой Павлик.

В это время на улице показались Толя и Юра. Они увидели нас на балконе и закричали:

– Эй! Вы уже вернулись?

– Вернулись.

– С пчёлами или без пчёл?

– С пчёлами.

Они быстро поднялись к нам:

– Где же пчёлы?

– А их уже нет,– говорим.– Улетели.

– Куда улетели?

– Ну, «куда, куда»!– рассердился Павлик.– Будто они нам сказали куда!

– Чего же ты сердишься? Разве нельзя рассказать спокойно!

Мы стали рассказывать про всё, что случилось: и как достали пчёл у дедушки, и как они улетели.

– Может быть, удастся достать ещё у этого дедушки? – говорит Юра.

– Что ты!– говорим мы.– И просить больше не станем. Он нам дал, а мы убереечь даже не сумели. Не даст он нам больше.

– Что ж делать?

– Подождём. Может быть, прилетят обратно.

Стали мы ждать.

Юра и Толя сидели, сидели, потом им надоело. Они ушли и рассказали всем ребятам о том, что случилось. Ребята один за другим приходили и расспрашивали нас. Нам даже надоело рассказывать каждому. У Серёжи нос красный, как клюква, и распух на одну сторону. У Павлика раздулась губа так, что он сам на себя не похож. А у меня на голове вскочила шишка, и шея тоже распухла.

Мы прождали до обеда, но ни одна пчела не вернулась обратно.

– Наверно, они улетели к себе домой, на пасеку к дедушке, – сказал Серёжа.

– Скатертью дорожка! – говорит Павлик. – Если бы они и прилетели обратно, я всё равно не стал бы с ними возиться.

– А я, думаешь, стал бы? – говорит Серёжа. – Очень мне нужно, чтоб они меня жалили!

Я говорю:

– По-моему, это дело неинтересное: с ними возишься, возишься, а они тебя изжалют и улетят.

Тут прибежал Юра и закричал:

– Ребята, идите скорее, будем письмо писать!

– Какое письмо?

– Ну, письмо в пчеловодное хозяйство. Нина Сергеевна узнала адрес. Мы напишем письмо, и нам пришлют пчёл в посылке.

Павлик говорит:

– Можете писать сами: нас пчёлы теперь уже не интересуют.

– Почему не интересуют?

– Мы не хотим больше пчёлами заниматься. Мы решили это дело бросить.

– Как так? – говорит Юра. – Мы ведь всем звеном взялись за эту работу, а вы не хотите.

Ну, мы будем какую-нибудь другую работу делать. Разве только эта работа на свете и есть?

Юра стал уговаривать нас, но мы твёрдо решили:

— Не хотим, вот и всё.

Так ему и не удалось уговорить нас. Мы теперь хитрые: будем что угодно делать, а с пчёлами пусть кто-нибудь другой возится.

12 июня

Утром я проснулся и насилу встал с постели.

Шея у меня распухла и болит так, что даже голова не вертится. Если хочется посмотреть в сторону, то приходится поворачиваться всем туловищем. И ещё шишка на голове болит. И рука болит.

Я пошёл к Павлику. Он сидит дома, а на шее у него компресс из ваты. Мы стали с ним вдвоём ругать пчёл за то, что они нас изжалили. Потом пришёл Серёжа с распухшим носом, и мы стали проклинать пчёл втроём.

Вдруг прибежал Гриша Якушкин:

— Ребята, пойдёмте пчеловодный инвентарь делать.

— Это какой такой инвентарь?

— Будем делать дымарь и сетки, чтоб не изжалили пчёлы.

— Нас и так не изжалят,— говорим мы,— мы это дело бросили.

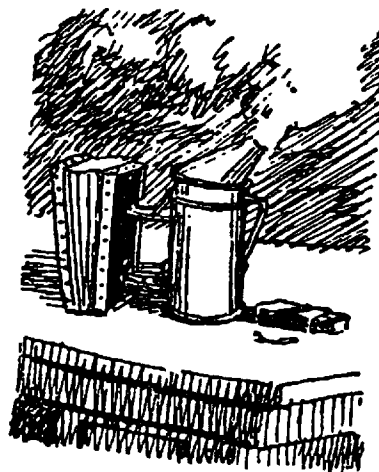
Гриша стал уговаривать нас.

— Нет,— сказали мы.— Пчеловодство нам уже надоело. Мы уже попробовали, а теперь вы сами попробуйте.

- Ну что ж, и попробуем.
- И тоже бросите.
- Не бросим. Мы не такие, как вы!
- А вот увидим. Гриша обиделся и ушёл.

Ну и ладно. Вот изжальят их пчёлы, тогда перестанут храбриться.

13 июня

Сегодня шея уже не так болит. Головой можно вертеть, только не очень быстро. Если быстро вертеть, то ещё немного болит. У Павлика шея тоже ещё болит.

Приходил Гриша и показывал, какой они сделали дымарь. Напустил полную комнату дыму и ушёл. Подумаешь! Будто мы дыму не видели!

14 июня

Сегодня шея уже совсем не болит. И шишка на голове не болит. Да и шишки никакой нет. Уже прошла шишка, и голова тоже хорошо вертится. Даже махать могу головой.

Только зачем мне махать головой? Я ведь не лошадь, чтоб головой махать. Больше ничего интересного не было.

15 июня

Утром мы с Павликом пришли к Серёже и стали играть в шашки. Я выиграл у Серёжи два раза, а у Павлика только раз, а Павлик у меня выиграл три раза, а у Серёжи ни разу, у меня Серёжа тоже выиграл два раза. Вдруг прибежали Женя и Юра:

— Ребята, идите скорее! Пчёлы приехали!

— Откуда?

— Ну, посылка пришла. Целый ящик, а в нём пчёл видимо невидимо! Так и кишат! И ещё там две рамки с готовыми сотами. Идите скорее, будем пчёл в улей сажать. Очень интересно!

Мы вскочили и хотели бежать.

— А! — обрадовался Юра.— Говорили, что вас пчёлы не интересуют, а теперь самим интересно!

— И ничуть не интересно,— говорим мы.— Будто мы пчёл не видели!

— Видали, да не таких. Наши пчёлы хорошие!

— Ну и целуйтесь с ними, если такие хорошие!

— И будем целоваться. А вы ещё придёте к нам.

Юра и Женя ушли.

Я говорю:

— Интересно пойти взглянуть, какие это у них там пчёлы.

— Не надо,— говорит Павлик.— Все скажут, что у нас никакой твёрдости нет.

– Почему?

– Потому что теперь ребята подумают, будто мы испугались трудностей и бросили дело, а когда за нас другие добились, мы тоже пришли. Раз мы твёрдо решили бросить, то нужно быть твёрдыми.

– Правильно,— говорит Серёжа.— Мы всем докажем, что у нас есть твёрдость.

Вечером я пошёл домой и стал думать о пчёлах. Всё таки пчёлы, по-моему, не такие уж плохие. Они честно работают и носят в свой улей мёд. И очень дружно живут.

Я ни разу не видел, чтоб две пчелы подрались между собой.

16 июня

С утра мы сидели у Павлика и играли в шашки. Потом мне надоело играть, и я пошёл домой. Дома я опять думал о пчёлах. Почему они жалят: от злости или просто так? По-моему, всё-таки не от злости.

Пчёлы защищаются жалами от своих врагов.

Если кто-нибудь нападёт на улей, то они его жалят. Они даже медведя изжалют, если он полезет к ним в улей за мёдом.

И правильно сделают. Ведь они для себя запасают мёд, а не для медведей. А людей они жалят, должно быть, по ошибке.

Пчёлы ведь не знают, что люди не хотят им сделать зла. Откуда им это знать!

Хотя люди тоже забирают у пчёл мёд. Но люди ведь забирают не весь мёд. Сколько нужно, столько и забирают, а за это люди заботятся о пчёлах, делают для них ульи, прячут на зиму в хорошие тёплые зимовники.

Если бы люди не заботились о пчёлах, то пчёлам было бы гораздо хуже. Жили бы они только в дуплах или в каких-нибудь щёлках, а теперь они живут в красивых ульях и, когда им нечего есть, люди даже подкармливают их сахарным сиропом.

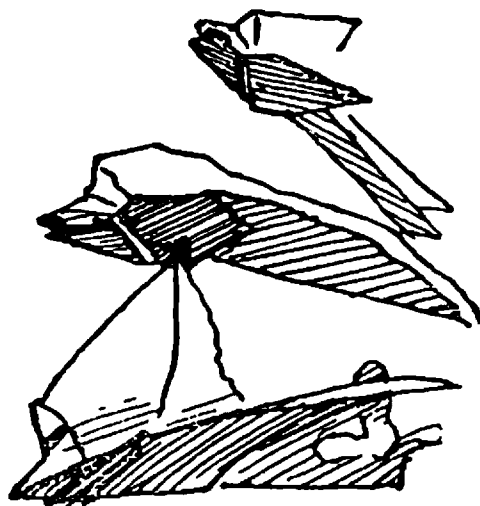
Поэтому пчёлам не нужно обижаться на людей, а людям не нужно обижаться на пчёл, если пчёлы их жалят.

Чтобы пчёлы не жалили, нужно надевать сетки и подкуривать пчёл дымом.

Вот и всё будет хорошо!

А мы полезли к пчёлам без сеток, за что и были наказаны.

17 июня

Сегодня Павлик сделал из бумаги голубя и стал пускать по комнате. А Серёжа сделал голубя и пустил его с балкона прямо на улицу. Голубь кувыркался в воздухе, кувыркался и упал прямо посреди мостовой.

Мы все трое стали мастерить голубей и пускать с балкона. У меня один голубь перелетел через улицу и упал на крышу дома напротив. А у Серёжи голубь упал на

автомобиль, который ехал по улице, и уехал на этом автомобиле. Потом мне стало скучно, и я пошёл домой. Дома на меня почему-то напала тоска. Вот я сижу и хандрю, и ничего делать не хочется.

18 июня

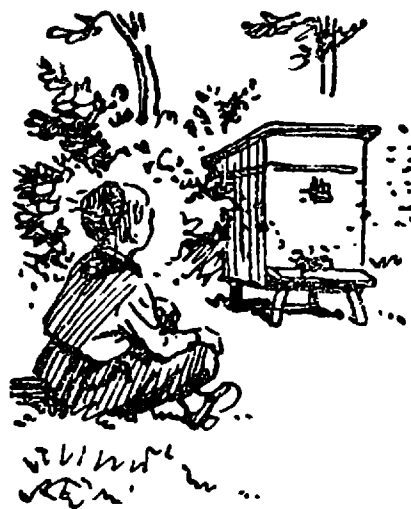
Опять делали голубей и пускали с балкона, только это нам быстро надоело. Мы стали играть в шашки, но шашки тоже быстро надоели. Тогда мы стали играть в другие разные игры, но они тоже нам все надоели.

Серёжа сказал, что ему скучно, и ушёл домой. Мне тоже уже не хотелось играть. Я пошёл домой, и снова на меня напала тоска. Я стал думать, что такое тоска и откуда она берётся. Может быть, тоска — это скука? Нет, по-моему, тоска не скука. Если скучно, то можно поиграть во что-нибудь, и скука пройдёт, а если у человека тоска, то ему даже играть не хочется.

По-моему, тоска нападает от безделья. Когда делаешь какое-нибудь полезное дело, то никогда не бывает тоски. А когда целый день бездельничаешь или занимаешься какой-нибудь чепухой, то потом становится досадно, что потерял время зря. По-моему, тоска — это досадная скука.

Вот это что такое!

19 июня

Павлик с утра хандрил и не хотел ни во что играть. После обеда он куда-то пропал. Мы с Серёжей обыскали весь двор, облазили все чердаки, сараи – нигде не нашли. Тогда мы решили, что он пошёл к кому-нибудь из ребят, и перестали его искать. Потом нам стало скучно.

– Если бы мы работали вместе со всеми ребятами на пасеке, нам не было бы скучно, – сказал Серёжа.

Я говорю:

– Давай, пока Павлика нет, пойдём и посмотрим на пчёл.

Серёжа обрадовался:

– Пойдём скорее, пока не вернулся Павлик, а то он скажет, что у нас не хватило твёрдости.

Мы поскорей пошли в школьный сад и ещё издали увидели улей. Возле улья сидела какая-то фигура и пялила глаза на пчёл. Мы подошли ближе и увидели, что эта фигура был Павлик.

– А, – закричали мы, – так вот какая у тебя твёрдость! Нам сказал, что не нужно интересоваться пчёлами, а сам сидишь тут и интересуешься! Разве так товарищи поступают?

Павлику стало стыдно.

– Я, – говорит, – нечаянно сюда зашёл. Шёл, шёл и зашёл.

– Сказки! – говорим мы. – Просто захотел на пчёл

посмотреть!

— Честное слово, ребята! Зачем мне на них смотреть? Совсем незачем!

— Зачем же ты смотришь, если незачем?

— А вы сами чего пришли?

— А мы тоже шли, шли и зашли. Видим — ты тут сидишь, ну и зашли на тебя посмотреть.

— Врёте! У вас, наверно, твёрдости не хватило, вот вы и пришли на пчёл посмотреть.

— У нас,— говорим,— твёрдости больше, чем у тебя: ты первый пришёл.

Мы стали спорить, у кого больше твёрдости — у нас или у него. Тут послышались шаги. Мы обернулись и увидели Юру. Он услышал, о чём мы спорили, и говорит:

— У вас у троих нет никакой твёрдости.

— Почему?

— Потому что вы начали работать и бросили на полпути. У кого есть твёрдость, тот не бросает работы, несмотря ни на какие трудности.

— А мы и не бросили,— говорит Павлик.— Мы просто отдохнуть хотели немножко, а теперь снова будем работать.

— Вот и хорошо!— говорит Юра. — Вы себе сделайте сетки и приходите. Будете работать со всем звеном. А сейчас уходите, чтобы пчёлы не изжалили.

— Мы немножко посмотрим и уйдём,— сказал Павлик.

Мы потихоньку присели возле улья и стали смотреть на пчёл. Они выползали одна за другой из летка и улетали за мёдом. Другие пчёлы, наоборот, откуда то прилетали и заползали в улей. Возле летка всё время толпились пчёлы. Вот и ожил наш улей! На него было радостно смотреть. Потом мы пошли домой, достали марли и проволоки и стали делать сетки. С этим делом мы возились до вечера, и сетки у нас получились хорошие. И никакой скуки не было.

20 июня

Вот сегодня какой счастливый день! Наше звено в полном составе собралось с утра на пасеке. Все ребята принесли сетки, а Юра принёс дымарь. Мы насобирали в саду гнилушек и положили в дымарь. Юра разжёл их и начал раздувать. Дымарь работал исправно.

Мы открыли улей и заглянули внутрь. Батюшки, сколько там было пчёл! Они вплотную друг к дружке сидели на рамках.

Некоторые пчёлы стали вылезать на рамки вверх, но Юра сейчас же стал пускать на них дым, и они спрятались обратно.

Потом Толя вынул одну рамку из улья. И вот тут то мы увидели, как пчёлы строили соты. Они делали из воска такие длинные шестиугольные трубочки и лепили их одну рядом с другой, так что получались сплошные ряды трубочек, или ячеек.

Мы поскорей поставили рамку на место, чтоб не мешать пчёлам работать.

Удивительные насекомые пчёлы — как они ловко умеют строить соты! Глядя на соты, просто не верится, что их делают обыкновенные пчёлы, до того эти соты правильные и красивые. Конечно, многие другие животные тоже очень умные, например собаки. Но никакая собака не смогла бы сделать такие соты!

21 июня

Сегодня к нам на пасеку пришла Галя и принесла фотоаппарат. Она сказала, что снимет нас вместе с ульем. Все ребята выстроились позади улья, только нам с Серёжей и Павликом не досталось места. Мы стали позади ребят, но там нас не было видно., Тогда мы уселись впереди улья. Галя навела аппарат, щёлкнула – и готово! Занятное дело фотография! Щёлкнут тебя, а потом – в проявитель. Я раз видел, как проявляют карточки. Болтают, болтают, сначала ничего нет, а потом – батюшки, человек лезет! Интересно, какая получится карточка. Только я очень боюсь, что выйду безглазый, потому что моргнул, когда Галя щёлкнула аппаратом. У меня уже был такой случай: нас снимали всем классом, а я моргнул, вот и получился на карточке с закрытыми глазами, как будто сплю сидя. Меня тогда все ребята ругали: «Эх ты, тетеря сонная! Всю карточку испортил!» Будто я виноват!

22 июня

Вот какая досада! Ещё не готова карточка! Галя говорит, плёнка ещё не просохла. Мы стали спрашивать, хорошо ли мы получились. Она говорит:

– Вот завтра сделаю карточку, увидим.

Я очень волнуюсь: слепой я или с глазами? И как это меня угораздило моргнуть в такое время!

Скорее бы завтра пришло!

23 июня

Карточка готова! Все ребята хорошо получились, только я вышел с открытым ртом. Не понимаю, как это меня угораздило раскрыть рот! Всё хорошо, и глаза есть, а рот раскрыт. Ребята снова бранят меня:

– Зачем тебе понадобилось рот разевать?

– Я нечаянно.

– «Нечаянно»! Ты бы ещё язык высунул!

– А вам то что? Ведь вы хорошо получились.

– Мы-то хорошо, а ты весь вид портишь.

– Чем же я его порчу?

– Да сидишь тут с разинутым ртом, как акула! Тогда я стал просить Галю:

– Галя, нельзя ли мне чем-нибудь рот замазать?

– Чем же его замазать? – говорит Галя. – По-моему, ты хорошо получился. Очень похож.

– Да, – говорю я, – похож! Разве я такой? Я красивый.

– Ну, ты и здесь очень красивый.

– И совсем не красивый. Здесь у меня какой-то глуповатый вид получился.

– Совсем не глуповатый. Просто рот чуточку приоткрыт, потому что ты улыбаешься, а вид нормальный. Очень даже умный вид.

Это Галя, наверно, нарочно сказала, чтоб меня утешить. А может быть, у меня на самом деле умный вид, только мне самому незаметно? Не знаю... Только на карточках я почему то всегда получаюсь плохо. В жизни то я очень красивый, а как только снимусь, обязательно не такой. Вот и на этой карточке. Рот ладно уж, это я сам виноват, а нос почему такой? Разве у меня такой нос? У меня нос хороший, а здесь он задирается кверху, вроде запятой. А уши? Разве у меня уши торчат, как самоварные ручки? Ну, ничего. Всё-таки я немного похож. Можно узнать, что это я снят, а не кто-нибудь другой. Какое то сходство есть.

Главное – улей хорошо вышел. И мы с Серёжей и Павликом впереди всех, на самом виду.

Когда мы пошли домой, Серёжа сказал:

– И зачем мы вперёд вылезли? Даже неудобно как то! Можно подумать, что мы самые главные в этом деле.

– Да,– говорит Павлик,– дела не сделали, даже бросили, а когда и без нас всё вышло, так мы вперёд лезем. Теперь все про нас будут думать, что мы хвастуны.

Дома я думал о хвастовстве. Что такое хвастовство? Почему люди хвастают? Вот, например, некоторые воображают, что они очень хорошие, и всем твердят, какие они хорошие. А зачем об этом твердить? Если ты хороший, то и без слов видно, что ты хороший, а если ты нехороший, то сколько ни тверди, всё равно тебе не поверят. А то есть ещё такие люди, которые воображают, что они очень красивые, и всем об этом рассказывают. А чего об этом говорить, если и так видно, красивый ты или некрасивый. А то ещё попадают такие люди, которые воображают, что они страшно умные, и вот они болтают, болтают, даже о том говорят, чего сами не понимают. И вот тут-то все видят, умные они или неумные. По-моему, хвастовство – это просто глупость. Глупому всегда почему-то кажется, что он лучше других, а умный

понимает, что другие ещё, может быть, лучше его, значит, и хвастаться нечем.

24 июня

Сегодня Нина Сергеевна научила нас сделать поилку для пчёл.

Нужно взять бочонок, налить в него воды и устроить затычку так, чтоб вода сочилась по капле. Снизу под бочонком нужно поставить наклонно дощечку. Вода будет растекаться по дощечке, и пчёлы будут пить прямо с неё.

Мы стали думать, где взять бочонок. Гриша сказал, что у них на чердаке есть старая бочка. Мы пошли к нему. Он попросил у мамы разрешения взять бочку. Мама позволила.

Бочка была тяжёлая. Мы насилу стащили её с чердака и покатали по улице. Вдруг Федя навстречу:

- Вы куда бочку тащите?
- На пасеку. Будем делать поилку для пчёл.
- С ума сошли! Куда им столько воды?
- Ничего, – говорит Юра. – Выпьют.

Мы приволокли бочку на пасеку и стали таскать в неё воду, а бочка рассохлась и вся вода из неё выливалась, как сквозь решето. Мы уже думали, что придётся её выбросить, но Галя сказала:

– Надо хорошенько размочить бочку. Когда клёпки разбухнут, она перестанет течь.

Мы снова принялись таскать воду.

Сколько воды мы в эту бочку влили! Вёдер сто или, наверно, двести. Сначала вода выливалась сквозь щели, но постепенно бочка разбухла и к вечеру уже была наполовину с водой.

Завтра будем снова воду таскать.

25 июня

За ночь бочка забухла и совсем перестала течь. Мы наносили в неё воды доверху, а потом пришлось всю эту воду вылить, потому что бочка стояла на земле, а её нужно было поставить на подставку, повыше. Мы вылили воду, вбили в землю четыре столбика, поставили на них бочку и снова натащали в неё воды. Потом устроили затычку так, чтоб вода капала на дощечку. Скоро на дощечку села пчела и стала тыкать своим хоботком в воду, которая растекалась по доске. Через некоторое время и другие пчёлы проведали, что для них здесь поилка устроена. Они стали прилетать и пить воду. А мы смотрели на них и радовались.

Потом у нас был сбор отряда. Галя рассказала о работе нашего звена. Весь отряд заинтересовался нашей работой, а ребята из второго звена сказали, что бросят на огороде работать и присоединятся к нам.

— А вот это уж не годится,— сказала Галя.— Кто же будет на опытном огороде работать?

— Ну, мы будем и на огороде работать и будем приходить на пасеку изучать пчёл,— сказали ребята.

Сколько воды мы в эту бочку влили !
Вёдер сто или, наверное, двести.

— Это дело другое!— сказала Галя.— Приходите, пожалуйста, только и своего дела не оставляйте. Добивайтесь, чтоб был большой урожай.

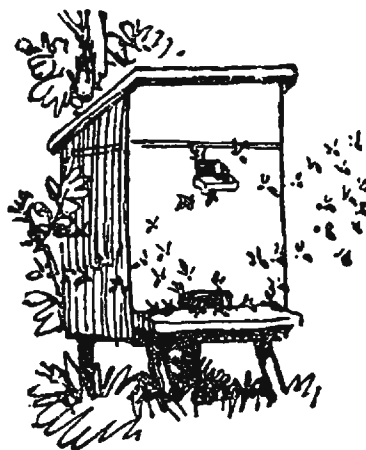
26 июня

Сегодня мы следили, куда летают наши пчёлы за мёдом. Оказывается, они летают на опытный огород. Там уже зацвели огурцы, кабачки и тыквы. Все грядки усеяны жёлтенькими цветами. Пчёлы всё время жужжат вокруг. Они летают низко над землёй и залезают в чашечки цветов.

Одна пчела залезла в цветок тыквы и так извалялась в пыльце, что стала вся жёлтая. Другие пчёлы летают куда-то через улицу, но за ними нельзя проследить, потому что они летают высоко над домами. Должно быть, они летают в парк.

27 июня

Юра принёс в стакане немного мёду и решил угостить пчёл. Он налил мёду на стёклышко и положил его недалеко от улья. Пчёлы летали мимо и не замечали, что

на земле лежит для них угощение. Тогда Женя поймал одну пчелу стаканом и осторожно перенёс её в стакане прямо на стёклышко с мёдом. Пчела увидела мёд и начала его есть. Мы стали следить за ней. Пчела наелась мёду и полетела обратно в улей. Через некоторое время из улья вылезла другая пчела, подлетела к мёду и стала есть. Наевшись, она улетела, а минуточки через две из улья снова вылетела пчела и полетела прямо к стёклышку с мёдом, как будто она заранее знала, что там приготовлен для неё мёд. Мы удивились: откуда она знает, что на стёклышке мёд?

— Наверно, ей рассказала та пчела, которую Женя поймал стаканом,— говорю я.

Все стали надо мной смеяться:

— Разве пчёлы могут между собой разговаривать?

— Что же, по-вашему, пчела сама догадалась, что здесь лежит мёд?

— А может, она и не догадалась, просто летела мимо и увидела мёд.

Когда пчела улетела, Федя сказал:

— А что, если спрятать мёд?

Мы поскорей взяли стёклышко с мёдом и спрятали. Вдруг из летка вылезла пчела и полетела прямо к тому месту, где раньше лежал мёд. Она увидела, что мёд куда-то исчез, и принялась жужжать и кружиться над этим местом. Тут уж все убедились, что пчела знала про мёд. Значит, ей кто то сказал! Она долго кружилась и не хотела никуда улетать. Тогда мы положили стёклышко с мёдом на прежнее место. Пчела быстро нашла мёд, наелась и улетела. Мы взяли стёклышко, положили его шага на два в сторону и стали следить. Следующая пчела вылезла из улья и полетела не туда, где теперь лежало стёклышко, а на старое место. Она даже как будто удивилась, когда не нашла мёд, и долго кружилась в воздухе, пока не нашла стёклышко с мёдом на новом месте.

Зато следующая пчела полетела сразу на новое место.

– Ага! – обрадовался я. – Значит, ей уже сообщили, что мёд на новом месте лежит.

Мы следили за пчёлами до конца дня. Каждый раз, когда мы перекладывали мёд на новое место, пчёлы не могли его сразу найти; если же мёд оставался на старом месте, пчёлы быстро находили его. В конце концов всем стало ясно, что пчёлы разговаривают между собой.

Вечером я пошёл домой и стал думать, как пчёлы разговаривают. Если они разговаривают, как люди, то у них должен быть во рту язык. Только разве разглядишь у них во рту язык? Они ведь маленькие. А потом я подумал, что если пчёлы разговаривают, то у них должны быть уши, потому что как же ты услышишь, о чём говорят, если безухий?

Завтра обязательно посмотрю, есть ли у пчёл уши.

28 июня

У пчёл ушей нет. Я очень внимательно рассматривал пчелу, но никаких ушей не заметил. По-моему, пчёлы совсем ничего не слышат. Я нарочно кричал на пчёл, но они не обращали на мои крики никакого внимания.

Сегодня к нам на пасеку пришла Нина Сергеевна. Мы рассказали ей о наших опытах с пчёлами. Нина Сергеевна тоже захотела посмотреть. Мы поймали пчелу и посадили на стёклышко с мёдом. Пчела поела мёду и улетела в улей, а через несколько минут из улья снова вылетела пчела и

полетела прямо к мёду.

— Вот видите!— обрадовались мы.— Значит, она узнала от первой пчелы, что здесь лежит мёд.

— А ну ка, давайте пометим эту пчелу,— сказала Нина Сергеевна.

Мы не поняли, как это пометить пчелу. Нина Сергеевна объяснила, что нужно взять немножечко краски и поставить на спине пчелы отметку. Толя быстро сбегал домой и принёс краски и кисточку.

Как только к мёду прилетела пчела, он быстро мазнул её по спине белой краской. Пчела так увлеклась мёдом, что даже не заметила, как её покрасили. Она только тогда улетела, когда наелась как следует мёду. Мы стали ждать, что будет дальше. Вдруг, смотрим, из улья опять вылезает эта же самая пчела с белой отметинкой и летит прямо к мёду. Мы подумали, что она ещё не наелась как следует, и стали смотреть, как она ест. Наконец она наелась и снова полетела в улей. Через несколько минут она прилетела снова и опять стала есть мёд.

— Куда она столько ест? Ведь она в конце концов лопнет от жадности!

— Она вовсе не ест,— объяснила Нина Сергеевна.— Она набирает в хоботок мёду, относит его в улей и складывает в соты. Пчёлы всегда так поступают. Если какая-нибудь пчела найдёт мёд, она сейчас же начнёт переносить его в свой улей.

Мы стали следить за нашей пчелой с белой отметинкой и увидели, что она то и дело подлетает к стёклышку и, набрав мёду, улетаёт в улей. Тут нам стало понятно, что и вчера на наше стёклышко с мёдом летала только одна пчела, а мы подумали, что это всё разные.

— Значит, пчёлы вовсе не разговаривают друг с другом? — спросили мы.

Разговаривать как люди, пчёлы, конечно, не могут,—

сказала Нина Сергеевна,— но всё таки пчёлы могут кое что сообщить друг другу. У них есть свой пчелиный язык. Вот вы понаблюдайте за ними, может быть, вам удастся подметить, как они это делают.

29 июня

Сегодня мы решили исследовать, найдёт ли пчела дорогу к себе домой, если её занести куда-нибудь далеко от улья.

Я поймал стаканом одну пчелу, а снизу под стакан подсунул кусочек картона, чтобы пчела не могла улететь.

Теперь нужно было пометить пчелу краской и занести куда-нибудь далеко. Я сказал ребятам, что отнесу пчелу домой, помечу её там и выпущу с балкона.

Ребята остались ждать и следить, когда помеченная пчела прилетит обратно в улей, а я понёс пчелу домой. Я нарочно держал стакан повыше, чтоб пчела замечала дорогу. Снизу стакан был закрыт картоном, так что пчела не могла удрать, а сквозь стакан ей всё было видно.

Потом я пришёл домой и стал думать, как мне пометить пчелу, чтоб она не улетела прежде, чем я поставлю у неё на спинке отметку краской. Тогда я решил покормить пчелу мёдом и, пока она будет есть, пометить её. Я поставил на балконе блюдечко, налил в него капельку мёду и поставил стакан с пчелой на блюдечко.

Скоро пчела увидела мед и стала его есть. Я осторожно снял стакан и мазнул пчелу по спине краской.

Пчела не испугалась и продолжала есть мёд. Потом она улетела, а я пошёл на пасеку, чтоб узнать, прилетела пчела обратно или нет. Я вышел на улицу и пошёл поскорее. Вдруг навстречу Серёжа.

– Прилетела! – кричит. – Уже прилетела!

Мы принялись прыгать от радости посреди улицы. Вот какая пчела! Маленькая, а всё-таки не заблудилась. Нашла дорогу в свой родной улей!

Серёжа говорит:

– Давай стакан, мы поймаем ещё одну пчелу и снова сделаем опыт.

А я стакан дома забыл. Побежали мы домой за стаканом.

Я хотел убрать с балкона блюдечко, вдруг смотрю – прилетела пчела, села на блюдечко и давай есть. Мы присмотрелись к ней, а у неё на спине пометка краской.

– Да это ведь та же пчела! – догадался я. – Это она снова прилетела за мёдом.

– Вот так пчела! – говорит Серёжа. – Она не только нашла дорогу домой, но даже запомнила, что здесь мёд лежит, и прилетела ещё раз!

– Подождём. Может быть, она ещё прилетит, – говорю я.

Мы стали ждать. Минут через десять пчела прилетела снова. До вечера она раз двадцать прилетала за мёдом.

Удивительное насекомое! Какая-нибудь муха наелась бы мёду и улетела, а пчела не пожалела труда. Она и сама поела и своим товарищам отнесла мёду. Очень хорошее насекомое! Таких, как пчёлы, надо уважать.

30 июня

Мы удивлялись: почему, если мёд положить далеко от улья и посадить на него пчелу, то пчела запомнит место, на котором был мёд, и прилетит снова, а если мёд положить близко от улья, но не сажать на него пчёл, то пчёлы сами не находят его.

Нина Сергеевна сказала:

— Сделайте такой опыт. Возьмите два стёклышка, налейте на них мёду. Одно стёклышко положите прямо на землю, а другое положите на кусочек цветной бумаги и следите, на какое стёклышко раньше сядет пчела.

Мы так и сделали. Одно стёклышко с мёдом положили прямо на траву, а под другое стёклышко положили кусочек голубой бумаги. Сначала пчёлы летали мимо и не замечали мёда. Вдруг на стёклышко с голубой бумагой села пчела и стала есть мёд. Мы пометили пчелу краской. Через некоторое время эта же пчела прилетела снова, а потом на это же стёклышко с голубой бумажкой прилетела ещё одна пчела, без отметки. Мы и её пометили краской. Часа через два на стёклышко с голубой бумажкой летало пять пчёл, а на стёклышко без бумаги пчёлы не обращали никакого внимания.

— Голубая бумага заметнее, поэтому пчёлы, должно быть, и садятся на неё,— сказал Витя.

— Правильно,— сказала Нина Сергеевна.— Теперь вам понятно, для чего у растений бывают красивые, яркие цветы — красные, синие, жёлтые?

— Для чего? — не поняли мы.

— Неужели не догадались?.. Для того, чтобы привлекать пчёл и других насекомых.

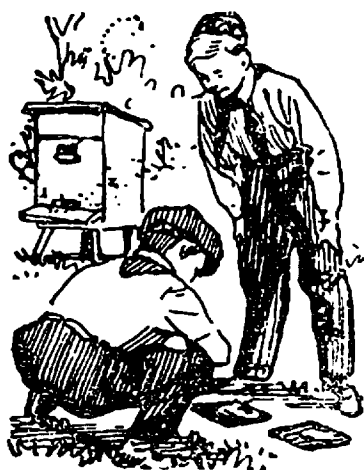
— Зачем же растениям привлекать пчёл? — говорю я.

— Чтобы пчёлы помогали опылению. Чем больше пчёл и других насекомых будет прилетать на цветы, тем лучше растение опыляется и размножается.

Нина Сергеевна рассказала, что не все растения опыляются насекомыми. Есть такие растения, которые опыляются ветром, например рожь. У ржи цветочки совсем маленькие, незаметные, даже на цветы не похожи, потому что им вовсе не нужно привлекать пчёл и других насекомых.

Потом я пошёл домой и стал думать о том, как удивительно всё в природе устроено. Раньше я думал: почему цветы такие красивые? А теперь оказывается, что цветы красивые не просто для красоты. У тех растений, которые опыляются насекомыми, большие, красивые цветы нужны для того, чтобы насекомые быстрее находили их и помогали опылению. Значит, красота нужна не только для красоты, а и для пользы.

1 июля

Продолжаем опыты с пчёлами. Сегодня мы взяли два кусочка бумаги, красный и синий, налили на них мёду и посадили пчелу на синюю бумагу, а на красную не посадили пчелы. Пчела стала прилетать и носить мёд в

улей с синей бумаги. Каждый раз она прилетала и садилась только на синюю бумагу, хотя красная лежала рядом, и на ней тоже был мёд. Тогда мы поменяли местами обе бумажки. Пчела прилетела, увидела, что вместо синей бумаги лежит красная, и не стала на неё садиться. Она покружилась, увидела синюю бумажку и села на неё. Тогда мы отнесли синюю бумажку немного подальше, но пчела всё-таки отыскала её.

Мы делали опыты с разными цветными бумажками и заметили, что пчела всегда летит на тот цвет, на котором она нашла мёд. Значит, пчёлы не только различают цвета, но даже запоминают тот цвет, на котором нашли мёд. Это очень хорошо, что у пчёл такая способность. Она помогает им собрать побольше мёду.

Завтра Гриша и Федя уезжают в пионерлагерь. Сегодня они попрощались со всеми ребятами и сказали, что завтра уже не придут на пасеку. Федя сказал, что ему жалко расставаться с пчёлами, даже в лагерь ехать не хочется. А мы сказали, что пчёлы и без него проживут. Нечего ему выдумывать.

2 июля

Чем больше мы смотрим на пчёл, тем больше удивляемся. С виду пчёлы – это как будто всё равно что мухи. Но куда там мухам до пчёл! Что такое мухи? Мухи – это безмозглые балаболки. Они только жужжат, лезут,

куда их не просят, надоедают людям да ещё заразу разносят. А пчёлы – это совсем другой народ! Они всегда занимаются нужным делом, работают дружно, каждая трудится не только для себя, а для всех. И чего только они не делают! Сегодня приходим на пасеку, смотрим – что за непонятная картина! Несколько пчёл уселись в летке и машут изо всех сил своими крылышками.

Сначала мы подумали, что они просто к доске прилипли и не могут взлететь. Мы согнали их, но они снова уселись возле летка и давай махать крылышками. Мы побежали к Нине Сергеевне и рассказали об этом.

Ника Сергеевна сказала:

– Сегодня день очень жаркий, и в улье стало душно, вот пчёлы и решили проветрить помещение. Они машут крылышками и гонят в улей свежий воздух. Это у них вентиляция такая.

Вот какие пчёлы, даже вентиляцию выдумали!

И ещё у меня сегодня была радость: мои мама и папа пришли на пасеку и смотрели на наших пчёл.

3 июля

Опять жаркий день. Пчёлы снова проветривают улей. А у поилки что творится! Пчёлы одна за другой вылетают из улья и летят к поилке, а напившись, тут же летят обратно в улей. В воздухе как будто цепочка из пчёл. Одна цепочка тянется от улья к поилке, другая – от поилки к улью.

Мы смотрели на них и удивлялись: почему пчёлы, напившись воды, не летят за мёдом, а тут же возвращаются в улей?

Нина Сергеевна сказала, чтоб мы пометили краской пчёл, которые прилетают пить воду. Толя принялся мазать краской всех пчёл, которые прилетали к поилке.

Меченые пчёлы улетали в улей, а из улья вылетали новые пчёлы и летели к поилке. Толя мазал их всех по очереди. Вдруг мы заметили, что из улья вылезла одна меченая пчела и полетела к поилке, за ней другая, третья... Скоро мы увидели, что к поилке летают одни только меченые пчёлы и помечать больше некого.

— Да это какая-то водяная бригада! — закричал Федя.— Эти пчёлы, наверно, не пьют, а носят зачем-то воду в улей.

— Это так и есть,— сказала Нина Сергеевна.— В жаркую погоду часть пчёл всегда носит в улей воду для тех пчёл, которые заняты работой внутри.

— Разве те пчёлы сами не могут вылететь из улья, чтобы попить? — спросил я.

Нина Сергеевна объяснила нам, что у пчёл есть разделение труда. Молодые пчёлы, которые ещё не научились разыскивать цветы, работают в улье: строят соты, следят за чистотой, проветривают помещение, кормят детву, а старые пчёлы летают за мёдом, носят в улей воду, когда очень жарко.

— Жалко, что нельзя посмотреть, как там в улье пчёлы работают,— сказал Женя.

Нина Сергеевна сказала, что бывают такие ульи со стеклянными стенками, сквозь которые можно наблюдать, как работают пчёлы.

Мы решили, что, когда у нас будет несколько ульев, мы обязательно сделаем один со стеклянной стенкой.

4 июля

Сегодня Нина Сергеевна сказала:

– Скоро зацветёт липа. Надо нам подготовиться к главному медосбору.

– А что такое главный медосбор? – заинтересовались мы.

– Это такая пора, когда зацветает сразу много цветов: цветёт на полях клевер или гречиха, зацветают акация, или клён, или ветла. Как раз в это время пчёлы делают самые большие запасы мёда. Это и есть главный медосбор.

– А у нас ведь нет ни клевера, ни гречихи, – говорим мы.

– Зато у нас много липы. У нас будет главный медосбор с липы.

Нина Сергеевна научила нас сделать для улья надставку, которая называется магазином.

Этот магазин – как будто второй этаж улья. В него ставят добавочные рамки, чтобы пчёлам было куда складывать мёд, когда начнётся большой медосбор.

Мы сделали для улья надставку, а Нина Сергеевна сказала, чтоб мы следили, когда начнёт цвести липа.

Как только липа зацветёт, мы поставим на улей надставку.

5 июля

Липа ещё не зацвела. Я нарочно залез на дерево, чтобы проверить, но цветы ещё не распустились. Галя увидела и говорит:

— Ты зачем по деревьям лазишь? Слезай сейчас же вниз!

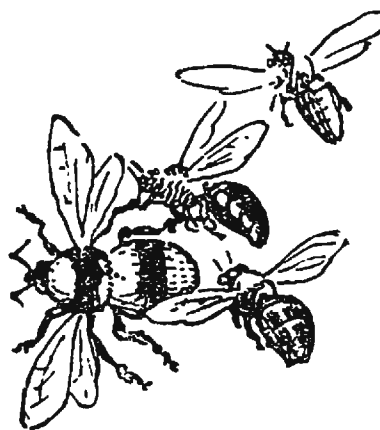
Я говорю:

— Я цветы проверяю.

— Для этого не надо по деревьям лазить, и так будет видно.

Но я всё-таки проверил как следует. Вдруг прозеваем!

6 июля

Я уже давно заметил, что в летке улья постоянно сидят две или три пчелы. Другие пчёлы прилетают и улетают, а эти сидят и никуда не уходят. Я долго думал, что это за пчёлы.

А сегодня в улей пытался пробраться шмель. Он жужжал вокруг улья, жужжал — наверно, искал

какую-нибудь дырку, чтоб залезть в улей и полакомиться мёдом. Дырки он так и не нашёл и полез прямо в леток. Тут эти пчёлы набросились на него и стали прогонять.

Он пустился от них удирать, но они догнали его и стали жалить. И правильно! Зачем он позарился на чужой мёд! Пчёлы ведь не для него собирают мёд. Кто работает, тот и ест мёд, а кто не работает, тому не надо давать мёда.

А потом я подумал: «Может быть, эти пчёлы нарочно сидят в летке и караулят, чтобы к ним не пробрались какие-нибудь разбойники?» Я спросил Нину Сергеевну. Нина Сергеевна сказала, что я правильно угадал.

Всё-таки, оказывается, у меня голова кое-что умеет соображать.

Нина Сергеевна рассказала, что пчёлы не жалеют жизни, защищая свой родной улей. Если на улей нападёт даже такой большой зверь, как медведь, все пчёлы бросаются на него и жалят.

Только если пчела ужалит кого-нибудь, то она не может вытащить жало, а без жала пчела обязательно умирает.

Вот какие храбрые пчёлы!

7 июля

Вот какое большое научное достижение!

Сегодня Женя Шемякин изобрёл способ наблюдать пчелиную жизнь внутри улья. Он взял зеркальце и пустил в леток солнечный зайчик. Солнечный зайчик осветил внутренность улья, и пчёлы стали видны. Только всем

сразу нельзя смотреть, потому что леток маленький и можно смотреть только одному человеку. Все ребята смотрели по очереди, и я никак не мог дождаться. Передо мной стал смотреть Витя Алмазов. Я всё просил, чтоб он пустил меня, а он всё «подожди» да «подожди». Целый час, наверно, смотрел! Потом говорит:

— На, смотри.

Я взял у него зеркальце и стал пускать в улей зайчик, но солнце уже перешло на другую сторону, и зайчик не попадал в леток.

Я говорю:

— Что же ты дал зеркало, когда солнце ушло?

— А я виноват, что оно ушло?

Вот и поговори с ним! Такая жадина! Завтра возьму зеркало, приду раньше всех и захвачу место у улья. Пусть тогда попросят меня.

Дома читал газету. В газете была статья про мёд. Оказывается, мёд — лечебное вещество. У кого больной желудок, или сердце, или лёгкие, или нервы, или ещё что-нибудь, всем надо есть мёд, и они быстро поправятся. А если у кого-нибудь нарыв или чирей, то надо намазать его мёдом и завязать тряпочкой, и чирей быстро пройдёт.

8 июля

Вот какая досада! Сегодня нарочно пришёл на пасеку с зеркалом, а солнышка нет. За весь день солнце не выглянуло ни разу. Не везёт мне!

Потом у нас был сбор отряда. Все звенья рассказывали

о своей работе. Мы рассказали о наших опытах с пчёлами, а звеньевой второго звена Шура рассказал о работе на опытном огороде. Он сказал, что у них будет очень большой урожай огурцов; гораздо больше, чем в прошлом году. Это, конечно, потому, что в прошлом году пчёл не было, а в этом году наши пчёлы собирали на огуречных цветах мёд и помогали опылению

9 июля

Наконец то солнышко выглянуло! Я надел на голову сетку, на руки натянул рукавицы, чтоб пчёлы не жалили, уселся возле улья и стал пускать зеркальцем зайчик в леток. Батюшки, что там в улье творилось! Пчёлы копошатся на сотах, лазят по ним вверх и вниз, для чего-то залезают в ячейки, потом вылезают обратно. Когда солнышко начало припекать, пчёлы снова стали вентилировать улей. Они махали крылышками не только в летке, но и внутри улья. Некоторые пчёлы сидели прямо на сотах и изо всех сил работали крыльями. Каждая пчёлка — как будто маленький вентилятор. Мне очень хотелось увидеть пчелиную детву, но сколько я ни смотрел, ни одной маленькой пчёлки не видел.

Вечером я сказал Нине Сергеевне, что у наших пчёл нет никакой детвы.

— А какая, по-твоему, пчелиная детва?— спросила Нина Сергеевна.

— Ну, это такие маленькие пчёлки, совсем-совсем крошечные,— говорю я.

Нина Сергеевна засмеялась и говорит:

– Нет, пчелиная детва не такая. Вот мы завтра откроем улей, я вам покажу пчелиную детву.

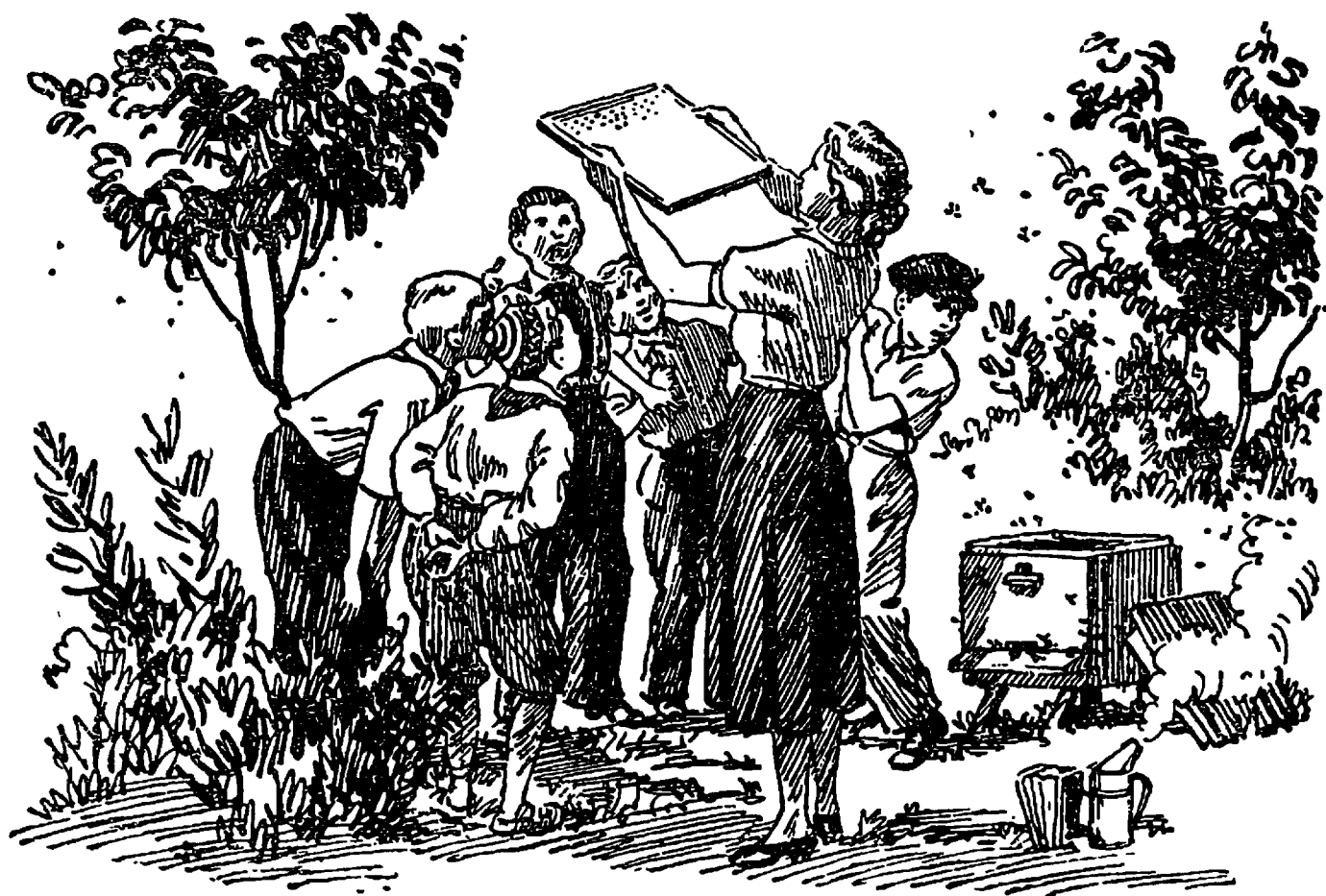
Я сказал всем ребятам, чтоб приходили завтра посмотреть пчелиную детву.

10 июля

Всё наше звено собралось с утра на пасеке. Скоро пришла Нина Сергеевна и стала рассказывать, как пчёлы выводят детву. Оказывается, что пчёлы строят ячейки из воска не только для того, чтобы складывать в них запасы мёда, но и для того, чтобы выводить в них детву. В каждой пчелиной семье есть одна самая большая пчела – матка. Пчелиная матка ничего не делает в улье, только кладёт яйца. Остальные пчёлы не могут класть яйца, они только работают и поэтому называются рабочими пчёлами. Пчелиная матка может отложить за день до двух тысяч яиц. Она откладывает яйца в пустые восковые ячейки. Каждая ячейка – это как будто гнёздышко, в котором лежит яйцо.

Нина Сергеевна велела нам открыть улей и вынула из него одну рамку. Мы стали рассматривать соты. Сначала нам показалось, что соты пустые, но Нина Сергеевна сказала, что в них лежат яйца. Мы присмотрелись и увидели, что на дне каждой ячейки лежит по крошечному яйцу. Каждое яйцо не больше макового зёрнышка, только маковое зёрнышко чёрное, а яйцо белое.

Мы никак не могли понять, как из таких маленьких яиц выходят пчёлы, но Нина Сергеевна сказала, что из яиц выходят не пчёлы, а личинки, то есть такие маленькие червячки или гусенички, только без ножек.

Нина Сергеевна нашла на сотах ячейки, в которых из яиц уже вывелись личинки, и показала их нам. Одни личинки были совсем маленькие, другие побольше. Они свернулись калачиком и лежали на дне ячеек.

— Вот эти личинки и есть пчелиная детва,— сказала Нина Сергеевна.

Мы удивились. А Толя сказал:

— Какая же это детва? Они когда вырастут, из них получатся какие-нибудь червяки или гусеницы. Что с ними будут делать пчёлы?

Нина Сергеевна сказала:

— Когда личинка вырастет, она превращается в

куколку, а из куколки через несколько дней уже выходит сразу настоящая большая пчела.

Ещё Нина Сергеевна рассказала, что, кроме рабочих пчёл, в ячейках выводятся молодые матки и трутни. Для молодых маток пчёлы делают большие, просторные ячейки. Перед тем как должна вывестись молодая матка, часть пчёл вместе со старой маткой улетает из улья, и получается рой. Если рой посадить в другой улей, то получится новая пчелиная семья.

Трутни немного крупнее рабочих пчёл. Рабочие пчёлы — это самки, а трутни — самцы. Мёда трутни не собирают, а едят за четверых. Когда приходит зима, пчёлы прогоняют всех трутней из улья, чтоб они не уничтожали запасов мёда.

Сегодня вечером я долго думал о пчёлах. Сначала я решил, что пчёлы — это всё равно что птицы: у птиц есть крылья, и у пчёл крылья; птицы несут яйца, и пчёлы тоже откладывают яйца. Только из птичьих яиц сразу выводятся птенцы, а у пчёл сначала выводятся какие-то личинки или гусеницы. Значит, пчёлы — не птицы. Что же такое пчёлы? Я думал, думал и решил, что пчёлы — это всё равно что бабочки. У бабочек тоже есть крылья, бабочки тоже откладывают яйца, а из яиц выводятся гусеницы, а из гусениц получаются куколки, а из куколок получаются снова бабочки. Это я точно знаю, потому что у меня в прошлом году жила в ящике большая мохнатая гусеница, которая в один прекрасный день превратилась в куколку.

И вот эта куколка лежала-лежала, и в один ещё прекрасный день из неё вышла большая, замечательно красивая бабочка. Значит, и пчёлки — это такие маленькие бабочки.

11 июля

Сегодня был очень хороший, солнечный день. Утром я прихожу на пасеку, а Толя уже сидит возле улья с маленьким зеркальцем, заглядывает одним глазом в верхний леток и потихоньку смеётся.

— Чего ты смеёшься?— спрашиваю я.

— Они танцуют.

— Кто танцует?

— Пчёлы.

— С ума,— говорю, — спятил!

— Посмотри сам.

Я взял у него зеркальце и стал смотреть в леток.

Одна пчела бегала вприпрыжку по сотам. Она поворачивалась то в одну сторону, то в другую, то быстро вертелась. Вдруг другая пчела бросилась следом за ней, и они стали вертеться вместе. Следом за второй пустилась плясать третья пчела.

Я не выдержал и громко рассмеялся.

— Всё время так,— сказал Толя.— Я за ними уже давно слежу.

Я пустил зайчик в нижний леток и увидел на дне улья настоящий хоровод. Одна пчела бегала впереди, а за нею вприпрыжку мчалась целая вереница пчёл. Первая пчела вертелась в разные стороны, описывала круги, а остальные пчёлы в точности повторяли её движения. Повертевшись на месте, первая плясунья перелетела в другое место и начала снова плясать. Постепенно к ней присоединились другие пчёлы, и опять получился пчелиный хоровод.

Тут пришли остальные ребята. Мы стали показывать им, как пляшут пчёлы.

— Что же это происходит?— говорит Витя.— Может быть, у них тут какой-нибудь пчелиный праздник?

Все засмеялись:

— Разве у пчёл бывают праздники?

Мы побежали к Нине Сергеевне и стали спрашивать, почему пчёлы пляшут. Нина Сергеевна сказала, что, когда какая-нибудь пчела находит место, где цветёт много цветов, она возвращается в улей и начинает плясать. Этим она даёт знать другим пчёлам, что надо лететь за мёдом. Во время танца остальные пчёлы обнюхивают первую пчелу и по запаху узнают, на каких цветах она брала мёд. После этого пчёлы вылетают из улья и летят туда, откуда доносится запах этих цветов.

— В особенности часто пчёлы танцуют во время главного медосбора,— сказала Нина Сергеевна.— Вы проверьте, может быть, уже зацвела липа.

Мы скорее побежали к школе. Во дворе перед школой росли большие старые липы. Мы посмотрели вверх и увидели, что пчёлы во множестве летают вокруг деревьев и садятся на цветы.

Мы увидели, что липа уже зацвела, побежали на пасеку и поставили на улей надставку. Пчёлы до вечера продолжали плясать в улье.

Одна пчела так расплясалась, что выскочила на прилётную доску и там ещё продолжала плясать, а потом улетела за мёдом.

Вечером я пошёл домой и стал думать о пчёлах. Так вот какой пчелиный язык! Когда пчёлам нужно сообщить друг другу, что надо лететь за мёдом, они просто пляшут. Конечно, пчёлы не могут сказать, куда нужно лететь за мёдом, а только по запаху узнают дорогу. Значит, у них

хорошее обоняние, гораздо лучше, чем у людей. В этом, конечно, ничего удивительного нет, собаки тоже очень хорошо умеют находить дорогу по запаху, но зато собаки не умеют плясать. Правда, хорошую собаку тоже можно научить танцевать, но всё-таки никакая собака не поймёт, что если другая собака пляшет, то это значит, что нужно лететь за мёдом.

А пчёлы это хорошо понимают.

Потом я ещё о цветах думал: почему цветы пахнут? Неужели они пахнут для того, чтобы людям было приятно их нюхать? Нет, наверно, они пахнут для того, чтобы пчёлы скорее находили их и помогали опылению. Ведь растениям выгодно, чтобы побольше пчёл и других насекомых прилетало на цветы.

И потом ещё вот что: для чего в цветах сладкий сок? Может быть, тоже для того, чтобы приманивать насекомых? Ведь если бы сладкого сока не было, зачем бы пчёлы стали летать на цветы?

Завтра спрошу у Нины Сергеевны, правильно я думаю или нет.

12 июля

Я спросил Нину Сергеевну, и она сказала, что я додумался правильно.

Вот, оказывается, какой я умный — до чего сам додумался! Теперь всегда буду думать о разных вещах. Всё-таки у меня хорошие результаты получаются от

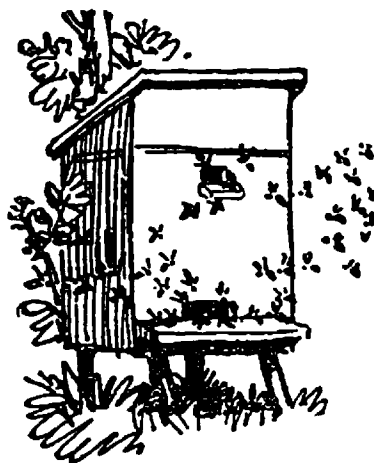
думанья.

Сегодня у нас на пасеке работа кипит вовсю. Пчёлы жужжат так, что в воздухе стоит непрерывный гул, как на текстильной фабрике, куда нас Галя водила на экскурсию в позапрошлом месяце. Пчёлы носятся туда и сюда. Они как будто спешат наносить побольше мёду, пока цветёт липа. На прилётной доске возле летка толкучка: одни пчёлы лезут из улья, чтоб поскорей лететь за мёдом, другие уже прилетели и лезут навстречу в улей, чтобы сложить добычу. А на деревьях их сколько! Тысячи! Все деревья облепили. Мы и не думали, что у нас столько пчёл.

Нина Сергеевна рассказала, что во время главного медосбора в улье бывает до восьмидесяти тысяч рабочих пчёл, а в некоторых очень сильных семьях – даже до ста тысяч.

Подумать только – сто тысяч! Это как людей в большом городе. А что такое улей? Это и есть пчелиный город.

13 июля

Кипит работа! Пчёлы носятся, как эскадрильи самолётов. Возле летка по-прежнему суeta. А внутри улья и сегодня танцы. Будто на самом деле праздник.

А может быть, это и есть праздник у пчёл – праздник Медосбор? Пчёлы ведь должны радоваться, когда много мёду. Поработают, зато на зиму будут запасы.

14 июля

Вот так чудо чудное! Про наше звено написали в газете! Утром мы пришли на пасеку, вдруг смотрим – бежит Витя, а в руках у него газета.

– Ребята! – кричит он. – Посмотрите, про нас в газете написано!

Мы посмотрели, а в газете карточка, на которой мы все сняты с ульем, и напечатано, как мы сделали улей и стали разводить пчёл. И все наши фамилии напечатаны. Даже сказано, в какой мы учимся школе.

Мы скорей побежали к киоску и стали покупать газеты. Все купили себе по газете, а мы с Павликом купили даже по две.

Потом мы стали думать, кто же это про нас написал. Юра говорит:

– Это, наверно, Галя. Ведь она нас снимала.

Должно быть, это она послала в газету нашу фотокарточку и написала статью.

Мы побежали к Гале и спросили её. Оказалось, что это на самом деле написала Галя. Мы стали говорить ей спасибо.

Галя говорит:

– За что же мне спасибо? Ведь вы сами сделали улей, сами работали, себя и благодарите.

Все побежали показывать газеты домой. Мы с Серёжей и Павликом тоже пошли. Павлик сказал:

– А вот нам то и благодарить себя не за что!

— За что же нам благодарить себя — мы пришли на готовое,— говорит Серёжа.— Нам надо ребят благодарить за то, что они дела не бросили.

— За что же про нас в газете написано?

— Ни за что. Мы просто случайно попали.

— Чем же нам гордиться тогда?

— Да и гордиться нечем! Это ребята могут гордиться: они дела не бросали.

— Как же так?— говорит Павлик.— Ведь и про нас будут в газете читать. «Вот,— скажут,— хорошие ребята!» А мы разве хорошие?

— Я лучше никому не буду газету показывать,— сказал Серёжа.

— Я тоже,— говорит Павлик.

Не знаю, показывали они кому-нибудь газету или нет, а я показал. И маме, и папе, и дяде Васе, и тёте Наде. Потом пошёл всем соседям показывать. Все хвалили меня, хвалили. Мне даже совестно стало. Я вернулся домой и стал думать, почему мне совестно, и что это за совесть такая, и зачем она людей мучит. Почему, когда сделаешь хорошо, совесть не мучит, а когда сделаешь плохо, так мучит?

По-моему, совесть — это что-то вроде человека внутри человека. Только этот человек очень хороший и не любит, когда делают плохо. Когда я сделаю что-нибудь плохое, он упрекает меня. Конечно, это только я так думаю про этого человека внутри человека, потому что внутри человека нет никакого человека... Разве кто-нибудь другой упрекает меня? Это я сам упрекаю себя! Значит, я сам своя совесть. Вот что такое совесть! Совесть — это я сам. За что же я упрекаю себя?.. За то, что перед соседями хвастался.

Может быть, соседи подумали, что я важная птица, а на самом деле я самый простой человек. В следующий раз не буду хвастаться, если хвастаться нечем.

15 июля

Слава про наш улей разнеслась по всей школе. Сегодня к нам приходили ребята из младших классов и даже из старших. Все расспрашивали нас про пчёл, а мы показывали им наш улей и рассказывали, как обращаться с пчёлами. Ребята сказали, что будут приходить учиться у нас пчеловодному делу. Потом пришёл один незнакомый дяденька:

- Это вы ребята, про которых в газете писали?
- Мы,— говорим мы.
- Неужели у вас пчёлы живут?
- Живут.

Он присел возле улья и долго смотрел на пчёл. Потом сказал:

- Ишь ты, какая удивительная вещь!

И пошёл домой. Вот! Даже взрослые начинают интересоваться нашей работой. А если бы в газете не было написано, то никто и не знал бы про нас.

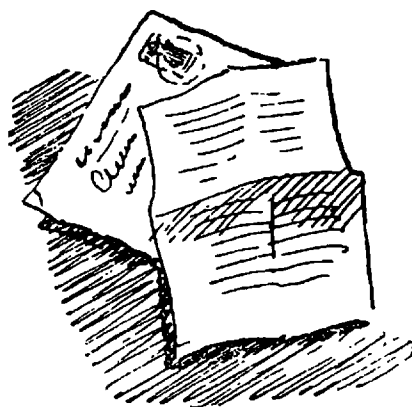
16 июля

Сегодня к нам приходили двое ребят из другой школы. Они читали про наше звено в газете и пришли посмотреть, как сделан улей, чтоб и у себя в школе

устроить. А потом опять пришёл тот гражданин, который вчера приходил. Он снова долго сидел возле улья и разговаривал с нами, а потом его укусила пчела, и он ушёл.

17 июля

Вот как быстро разносится слава! Сегодня на пасеку пришла Галя и говорит:

– Подите, ребята, в школу: там вам письмо пришло.

Мы удивились: кто же это мог нам письмо написать? Потом побежали в школу, взяли письмо и стали читать. Вот что там было написано. Я нарочно решил переписать его себе в дневник на память:

«Здравствуйте, дорогие ребята, юные пчеловоды! Примите наш пламенный ученический привет. Пишут вам ученики ремесленного училища мебельного комбината. Мы прочитали про вас в газете и хотим познакомиться с вами посредством письма и наладить связь. Ваша работа очень понравилась нам, и у нас появилась охота тоже заняться пчеловодством. Просим сообщить нам размеры улья и, по возможности, прислать чертёжик. Мы, деревообделочники, будущие столяры мебельщики. Уже умеем делать табуретки, скамейки, столы, а с будущего года начнём делать гнутую мебель. Думаем, что улей мы сумеем хорошо сделать и даже другим ребятам, какие захотят, можем тоже наделать ульев. Ещё сообщите, где

можно достать пчёл. Ещё раз примите наш пламенный, горячий привет! Не считите за труд ответить. Пишите как можно скорее. Ждём с нетерпением ответа. Поздравляем с великим достижением и желаем вам новых больших успехов в работе».

Как раз в этот день у нас был сбор отряда. Галя прочитала письмо на сборе, и мы все решили написать ребятам ответ.

Написали всё как следует, даже улей нарисовали и сообщили адрес пчеловодного хозяйства, чтобы ребята знали, откуда выписать пчёл.

18 июля

А сегодня вдруг снова пришло ещё одно письмо. Прислал его какой-то совсем маленький мальчишка. Только он хоть и маленький, а письмо сумел хорошо написать. Нам всем оно очень понравилось. Я и это письмо решил списать в свой дневник. Вот что там было написано:

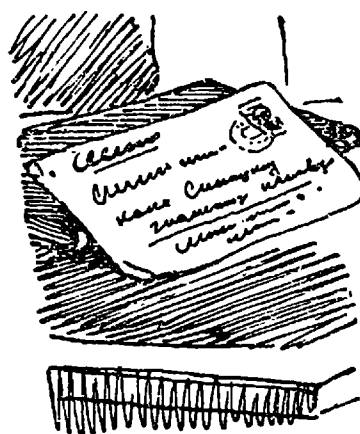
«Здравствуйте, милые друзья пионеры и школьники! Я к вам с просьбой. Очень прошу сообщить. Милые друзья! Уже с прошлого года я занимаюсь пчеловодством и стараюсь развести пчёл в коробке. Только сколько я ни стараюсь, ничего у меня не выходит. Пчёлы не хотят у меня жить и улетают от меня. Я кладу им в коробку мёду и

сахару, но они поедят мёду и улетают из коробки. А вчера я поймал в саду десять пчёл, а сегодня они удрали от меня. А у меня мечта – накопить пчёл побольше, чтобы, когда я подрасту, можно было устроить улей или хотя бы два, потому что я решил стать пасечником. Сообщите мне, милые друзья, как вы делаете, чтобы пчёлы не улетали от вас, а то я ещё маленький и, может быть, делаю что не так. И ещё сообщите, милые друзья, кусают ли вас пчёлы. Меня они кусают, но я терплю, как на войне раненые бойцы терпят. До свиданья, милые друзья. Писал Митя Ромашкин. Жду ответа, как соловей лета!»

Мы прочитали это письмо, и нам стало очень смешно, а потом мы вспомнили, как сами собирались ловить пчёл по одной, и перестали смеяться и написали Мите Ромашкину всё, что сами знали о пчёлах и как нужно с ними обращаться, чтоб они жили в улье.

Мы долго писали ответ, и письмо получилось длинное, а потом мы пошли на пасеку.

19 июля

Вот так дела пошли! Каждый день по письму! Сегодня пришло письмо мне. На конверте так и написано: «Коле Синицыну – знаменитому пчеловоду». У меня даже задрожали руки, когда я получил это письмо. Я поскорей распечатал его и начал читать:

«Здравствуйте, дорогой незнакомый друг Коля Сиинцын! Вы, может быть, удивитесь, что Вам пишет совсем незнакомая девочка, которой Вы вовсе не знаете, а может быть, и не интересуетесь знать, так как Вы теперь человек известный, про которого даже в газете написано. Я, конечно, как и другие, узнала про Вас из газеты, в которой напечатана карточка, где Вы сняты со всем звеном, и написано про Вашу работу.

Мы прочитали эту газету на сборе звена и решили последовать Вашему примеру и заниматься этой интересной работой.

Вы, может быть, улыбнётесь, читая эти строчки моего письма, потому что некоторые мальчики презрительно относятся к девочкам и воображают, что девочки ничего не могут, а мальчики могут всё. И вот мы решили доказать всем мальчикам, что девочки ничуть не хуже их, и тоже хотим разводить пчёл. Может быть, многим из нас это пригодится в жизни, и мы на своей школьной пасеке будем изучать пчеловодство, а когда вырастем, будем работать колхозными пчеловодками. И вот всё звено поручило мне написать Вам письмо и спросить, как Вы сделали улей и развели пчёл. А я решила написать лично Вам, потому что мне понравилась Ваша фамилия, и Вы, наверно, мальчик добрый и не откажете в нашей просьбе.

А теперь до свиданья.

С пионерским приветом пионерка
Люся Абанова».

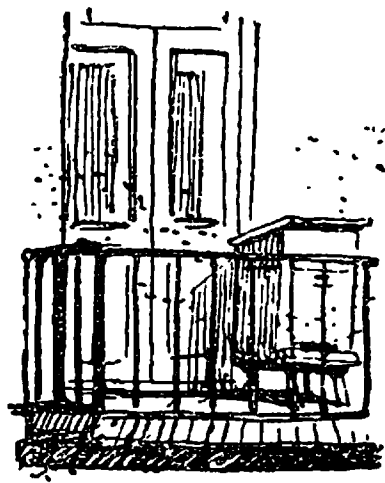
Я сначала не знал, стоит ли писать этой девчонке ответ, но все ребята сказали, что надо написать, и Галя тоже сказала, чтоб я обязательно написал, потому что раз девочки хотят работать, так надо им помочь, и это будет очень нехорошо, если я не отвечу.

Тогда я пошёл домой и стал писать ответ. Целый час корпел над письмом, потому что мне хотелось написать

получше и не ударить, как говорится, в грязь лицом. В конце концов я написал всё как следует.

Очень красивое письмо получилось. Мне даже самому понравилось. Все ребята сказали, что не стыдно такое письмо посылать.

20 июля

Сегодня к нам опять приходили ребята, а потом пришёл тот гражданин, которого в прошлый раз укусила пчела. Мы очень боялись, как бы его снова пчела не ужалила, и дали ему сетку, чтобы он надел на голову. Гражданин надел на голову сетку, а когда пришла Нина Сергеевна, он стал её спрашивать:

— Скажите, пожалуйста, что, этот улей — просто для изучения или от него может быть польза?

— И для изучения, и польза будет,— сказала Нина Сергеевна.

— Какая же, скажите, пожалуйста, польза? Разве в городе можно пчёл держать?

— Почему же нет? В городе растёт очень много медоносных растений. В парках, в садах, на бульварах, даже просто на улицах и во дворах растут такие медоносы, как клён, липа, акация, ветла, черёмуха и многие другие. Кроме того, пчёлы могут летать за добычей очень далеко. Они могут вылетать из города и собирать мёд в окрестных полях. Это раньше думали, что

пчёл можно держать только в деревне, а теперь даже в таких больших городах, как Москва, живут пчеловоды, которые держат пчёл.

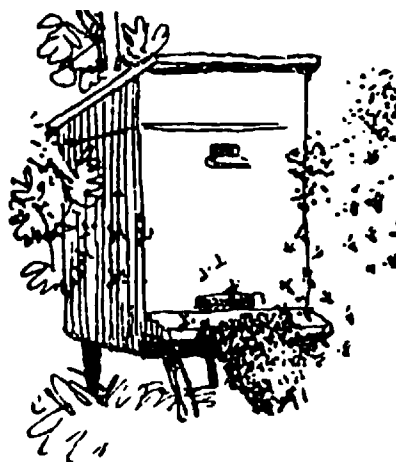
— Ну, если так, то я тоже начну разводить пчёл,— сказал гражданин.— Да вот беда — у меня ульи поставить негде.

— Почему же негде?— спросила Нина Сергеевна.— Для ульев всегда можно найти подходящее место. Если нельзя поставить во дворе, то поставьте хоть на балконе, или на чердаке, или даже просто в сарае.

— Ах так? Ну, если так, то конечно. А я и не знал, что ульи можно на балконе поставить. Скажите-пожалуйста! Вот как далеко шагнула наука!

Гражданин поблагодарил Нину Сергеевну, сказал, что ещё придёт поучиться у нас, и ушёл с нашей сеткой на голове. Пришлось его догнать и напомнить, чтоб сетку отдал.

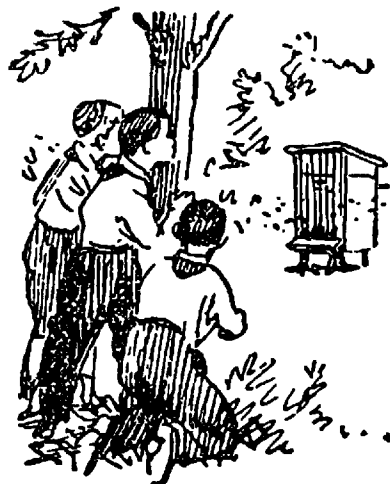
21 июля

Сегодня было очень жарко и пчёлы почему-то плохо работали. Они выкучивались из летка и целой гроздью висели на прилётной доске, прицепившись друг к дружке. У улья получилась как будто борода из пчёл.

Эта «борода» висела, висела, а потом пчёлы залезли обратно в улей, и «борода» пропала. Потом они снова вылезли, и опять получилась «борода». Наконец они спрятались в улей и сидели до вечера.

22 июля

Мы с Серёжей и Павликом пришли с утра на пасеку и увидели, что пчёлы снова стали выкучиваться из летка. Мы думали, что им опять захотелось повисеть «бородой», но пчёлы кучей взлетели кверху и стали кружиться над ульем. Они громко жужжали, а за ними вслед вылетали другие пчёлы. Из улья началось повальное бегство. Мы испугались и спрятались за дерево, а пчёлы тучей летали по саду и гудели так, что, наверно, за километр было слышно.

— Что это они, взбесились?— говорит Павлик.

— Да ведь это рой! — догадался Серёжа.

— Верно! Куда же мы его будем сажать?

— Надо принести ведро,— говорю я.

— Так беги скорей домой, а я буду следить, куда сядет рой,— говорит Павлик.

Мы с Серёжей выбежали за ворота и во весь дух помчались по улице. Я прибежал домой и принялся искать ведро, но не нашёл и схватил вместо него большую картонную коробку от радиоприёмника. Прибегаю назад с коробкой, смотрю — возле улья никого нет, а Серёжа как угорелый бежит по саду с ведром.

— Где же Павлик?— спрашиваю я,

— Не знаю. Я уже весь сад обыскал. Нигде нет.

— А рой где?

— И роя нет.

Мы остановились и стали осматриваться. Тут из-за

забора высунулась голова Павлика и сказала:

– Ну, чего вы стоите там? Идите скорее сюда!

Мы скорее перелезли через забор в соседний двор.

Серёжа зацепился ногой за забор и уронил ведро. Оно с грохотом покатилося на землю.

– Тише ты! – зашипел Павлик. – Испугаешь ведь рой.

– А где он?

– Вот, разве не видишь?

Тут мы увидели рой. Он гроздью висел на ветке дерева. Все пчёлы слепились плотным комком, и только две три пчелы летали вокруг, будто не могли пристроиться к общей куче.

– Ну, давайте скорее ведро, – говорит Павлик.

– Может быть, их лучше в коробку собрать? – говорю я. – Коробка побольше ведра.

– Ладно, давай коробку.

Я осторожно поднёс коробку под рой. Павлик сильно потряхнул веткой, и весь рой моментально свалился в коробку. Я сейчас же закрыл её крышкой.

– Есть! – говорю. – Теперь они никуда не улетят.

Мы перелезли обратно через забор и увидели, что на пасеку пришли остальные ребята.

– Идите скорее посмотреть! – закричал я. – У нас рой.

– Где рой?

– А вот, в коробке.

– Где вы его взяли?

– Из улья вылетел.

Ребята заглянули в коробку и удивились:

– Вот так чудо! Значит, у нас вторая пчелиная семья будет! Надо поскорей новый улей делать.

Мы принесли инструменты и в спешном порядке стали делать новый улей. Пришла Нина Сергеевна. Мы показали ей рой в коробке. Нина Сергеевна посмотрела и говорит:

– Не вовремя рой вылетел.

Почему не вовремя?

Павлик сильно потрянул веткой.

– Потому что сейчас большой медосбор. Когда пчёлы роятся, они плохо работают и мало собирают мёда.

– Ничего,– говорим мы.– Нам много мёду не нужно. Пусть лучше будет побольше пчёл.

К вечеру мы сделали улей, поставили в него несколько рамок с вощиной и перенесли из старого улья одну рамку с личинками и одну рамку с мёдом, чтоб у новой пчелиной семьи сразу было своё хозяйство. Потом мы вытряхнули из коробки весь рой прямо в улей на рамки, накрыли улей крышей и пошли домой.

Мы с Серёжей и Павликом очень довольны, потому что если бы не мы, то рой улетел бы. Значит, и от нас тоже бывает польза.

23 июля

Вчера Нина Сергеевна сказала, чтоб мы внимательно следили за новой пчелиной семьёй, так как рой иногда не приживается на новом месте и может улететь, чтоб найти для себя другое жилище. Сегодня мы нарочно пришли пораньше и стали следить.

И вот мы увидели, как из нового улья вылетела первая пчёлка. Она обернулась в воздухе головкой к летку, словно старалась запомнить, откуда она вылетела, потом стала кружиться в воздухе, как будто для того, чтобы запомнить место, где стоит улей, а потом уже улетела прочь. Тут стали вылетать и другие пчёлы. Все они

сначала кружились около улья, а потом улетали. Мы очень беспокоились, найдут ли пчёлы дорогу в свой новый дом или полетят, по привычке, в старый улей, но через некоторое время пчёлы стали возвращаться назад. Мы очень обрадовались. Значит, пчёлам понравилось их новое жилище.

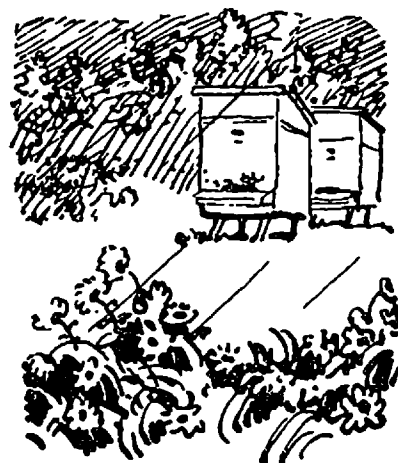
24 июля

С утра мы снова пришли на пасеку и любовались на своих пчёл. Работа кипит в обоих ульях. Но в новом улье пчёлы работают активнее. Каждая пчёлка не теряет времени даром, а как только выползет из летка, сейчас же расправляет крылышки и быстро летит за мёдом.

Нина Сергеевна сказала, что рой в новом улье всегда проявляет большую энергию, потому что пчёлам надо успеть построить гнездо и собрать побольше мёду на зиму.

25 июля

Дует ветер. Небо хмурится. Солнышко то выглянет, то спрячется в тучи. Иногда начинает накрапывать дождь. Пчёлы в старом улье сидят и не хотят никуда вылетать. Но в новом улье работа не прекращается. Как только солнышко выглянет, пчёлы сейчас же начинают вылетать за мёдом. Молодцы! Пусть стараются.

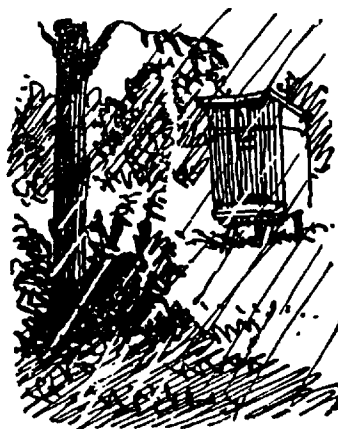
Федя и Гриша вернулись из лагеря. Вот как быстро время прошло!

Ну и удивились же они, когда увидели, что у нас теперь уже два улья. Они думали, что мы выписали ещё одну пчелиную семью, но мы рассказали им, что это вылетел рой.

Потом мы показали им газету с карточкой и письма, которые нам прислали ребята. Они очень обрадовались. Гриша сказал.

— Ну и дела пошли, а мы и не знали, что тут творится!

26 июля

Совсем плохая погода. Почти весь день шёл дождь. Обе пчелиные семьи сидели в ульях и не летали за мёдом.

Нам было скучно без пчёл. Галя сказала, что сегодня мы всем нашим отрядом пойдём в кино смотреть новую картину.

После обеда Галя взяла на всех билеты, и мы ходили в кино.

27 июля

Вот и окончился главный медосбор. Липа уже отцвела. Теперь пчёлам придётся разыскивать какие-нибудь цветы в разных местах. Тут уж не наберёшь много мёду. Мы стали бояться, что новая пчелиная семья останется на зиму без мёда, но Нина Сергеевна сказала, что ей можно будет уделить часть мёда из старого улья. Мы проверили запасы мёда, и оказалось, что мёда хватит на обе семьи.

— Только вам самим уж не придётся в этом году поесть своего мёда,— сказала Нина Сергеевна.

— А мы и не хотим мёда,— говорим мы.— Пусть лучше пчёлам останется. Ведь они сами трудились, значит, это их мёд.

— Вот и прекрасно,— сказала Нина Сергеевна.— Зато у пчёл будут достаточные запасы на зиму. Пчёлы хорошо перезимуют, а на следующий год соберут столько мёда, что и для вас останется.

— Вот тогда то мы и попробуем своего мёда! — сказал Павлик.

— А где же будут зимовать наши пчёлы? Для них, наверно, надо зимовник сделать? — спросил Юра.

— Один или два улья могут зимовать в хорошем сухом погребе или просто в землянке,— сказала Нина Сергеевна.— Под землёй пчёлам будет хорошо.

Мы решили с завтрашнего дня приняться за постройку землянки, чтоб нашим пчёлам было помещение на зиму.

28 июля

С утра все ребята собрались на пасеке, и мы приступили к постройке землянки. Мы решили сначала выкопать в саду яму, потом накрыть эту яму досками, а сверху засыпать землёй, чтобы внутрь не пробрался холод. Мы принесли лопаты и стали копать яму.

Земля была твёрдая. Мы провозились до вечера, но зато яма получилась хорошая. Юра придумал развести в яме костёр, чтобы стены хорошенько просохли, и в зимовнике не было сырости. Мы натаскали хворосту и разожгли в яме большой костёр.

Все ребята разбрелись по саду, стали собирать сухие ветки и подбрасывать их в огонь. Скоро стемнело. Костёр догорел. Мы забрались в яму, убрали золу, а потом уселись на дне и стали мечтать. Вверху над нами чернело небо, а на нём сверкали яркие звёздочки. Ветер шумел в ветвях деревьев, а у нас в яме было тепло и уютно.

— А я буду скучать по пчёлам зимой,— сказал Гриша.— Я к ним очень привык и полюбил их за то, что они такие хорошие маленькие труженики.

— Я тоже буду скучать по пчёлам зимой,— сказал Федя.

— До зимы ещё далеко,— ответил Толя.— А зимой мы будем учиться, и скучать будет некогда.

А ведь правду сказал нам дедушка пчеловод: «Кто начнёт заниматься пчеловодством, тот никогда не бросит этого дела»,— сказал Павлик.— Вот я, например,— я уже твёрдо решил: когда вырасту, обязательно стану

пчеловодом на колхозной пасеке. У меня будет много ульев, штук сто или двести. Скорее даже двести, чем сто!

— Тебе хорошо,— ответил Федя.— А мне как быть? Ведь я уже решил сделаться инженером, чтобы строить мосты, тоннели, каналы...

— Ну и что же? — говорю я.— Будь себе инженером, а дома у тебя будут ульи. Они ведь не помешают тебе.

— Конечно,— говорит Витя.— Вот я, например, буду художником и пчеловодом. Разве нельзя сразу по двум специальностям работать?

— Художнику хорошо! — ответил Женя.— А мне то как быть? Я хочу быть лётчиком.

— Ну и будь лётчиком,— говорю я.— Не будешь же ты по целым дням на самолёте летать. Полетаешь, полетаешь и домой прилетишь, посмотришь на своих пчёл и опять полетишь куда надо.

А если на несколько дней понадобится куда-нибудь лететь?

– Несколько дней пчёлы и без тебя проживут. Они сами о себе могут заботиться. Им не нужна нянька.

– Лётчику то ещё ничего,– сказал Юра.– Я вот хочу быть матросом или капитаном на пароходе, а пароход как уйдёт в дальнее плавание, чуть ли не на весь год!

– А ты улей поставь на палубе,– говорю я.– Пусть он и стоит себе. Пока плывёшь по морю или по океану, затыкай леток, чтобы пчёлы не разлетелись, а как остановишься у берега, выпускай пчёл, чтоб они на берегу покормились. Вот и хорошо будет.

Так мы разговаривали, и я всем доказал, что каждый может заниматься пчеловодством: и лётчик, и шофёр, и машинист, и шахтёр. А потом я пошёл домой и стал думать, как же мне самому быть. Ведь я уже решил работать в Арктике, а разве в Арктике могут жить пчёлы? Там ведь нет ни цветов, ни деревьев, одни только льды да белые медведи. А потом я подумал, что, наверно, пока я вырасту, люди насадят в Арктике цветов и деревьев, так что и там можно будет разводить пчёл. А если к тому времени не успеют насадить, то я сам насажу, а пока цветы вырастут, буду кормить пчёл сахарным сиропом.

Обязательно разведу в Арктике пчёл!

29 июля

Мы думали, что нам больше не будет писем, а сегодня вдруг снова письмо. Мы с утра пришли на пасеку, только

Юра Кусков не пришёл. Вдруг, смотрим,

Юра бежит и размахивает конвертом в руке. Оказывается, он заходил в школу и получил письмо. Мы поскорей распечатали конверт и стали читать письмо вслух. Вот что там было написано:

«Дорогие друзья пионеры и школьники! Пишут вам пионеры из колхоза «Ленинский путь». Мы прочитали про вас в газете и решили написать вам письмо. Дорогие ребята, нам очень совестно, что мы, колхозные пионеры, ещё не устроили у себя пришкольную пасеку, в то время как вы, городские ребята, уже начали эту работу и у вас уже есть улей. Дорогие друзья, мы эту нашу ошибку исправим и уже договорились с колхозом, и колхоз выделяет для нашей школьной пасеки два улья с пчёлами. Так что пасека у нас будет. Но не думайте, дорогие друзья, что мы всё время сидели сложа руки и ничего не делали.

Наш колхоз находится далеко в степи. Природа у нас суровая: зимой трещат невыносимые морозы, дуют метели и надувают столько снега, что мы даже в школу ходим на лыжах. Летом дуют сильные суховеи, так что всё сохнет и земля от жары трескается. Чтобы победить засуху, наши колхозники насаждают леса. Мы тоже решили в этом деле помочь родному колхозу и уже собрали шесть мешков отборных желудей для посадки дуба. Мы боремся с вредителями сельского хозяйства – сусликами. В этом году наш пионерский отряд уничтожил полторы тысячи сусликов и спас от гибели пятнадцать тонн зерна, так как каждый суслик съедает за лето до десяти килограммов зерна. И ещё мы взяли шефство над колхозным телятником. У каждого пионера теперь есть по два подшефных телёнка. Мы следим, как растут и развиваются наши подшефные четвероногие. При школе у нас есть сад и опытный огород. Все мы работаем в саду и на огороде и добиваемся, чтобы был большой урожай.

Дорогие ребята, мы знаем, что вы в городе тоже работаете – сажаете цветы и деревья, устраиваете сады и парки, а вот теперь, оказывается, даже начали разводить пчёл. И это очень хорошо, дорогие друзья! Давайте ещё лучше будем работать, вы там, а мы здесь, чтобы наша любимая Родина процветала и покрылась зеленью и садами, чтоб всего было много и всему нашему народу жилось хорошо, как учит нас наша партия.

На этом мы кончаем своё письмо. До свиданья, дорогие друзья! К борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!»

Мы прослушали письмо до конца, и все, как один, ответили:

– Всегда готовы!

А потом я пошёл домой и стал думать об этом письме. Я долго думал и увидел, что мы, городские ребята, ещё очень мало сделали и нам нужно ещё очень много работать, чтобы сравняться с колхозными пионерами. Мне очень понравилось их письмо, и я решил переписать его в свой дневник на память. И вот я писал, писал – написал всё, что здесь написано, и тут только заметил, что мой дневник кончается и мне негде больше писать.

Ну что ж, когда-нибудь я куплю ещё одну толстую тетрадь и снова буду писать дневник. А сейчас на этом конец.

Писал пионер
Коля Синицын.

ВИТЯ МАЛЕЕВ В ШКОЛЕ И ДОМА

Глава первая

Подумать только, как быстро время летит! Не успел я оглянуться, как каникулы кончились и пришла пора идти в школу. Целое лето я только и делал, что бегал по улицам да играл в футбол, а о книжках даже позабыл думать. То есть я читал иногда книжки, только не учебные, а какие-нибудь сказки или рассказы, а так чтоб позаниматься по русскому языку или по арифметике — этого не было. По русскому я и так хорошо учился, а арифметики не любил. Хуже всего для меня было — это задачи решать. Ольга Николаевна даже хотела дать мне работу на лето по арифметике, но потом пожалела меня и перевела в четвёртый класс так, без работы.

— Не хочется тебе лето портить, — сказала она. — Я переведу тебя так, но ты дай обещание, что сам позанимаешься по арифметике летом.

Я, конечно, обещание дал, но, как только занятия кончились, вся арифметика выскочила у меня из головы, и

я, наверно, так и не вспомнил бы о ней, если б не пришла пора идти в школу. Стыдно было мне, что я не исполнил своего обещания, но теперь уж всё равно ничего не поделаешь.

Ну и вот, значит, пролетели каникулы! В одно прекрасное утро — это было первого сентября — я встал пораньше, сложил свои книжечки в сумку и отправился в школу. В этот день на улице, как говорится, царило большое оживление. Все мальчики и девочки, и большие и маленькие, как по команде, высыпали на улицу и шагали в школу. Они шли и по одному, и по двое, и даже целыми группами по несколько человек. Кто шёл не спеша, вроде меня, кто мчался стремглав, как на пожар. Малыши тащили цветы, чтобы украсить класс. Девчонки визжали. И ребята тоже некоторые визжали и смеялись. Всем было весело. И мне было весело. Я был рад, что снова увижу свой пионерский отряд, всех ребят-пионеров из нашего класса и нашего вожатого Володю, который работал с нами в прошлом году. Мне казалось, будто я путешественник, который когда-то давно уехал в далёкое путешествие, а теперь возвращается обратно домой и вот-вот скоро уже увидит родные берега и знакомые лица родных и друзей.

Но всё-таки мне было не совсем весело, так как я знал, что не встречу среди старых школьных друзей Федю Рыбкина — моего лучшего друга, с которым мы в прошлом году сидели за одной партой. Он недавно уехал со своими родителями из нашего города, и теперь уж никто не знает, увидимся мы с ним когда-нибудь или нет.

И ещё мне было грустно, так как я не знал, что скажу Ольге Николаевне, если она меня спросит, занимался ли я летом по арифметике. Ох уж эта мне арифметика! Из-за неё у меня настроение совсем испортилось.

Яркое солнышко сияло на небе по-летнему, но прохладный осенний ветер срывал с деревьев пожел-

тевшие листья. Они кружились в воздухе и падали вниз. Ветер гнал их по тротуару, и казалось, что листочки тоже куда-то спешат.

Ещё издали я увидел над входом в школу большой красный плакат. Он был увит со всех сторон гирляндами из цветов, а на нём было написано большими белыми буквами: «Добро пожаловать!» Я вспомнил, что такой же плакат висел в тот день, когда я совсем ещё маленьким пришёл первый раз в школу. И мне вспомнились все прошлые годы. Как мы учились в первом классе и мечтали поскорей подрасти и стать пионерами.

Всё это вспомнилось мне, и какая-то радость встрепенулась у меня в груди, будто случилось что-то хорошее-хорошее! Ноги мои сами собой зашагали быстрее, и я еле удержался, чтоб не пуститься бегом. Но это было мне не к лицу: ведь я не какой-нибудь первоклассник — как-никак всё-таки четвёртый класс!

Во дворе школы уже было полно ребят. Ребята собирались группами. Каждый класс отдельно. Я быстро разыскал свой класс. Ребята увидели меня и с радостным криком побежали навстречу, стали хлопать по плечам, по спине. Я и не думал, что все так обрадуются моему приходу.

— А где же Федя Рыбкин? — спросил Гриша Васильев.

— Правда, где Федя? — закричали ребята. — Вы всегда вместе ходили. Где ты его потерял?

— Нету Феде, — ответил я. — Он не будет больше у нас учиться.

— Почему?

— Он уехал из нашего города со своими родителями.

— Как так?

— Очень просто.

— А ты не врёшь? — спросил Алик Сорокин.

— Вот ещё! Стану я врать!

Во дворе школы уже было полно ребят.

Ребята смотрели на меня и недоверчиво улыбались.

— Ребята, и Вани Пахомова нет, — сказал Лёня Астафьев.

— И Серёжи Букатина! — закричали ребята.

— Может быть, они тоже уехали, а мы и не знаем, — сказал Толя Дёжкин.

Тут, как будто в ответ на это, отворилась калитка, и мы увидели, что к нам приближается Ваня Пахомов.

— Ура! — закричали мы.

Все побежали навстречу Ване и набросились на него.

— Пустите! — отбивался от нас Ваня. — Человека никогда в жизни не видели, что ли?

Но каждому хотелось похлопать его по плечу или по спине. Я тоже хотел хлопнуть его по спине, но по ошибке попал по затылку.

— А, так ты ещё драться! — рассердился Ваня и изо всех сил принялся вырываться от нас.

Но мы ещё плотней окружили его.

Не знаю, чем бы всё это кончилось, но тут пришёл Серёжа Букатин. Все бросили Ваню на произвол судьбы и накинулись на Букатина.

— Вот теперь, кажется, уже все в сборе, — сказал Женя Комаров.

— Все, если не считать Феди Рыбкина, — ответил Игорь Грачёв.

— Как же его считать, если он уехал?

— А может, это ещё и неправда. Вот мы у Ольги Николаевны спросим.

— Хотите верьте, хотите нет. Очень мне нужно обманывать! — сказал я.

Ребята принялись разглядывать друг друга и рассказывать, кто как провёл лето. Кто ездил в пионерский лагерь, кто жил с родителями на даче. Все мы за лето лето выросли, загорели. Но больше всех загорел

Глеб Скамейкин. Лицо у него было такое, будто его над костром коптили. Только светлые брови сверкали на нём.

— Где это ты загорел так? — спросил его Толя Дёжкин. — Небось целое лето в пионерлагере жил?

— Нет. Сначала я был в пионерлагере, а потом в Крым поехал.

— Как же ты в Крым попал?

— Очень просто. Папе на заводе дали путёвку в дом отдыха, а он придумал, чтоб мы с мамой тоже поехали.

— Значит, ты в Крыму побывал?

— Побывал.

— А море видел?

— Видел и море. Всё видел.

Ребята обступили Глеба со всех сторон и стали разглядывать, как какую-нибудь диковинку.

— Ну так рассказывай, какое море. Чего ж ты молчишь? — сказал Серёжа Букатин.

— Море — оно большое, — начал рассказывать Глеб Скамейкин. — Оно такое большое, что если на одном берегу стоишь, то другого берега даже не видно. С одной стороны есть берег, а с другой стороны никакого берега нет. Вот как много воды, ребята! Одним словом, одна вода! А солнце там печёт так, что с меня сошла вся кожа.

— Врёшь!

— Честное слово! Я сам даже испугался сначала, а потом оказалось, что у меня под этой кожей есть ещё одна кожа. Вот я теперь и хожу в этой второй коже.

— Да ты не про кожу, а про море рассказывай!

— Сейчас расскажу... Море — оно громадное! А воды в море пропасть! Одним словом — целое море воды.

Неизвестно, что ещё рассказал бы Глеб Скамейкин про море, но в это время к нам подошёл Володя.

Ну и крик тут поднялся! Все обступили его. Каждый спешил рассказать ему что-нибудь о себе. Все спра-

шивали, будет он у нас в этом году вожатым или нам дадут кого-нибудь другого.

— Что вы, ребята! Да разве я отдам вас кому-нибудь другому? Будем работать с вами, как и в прошлом I оду. Ну, если я сам надоем вам, тогда дело другое! — засмеялся Володя.

— Вы? Надоедите?.. — закричали мы все сразу. — Вы нам никогда в жизни не надоедите! Нам с вами всегда весело!

Володя рассказал нам, как он летом со своими товарищами комсомольцами ездил в путешествие по реке на резиновой лодке. Потом он сказал, что ещё увидится с нами, и пошёл к своим товарищам старшеклассникам. Ему ведь тоже хотелось поговорить со своими друзьями. Нам было жалко, что он ушёл, но тут к нам подошла Ольга Николаевна. Все очень обрадовались, увидев её.

— Здравствуйте, Ольга Николаевна! — закричали мы хором.

— Здравствуйте, ребята, здравствуйте! — улыбнулась Ольга Николаевна. — Ну как, нагулялись за лето?

— Нагулялись, Ольга Николаевна!

— Хорошо отдохнули?

— Хорошо.

— Не надоело отдыхать?

— Надоело, Ольга Николаевна! Учиться хочется!

— Вот и прекрасно!

— А я, Ольга Николаевна, так отдыхал, что даже устал. Если б ещё немного — совсем бы из сил выбился, — сказал Алик Сорокин.

— А ты, Алик, я вижу, не переменился. Такой же шутник, как и в прошлом году был.

— Такой же, Ольга Николаевна, только подрос немного.

— Ну, подрос-то ты порядочно, — усмехнулась Ольга

Николаевна.

— Только ума не набрался, — добавил Юра Касаткин. Весь класс громко фыркнул.

— Ольга Николаевна, Федя Рыбкин не будет больше у нас учиться, — сказал Дима Балакирев.

— Я знаю. Он уехал с родителями в Москву.

— Ольга Николаевна, а Глеб Скамейкин в Крыму был и море видел.

— Вот и хорошо. Когда будем сочинение писать, Глеб напишет про море.

— Ольга Николаевна, а с него сошла кожа.

— С кого?

— С Глебки.

— А, ну хорошо, хорошо. Об этом поговорим после, а сейчасстройтесь в линейку, скоро в класс идти надо.

Мы построились в линейку. Все остальные классы тоже построились. На крыльце школы появился директор Игорь Александрович. Он поздравил нас с началом нового учебного года и пожелал всем ученикам в этом новом учебном году хороших успехов. Потом классные руководители стали разводить учеников по классам. Сначала пошли самые маленькие ученики — первоклассники, за ними второй класс, потом третий, а потом уж мы, а за нами пошли старшие классы.

Ольга Николаевна привела нас в класс. Все ребята решили сесть как в прошлом году, поэтому я оказался за партой один, у меня не было пары. Всем казалось, что в этом году нам достался маленький класс, гораздо меньше, чем в прошлом году.

— Класс такой же, как в прошлом году, точно таких же размеров, — объяснила Ольга Николаевна. — Все вы за лето выросли, вот вам и кажется, что класс меньше.

Это была правда. Я потом нарочно на перемене пошёл посмотреть на третий класс. Он был точно такой

же, как и четвёртый.

На первом уроке Ольга Николаевна сказала, что в четвёртом классе нам придётся работать гораздо больше, чем раньше, так как у нас будет много предметов. Кроме русского языка, арифметики и других предметов, которые были у нас в прошлом году, теперь прибавляются ещё география, история и естествознание. Поэтому надо браться за учёбу как следует с самого начала года. Мы записали расписание уроков.

Потом Ольга Николаевна сказала, что нам надо выбрать старосту класса и его помощника.

— Глеба Скамейкина старостой! Глеба Скамейкина! — закричали ребята.

— Тише! Шуму-то сколько! Разве вы не знаете, как выбирать? Кто хочет сказать, должен поднять руку.

Мы стали выбирать организованно и выбрали старостой Глеба Скамейкина, а помощником — Шуру Маликова.

На втором уроке Ольга Николаевна сказала, что вначале мы будем повторять то, что проходили в прошлом году, и она будет проверять, кто что забыл за лето. Она тут же начала проверку, и вот оказалось, что я даже таблицу умножения забыл. То есть не всю, конечно, а только с конца. До семью семь — сорок девять я хорошо помнил, а дальше путался.

— Эх, Малеев, Малеев! — сказала Ольга Николаевна. — Вот и видно, что ты за лето даже в руки книжку не брал!

Это моя фамилия Малеев. Ольга Николаевна, когда сердится, всегда меня по фамилии называет, а когда не сердится, то зовёт просто Витя.

Я заметил, что в начале года учиться почему-то всегда трудней. Уроки кажутся длинными, будто их кто-то нарочно растягивает. Если б я был главным начальником над школами, я бы сделал как-нибудь так, чтоб занятия начинались не сразу, а постепенно, чтоб ребята понемногу

отвыкали гулять и понемногу привыкали к урокам. Например, можно было бы сделать так, чтоб в первую неделю было только по одному уроку, во вторую неделю — по два урока, в третью — по три, и так далее. Или ещё можно было бы сделать так, чтоб в первую неделю были одни только лёгкие уроки, например физкультура, во вторую неделю к физкультуре можно добавить пение, в третью неделю можно добавить русский язык, и так, пока не дойдёт до арифметики. Может быть, кто-нибудь подумает, что я ленивый и вообще не люблю учиться, но это неправда. Я очень люблю учиться, но мне трудно начать работать сразу: то гулял, гулял, а тут вдруг стоп машина — давай учись.

На третьем уроке у нас была география. Я думал, что география — это какой-нибудь очень трудный предмет, вроде арифметики, но оказалось, что она совсем лёгкая. География — это наука о Земле, на которой мы все живём; про то, какие на Земле горы и реки, какие моря и океаны. Раньше я думал, что Земля наша плоская, как будто блин, но Ольга Николаевна сказала, что Земля вовсе не плоская, а круглая, как шар. Я уже и раньше слышал об этом, но думал, что это, может быть, сказки или какие-нибудь выдумки. Но теперь уже точно известно, что это не сказки. Наука установила, что Земля наша — это огромный-преогромнейший шар, а на этом шаре вокруг живут люди. Оказывается, что Земля притягивает к себе всех людей и зверей и всё, что на ней находится, поэтому люди, которые живут внизу, никуда не падают. И вот ещё что интересно: те люди, которые живут внизу, ходят вверх ногами, то есть вниз головой, только они сами этого не замечают и воображают, что ходят правильно. Если они опустят голову вниз и посмотрят себе под ноги, то увидят землю, на которой стоят, а если задерут голову кверху, то увидят над собой небо. Вот поэтому им и кажется, что они ходят правильно.

На географии мы немножечко развеселились, а на

последнем уроке случилось интересное происшествие. Уже прозвонил звонок, и в класс пришла Ольга Николаевна, как вдруг отворилась дверь, и на пороге появился совсем незнакомый ученик. Он постоял нерешительно возле двери, потом поклонился Ольге Николаевне и сказал:

— Здравствуйте!

— Здравствуй, — ответила Ольга Николаевна. — Что ты хочешь сказать?

— Ничего.

— Зачем же ты пришёл, если ничего не хочешь сказать?

— Так просто.

— Что-то я не пойму тебя.

— Я учиться пришёл. Здесь ведь четвёртый класс?

— Здесь.

— Вот мне и надо в четвёртый.

— Так ты новичок, должно быть?

— Новичок.

Ольга Николаевна заглянула в журнал:

— Твоя фамилия Шишкин?

— Шишкин, а зовут Костя.

— Почему же ты, Костя Шишкин, так поздно пришёл? Разве ты не знаешь, что в школу надо с утра являться?

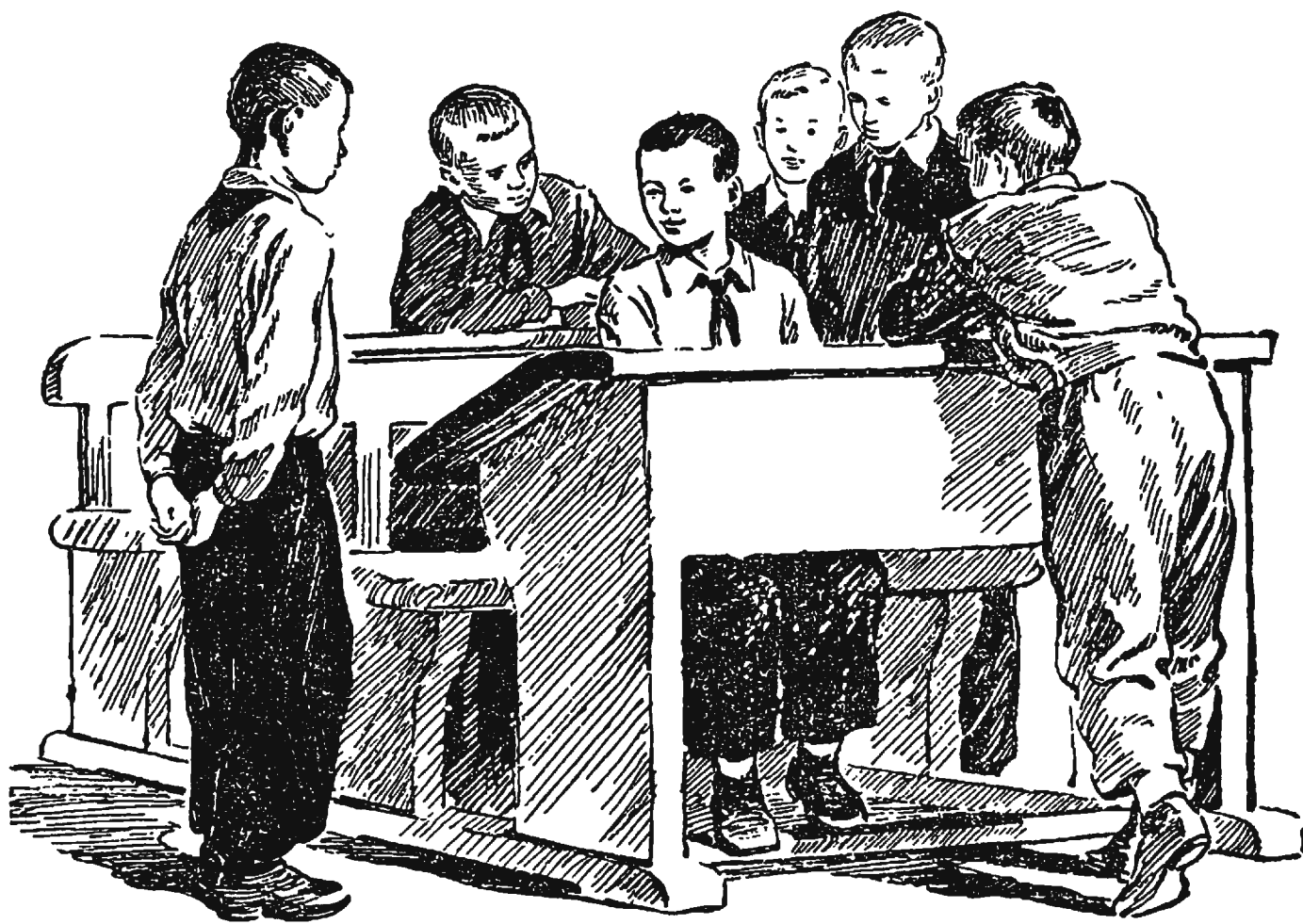
— Я и явился с утра. Я только на первый урок опоздал.

— На первый урок? А теперь уже четвёртый. Где же ты пропадал два урока?

— Я был там... в пятом классе.

— Чего же ты в пятый класс попал?

— Я пришёл в школу, слышу — звонок, ребята гурьбой бегут в класс... Ну, и я за ними, вот и попал в пятый класс. На перемене ребята спрашивают: «Ты новичок?» Я говорю: «Новичок». Они ничего не сказали мне, и я только на следующем уроке разобрался, что не в свой класс попал. Вот.

— Вот садись на место и не попадай больше в чужой класс, — сказала Ольга Николаевна.

Шишкин подошёл к моей парте и сел рядом со мной, потому что я сидел один и место было свободно.

Весь урок ребята оглядывались на него и потихоньку посмеивались. Но Шишкин не обращал на это внимания и делал вид, будто с ним ничего смешного не произошло. Нижняя губа у него немного выпячивалась вперёд, а нос как-то сам собой задирался кверху. От этого у него получался какой-то презрительный вид, будто он чем-то гордился.

После уроков ребята обступили его со всех сторон.

— Как же ты попал в пятый класс? Неужели учительница не проверяла ребят? — спросил Слава Ведерников.

Может быть, и проверяла на первом уроке, а я ведь

пришёл на второй урок.

— Почему же она не заметила, что на втором уроке появился новый ученик?

— А на втором уроке уже другой учитель был, — ответил Шишкин. — Там ведь не так, как в четвёртом классе. Там на каждом уроке другой учитель, и, пока учителя не знают ребят, получается путаница.

Это только с тобой получилась путаница, а вообще никакой путаницы не бывает, — сказал Глеб Скамейкин. — Каждый должен знать, в какой ему класс надо.

— А если я новичок? — говорит Шишкин.

— Новичок, так не надо опаздывать. И потом, разве у тебя языка нету? Мог спросить.

— Когда же спрашивать? Вижу — ребята бегут, ну и я за ними.

— Ты так и в десятый класс мог попасть!

Нет, в десятый я не попал бы. Это я бы сразу увидел: там ребята большие, — улыбнулся Шишкин.

Я взял свои книжки и пошёл домой. В коридоре меня встретила Ольга Николаевна.

— Ну, Витя, как ты думаешь учиться в этом году? — спросила она. — Пора тебе, дружок, браться за дело как следует. Тебе нужно приналечь на арифметику, она у тебя с прошлого года хромает. А таблицы умножения стыдно не знать. Ведь её во втором классе проходят.

— Да я ведь знаю, Ольга Николаевна. Я только с конца немножко забыл!

— Таблицу всю от начала до конца надо хорошо знать. Без этого нельзя в четвёртом классе учиться, К завтрашнему дню выучи, я проверю.

Глава вторая

Все девчонки воображают, что они очень умные. Не знаю, отчего у них такое большое воображение!

Моя младшая сестра Лика перешла в третий класс и

теперь думает, что меня можно совсем не слушаться, будто я ей вовсе не старший брат и у меня нет никакого авторитета. Сколько раз я говорил ей, чтоб она не садилась за уроки сразу, как только придёт из школы. Это ведь очень вредно! Пока учишься в школе, мозг в голове устаёт, и ему надо сначала дать отдохнуть часа два, полтора, а потом уже можно садиться за уроки. Но Лике хоть говори, хоть нет, она ничего слушать не хочет.

Вот и теперь: пришёл я домой, а она тоже уже вернулась из школы, разложила на столе книжки и занимается.

Я говорю:

— Что же ты, голубушка, делаешь? Разве ты не знаешь, что после школы надо мозгу давать отдых?

— Это, — говорит, — я знаю, только мне так удобнее. Я сделаю уроки сразу, а потом свободная: хочу — гуляю, хочу — что хочу делаю.

— Экая, — говорю, — ты бестолковая! Мало я тебе в прошлом году твердил! Что я могу сделать, если ты своего старшего брата не хочешь слушать? Вот вырастет из тебя тупица, тогда узнаешь!

— А что я могу сделать? — сказала она. — Я ни минуточки не могу посидеть спокойно, пока дела не сделаю.

— Будто потом нельзя сделать! — ответил я. — Выдержку надо иметь.

— Нет, уж лучше я сначала сделаю и буду спокойна. Ведь уроки у нас лёгкие. Не то что у вас, в четвёртом классе.

— Да, — говорю, — у нас не то что у вас. Вот перейдёшь в четвёртый класс, тогда узнаешь, где раки зимуют.

— А что тебе сегодня задано? — спросила она.

— Это не твоего ума дело, — ответил я. — Ты все равно

ничего не поймёшь, так что и рассказывать не стоит.

Не мог же я сказать ей, что мне задано повторять таблицу умножения! Её ведь во втором классе проходят.

Я решил с самого начала взяться за учёбу как следует и сразу засел повторять таблицу умножения. Конечно, я повторял её про себя, чтоб Лика не слышала, но она скоро окончила свои уроки и убежала играть с подругами. Тогда я принялся учить таблицу как следует, вслух, и выучил её так, что меня хоть разбуди ночью и спроси, сколько будет семью семь или восемью девять, я без запинки отвечу.

Зато на другой день Ольга Николаевна вызвала меня и проверила, как я выучил таблицу умножения.

— Вот видишь, — сказала она, — когда ты хочешь, то можешь учиться как следует! Я ведь знаю, что у тебя способности есть.

Всё было бы хорошо, если б Ольга Николаевна спросила меня только таблицу, но ей ещё захотелось, чтоб я задачу на доске решил. Этим она, конечно, все дело испортила.

Я вышел к доске, и Ольга Николаевна продиктовала задачу про каких-то плотников, которые строили дом. Я записал условие задачи на доске мелом и стал думать. Но это, конечно, только так говорится, что я стал думать. Задача попалась такая трудная, что я все равно не решил бы её. Я только нарочно наморщил лоб, чтоб Ольга Николаевна видела, будто я думаю, а сам стал украдкой поглядывать на ребят, чтоб они подсказали мне. Но подсказывать тому, кто стоит у доски, очень трудно, и все ребята молчали.

— Ну, как ты станешь решать задачу? — спросила Ольга Николаевна. — Какой будет первый вопрос?

Я только сильнее наморщил лоб и, повернувшись вполоборота к ребятам, изо всех сил заморгал одним глазом. Ребята сообразили, что моё дело плохо, и стали подсказывать.

— Тише, ребята, не подсказывайте! Я сама помогу ему,

если надо, – сказала Ольга Николаевна.

Она стала объяснять мне задачу и сказала, как сделать первый вопрос. Я хотя ничего не понял, но всё таки решил на доске первый вопрос.

– Правильно, – сказала Ольга Николаевна. – Теперь какой будет второй вопрос?

Я снова задумался и замигал глазом ребятам. Ребята опять стали подсказывать.

– Тише! Мне ведь все слышно, а вы только ему мешаете! – сказала Ольга Николаевна и принялась объяснять мне второй вопрос.

Таким образом, постепенно, с помощью Ольги Николаевны и с подсказкой ребят, я решил наконец задачу.

– Теперь ты понял, как нужно решать такие задачи? – спросила Ольга Николаевна.

– Понял, – ответил я.

На самом деле я, конечно, совсем ничего не понял, но мне стыдно было признаться, что я такой бестолковый, к тому же я боялся, что Ольга Николаевна поставит мне плохую отметку, если я скажу, что не понял. Я сел на место, списал задачу в тетрадь и решил ещё дома подумать над ней как следует.

После урока говорю ребятам:

– Что же вы подсказываете так, что Ольга Николаевна все слышит? Орут на весь класс! Разве так подсказывают?

– Как же тут подкажешь, когда ты возле доски стоишь! – говорит Вася Ерохин. – Вот если б тебя с места вызвали...

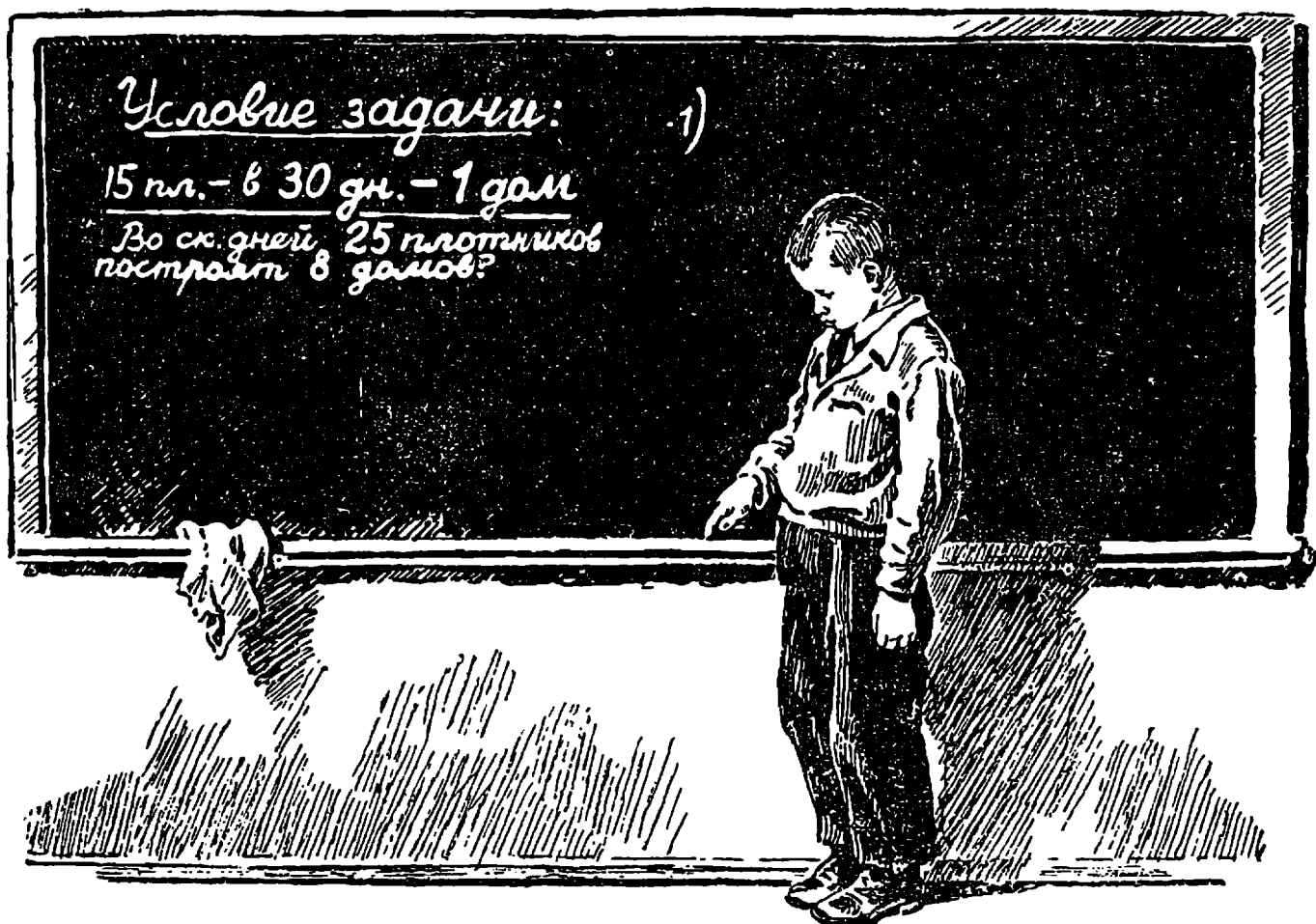
– «С места, с места»! Потихоньку надо.

– Я и подсказывал тебе сначала потихоньку, а ты стоишь и ничего не слышишь.

– Так ты, наверно, себе под нос шептал, – говорю я.

– Ну вот! Тебе и громко нехорошо и тихо нехорошо! Не разберёшь, как тебе надо!

– Совсем никак не надо, – сказал Ваня Пахомов. – Самому надо соображать, а не слушать подсказку.

— Зачем же мне свою голову утруждать, если я все равно ничего в этих задачах не понимаю? — говорю я.

— Оттого и не понимаешь, что не хочешь соображать, — сказал Глеб Скамейкин. — Надеешься на подсказку, а сам не учишься. Я лично никому больше подсказывать не буду. Надо, чтоб был порядок в классе, а от этого один вред.

— Найдутся и без тебя, подскажут, — говорю я.

— А я все равно буду бороться с подсказкой, — говорит Глеб.

— Ну, не больно-то задавайся! — ответил я.

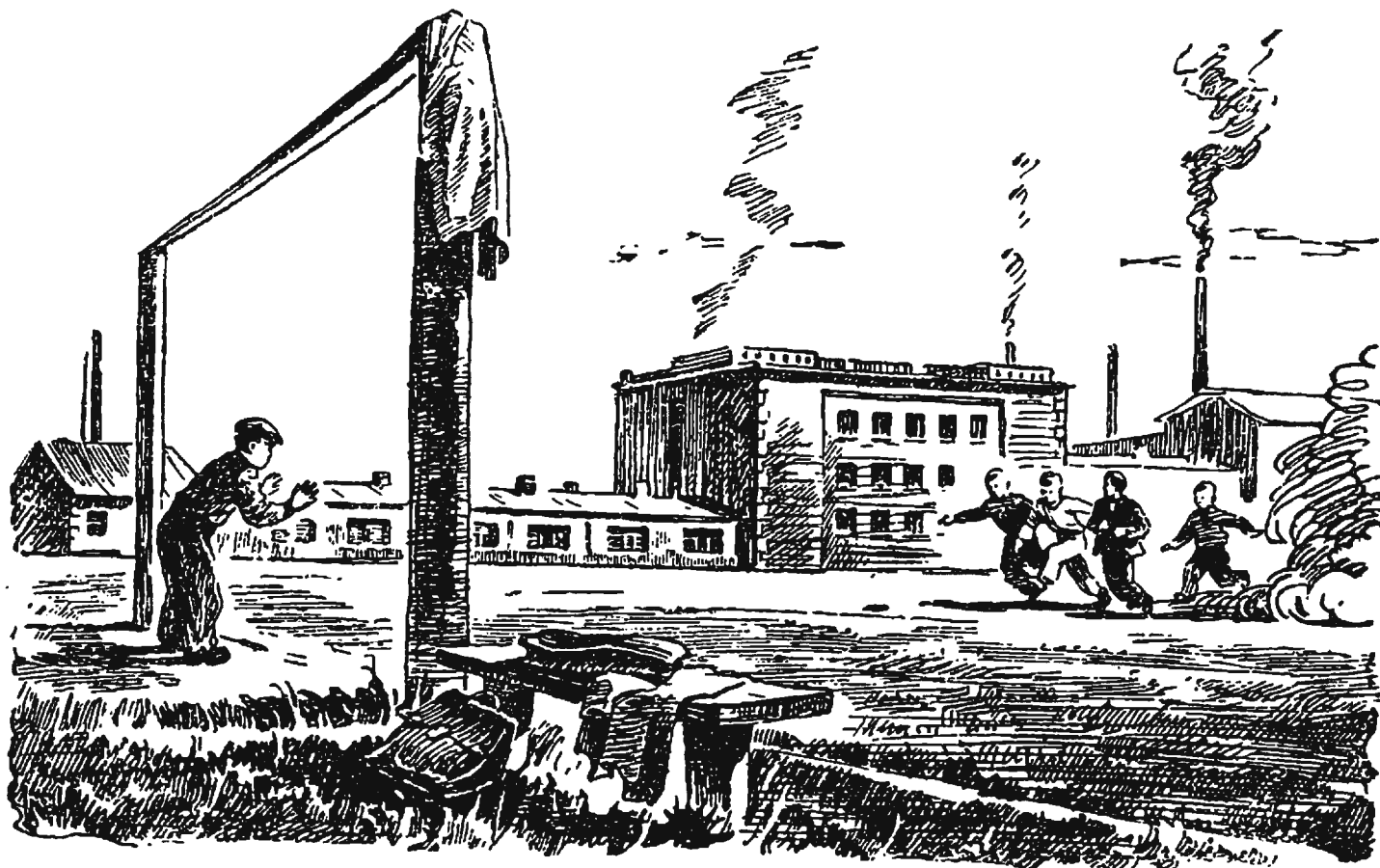
— Почему «задавайся»? Я староста класса! Я добьюсь, чтоб подсказки не было.

— И нечего, — говорю, — воображать, если тебя старостой выбрали! Сегодня ты староста, а завтра я староста.

— Ну вот, когда тебя выберут, а пока ещё не выбрали.

Тут и другие ребята вмешались и стали спорить, нужно подсказывать или нет. Но мы так ни до чего и не dospорились. Прибежал Дима Балакирев. Он узнал, что летом на пустыре позади школы старшие ребята устроили футбольное поле. Мы решили прийти после обеда и сыграть в футбол. После обеда мы собрались на футбольном поле, разбились на две команды, чтоб играть по всем правилам, но тут в нашей команде произошёл спор, кому быть вратарём. Никто не хотел стоять в воротах. Каждому хотелось бегать по всему полю и забивать голы. Все говорили, чтоб вратарём был я, но мне хотелось быть центром нападения или хотя бы полузащитником. На моё счастье, Шишкин согласился сделаться вратарём. Он сбросил с себя куртку, стал в воротах, и игра началась.

Сначала перевес оказался на стороне противников. Они всё время атаковали наши ворота. Вся наша команда смешалась в кучу. Мы без толку носились по полю и только мешали друг другу. На наше счастье, Шишкин оказался замечательным вратарём. Он прыгал, как кошка или какая-нибудь пантера, и не пропустил в наши ворота ни одного мяча. Наконец нам удалось завладеть мячом, и мы погнали его к воротам противника. Кто то из наших пробил по воротам, и счёт оказался 1:0 в нашу пользу. Мы обрадовались и с новыми силами начали нажимать на вражеские ворота. Скоро нам удалось забить ещё гол, и счёт оказался 2:0 в нашу пользу. Тут игра почему то снова перешла на нашу половину поля. Нас опять стали теснить, и мы никак не могли отогнать мяч от наших ворот. Тогда Шишкин схватил мяч руками и помчался с ним прямо к воротам противника. Там он положил мяч на землю и уже хотел забить гол, но тут Игорь Грачев ловко отыграл у него мяч, передал его Славе Ведерникову, Слава Ведерников – Ване Пахомову, и не успели мы оглянуться, как мяч уже был в наших воротах. Счёт стал 2:1. Шишкин со всех ног побежал на своё место, но, пока он бежал, нам снова забили гол, и счёт стал 2:2.

Мы принялись ругать на все лады Шишкина за то, что он оставил свои ворота, а он оправдывался и говорил, что теперь будет играть по всем правилам. Но из этих обещаний ничего не вышло. Он то и дело выскакивал из ворот, и как раз в это время нам забивали голы. Игра продолжалась до позднего вечера. Мы забили шестнадцать голов, а нам забили двадцать один. Нам хотелось ещё поиграть, но темнота наступила такая, что мяча не стало видно, и пришлось разойтись по домам. По дороге все только и говорили, что мы проиграли из-за Шишкина, потому что он всё время выскакивал из ворот.

— Ты, Шишкин, замечательный вратарь, — сказал Юра Касаткин. — Если бы ты исправно стоял в воротах, наша команда была бы непобедимой.

— Не могу я стоять спокойно, — ответил Шишкин. — Я люблю играть в баскетбол, потому что там можно каждому бегать по всему полю и никакого вратаря не полагается и к тому же все могут хватать мяч руками. Вот давайте организуем баскетбольную команду.

Шишкин начал рассказывать о том, как нужно играть в баскетбол, и, по его словам, эта игра была не хуже футбола.

— Надо поговорить с нашим преподавателем физкультуры, — сказал Юра. — Может быть, он поможет нам оборудовать площадку для баскетбола.

Когда мы подошли к скверу, где нужно было поворачивать на нашу улицу, Шишкин вдруг остановился и закричал:

— Батюшки! Я ведь свою куртку на футбольном поле забыл!

Он повернулся и бросился бегом назад. Удивительный это был человек! Вечно с ним случались какие-нибудь недоразумения. Бывают же такие люди на свете!

Домой я вернулся в девятом часу. Мама стала бранить меня за то, что я задержался так поздно, но я сказал, что ещё не поздно, потому что теперь уже осень, а осенью всегда темнеет раньше, чем летом, и если бы это было летом, то никому не показалось бы, что уже поздно, потому что летом дни гораздо длиннее, и в это время было бы ещё светло, и всем казалось бы, что ещё рано.

Мама сказала, что у меня вечно какие-нибудь отговорки, и велела делать уроки. Я, конечно, засел за уроки. То есть я засел за уроки не сразу, так как я очень устал на футболе и мне хотелось немножечко отдохнуть.

— Чего же ты не делаешь уроки? — спросила Лика. — Ведь твой мозг, наверно, давно отдохнул.

— Я сам знаю, сколько нужно моему мозгу отдыхать! — ответил я.

Теперь я уже не мог тут же сесть за уроки, чтоб Лика не вообразила, будто это она меня заставила заниматься. Поэтому я решил ещё немножечко отдохнуть и стал рассказывать про Шишкина, какой он растяпа и как он забыл на футбольном поле свою куртку. Скоро пришёл с работы папа и стал рассказывать, что их завод получил

заказ на изготовление новых машин для Куйбышевского гидроузла, и я снова не мог делать уроки, потому что мне интересно было послушать.

Мой папа работает на сталелитейном заводе модельщиком. Он делает модели. Что такое модель, наверно, никто не знает, а я знаю. Чтоб отлить какую-нибудь деталь для машины из стали, всегда нужно сделать сначала такую же деталь из дерева, и вот такая деревянная деталь называется моделью. Для чего нужна модель? А вот для чего: модель возьмут, поставят в опоку, то есть в такой вроде железный ящик, только бездна, потом насыплют в опоку земли, и, когда модель вынут, в земле получается углубление по форме модели. В это углубление заливают расплавленный металл, и когда металл застынет, то получится деталь, точно такая же по форме, как была модель. Когда на завод приходит заказ на новые детали, инженеры чертят чертежи, а модельщики делают по этим чертежам модели. Конечно, модельщик должен быть очень умным, потому что он по простому чертежу обязан понять, какую нужно делать модель, а если он сделает модель плохо, то по ней нельзя будет отливать детали. Мой папа очень хороший модельщик. Он даже придумал электрический лобзик, чтоб выпиливать из дерева разные мелкие части. А теперь он изобретает шлифовальный прибор для шлифовки деревянных моделей. Раньше шлифовали модели вручную, а когда папа сделает такой прибор, все модельщики будут шлифовать модели этим прибором. Когда папа приходит с работы, он всегда сначала отдохнёт немного, а потом садится за чертежи для своего прибора или читает книжки, чтоб узнать, как что нужно сделать, потому что это не такая простая вещь — самому придумывать шлифовальный прибор.

Папа поужинал и засел за свои чертежи, а я засел делать уроки. Сначала я выучил географию, потому что

она самая лёгкая. После географии я взялся за русский язык. По русскому языку нужно было списать упражнение и подчеркнуть о словах корень, приставку и окончание. Корень – одной чертой, приставку – двумя, а окончание – тремя. Потом я выучил английский язык и взялся за арифметику. На дом была задана такая скверная задача, что я никак не мог догадаться, как её решить. Я сидел целый час, пялил глаза в задачник и изо всех сил напрягал мозг, но ничего у меня не выходило. Вдобавок мне страшно захотелось спать. В глазах у меня щипало, будто мне кто-нибудь в них песку насыпал.

– Довольно тебе сидеть, – сказала мама, – пора спать ложиться. У тебя глаза уже сами собой закрываются, а ты все сидишь!

– Что же я, с несделанной задачей завтра в школу приду? – скачал я.

– Днём надо заниматься, – ответила мама. – Нечего приучаться по ночам сидеть! От таких занятий никакого толку не будет. Ты все равно уже ничего не соображаешь.

– Вот и пусть сидит, – сказал папа. – Будет знать в другой раз, как уроки на ночь откладывать.

И вот я сидел и перечитывал задачу до тех пор, пока буквы в задачнике не стали кивать, и кланяться, и прятаться друг за дружку, словно играли в жмурки. Я протёр глаза, снова стал перечитывать задачу, но буквы не успокоились, а даже почему то стали подпрыгивать, будто затеяли игру в чехарду.

– Ну, что там у тебя не получается? – спросила мама.

– Да вот, – говорю, – задача попалась какая-то скверная.

– Скверных задач не бывает. Это ученики бывают скверные.

Мама прочитала задачу и принялась объяснять, но я почему то ничего не мог понять.

– Неужели вам в школе не объясняли, как делать такие задачи? – спросил папа.

– Нет, – говорю, – не объясняли.

– Удивительно! Когда я учился, нам учительница всегда объясняла сначала в классе, а потом задавала на дом.

– Так то, – говорю, – когда ты учился, а нам Ольга Николаевна ничего не объясняет. Все только спрашивает и спрашивает.

– Не понимаю, как это вас учат!

– Вот так, – говорю, – и учат.

– А что вам рассказывала Ольга Николаевна в классе?

– Ничего не рассказывала. Мы решали на доске задачу.

– Ну-ка, покажи, какую задачу.

Я показал задачу, которую списал в тетрадь.

– Ну вот, а ты тут ещё на учительницу наговариваешь! – воскликнул папа. – Это ведь такая же задача, как на дом задана! Значит, учительница объясняла, как решать такие задачи.

– Где же, – говорю, – такая? Там про плотников, которые строили дом, а здесь про каких-то жестянщиков, которые делали ведра.

– Эх, ты! – говорит папа. – В той задаче нужно было узнать, во сколько дней двадцать пять плотников построят восемь домов, а в этой нужно узнать, во сколько шесть жестянщиков сделают тридцать шесть вёдер. Обе задачи решаются одинаково.

Папа принялся объяснять, как нужно сделать задачу, но у меня уже все в голове спуталось, и я совсем ничего не понимал.

– Экий ты бестолковый! – рассердился наконец папа. – Ну разве можно таким бестолковым быть!

Мой папа совсем не умеет объяснять задачи. Мама говорит, что у него нет никаких педагогических способностей, то есть он не годится в учителя. Первые полчаса он объясняет спокойно, а потом начинает нервничать, а как только он начинает нервничать, я

совсем перестаю соображать и сижу на стуле, как деревянный чурбан.

– Но что же тут непонятного? – говорит папа. – Кажется, все понятно.

Когда папа видит, что на словах никак не может объяснить, он берет лист бумаги и начинает писать.

– Вот, – сказал он. – Ведь это все просто. Смотри, какой будет первый вопрос.

Он записал вопрос на бумажке и сделал решение.

– Это понятно тебе?

По правде сказать, мне совсем ничего не было понятно, но я до смерти уже хотел спать и поэтому сказал:

– Понятно.

– Ну вот, наконец-то! – обрадовался папа – Думать надо как следует, тогда всё будет попятно. Он решил на бумажке второй вопрос:

– Понятно?

– Понятно, – говорю я.

– Ты скажи, если непонятно, я ещё объясню.

– Нет, понятно, понятно.

Наконец он сделал последний вопрос. Я списал задачу начисто в тетрадку и спрятал в сумку.

– Кончил дело – гуляй смело, – сказала Лика.

– Ладно, я с тобой завтра поговорю! – проворчал я и пошёл спать.

Глава третья

За лето нашу школу отремонтировали. Стены в классах заново побелили, и были они такие чистенькие, свежие, без единого пятнышка, просто любо посмотреть. Всё было как новенькое. Приятно всё-таки заниматься в таком классе! И светлей кажется, и привольней, и даже, как бы это сказать, на душе веселей.

И вот на следующий день, когда я пришёл в класс, то увидел, что на стене рядом с доской нарисован углём

морячок. Он был в полосатой тельняшке, брюки клёш развевались по ветру, на голове – бескозырка, во рту – трубка, и дым из неё кольцами поднимался кверху, как из паровой трубы. У морячка был такой залихватский вид, что на него нельзя было без смеха смотреть.

– Это Игорь Грачев нарисовал, – сообщил мне Вася Ерохин. – Только, чур, не выдавать!

– Зачем же мне выдавать? – говорю я. Ребята сидели за партами, любовались морячком, посмеивались и отпускали разные шуточки:

– Морячок с нами будет учиться! Вот здорово! Перед самым звонком прибежал в класс Шишкин.

– Видел морячка? – говорю я и показываю на стену. Он взглянул на него.

– Это Игорь Грачев нарисовал, – сказал я. – Только не выдавать.

– Ну ладно, сам знаю! Ты по русскому упражнение сделал?

– Конечно, сделал, – ответил я. – Что же я, с несделанными уроками буду в класс приходить?

– А я, понимаешь, не сделал. Не успел, понимаешь. Дай списать.

– Когда же ты будешь списывать? – говорю я. – Скоро урок начнётся.

– Ничего. Я во время урока спишу. Я дал ему тетрадку по русскому языку, и он начал списывать.

– Послушай, – говорит. – А зачем ты в слове «светлячок» приставку одной чертой подчеркнул? Корень одной чертой надо подчёркивать.

– Много ты понимаешь! – говорю я. – Это и есть корень!

– Что ты! «Свет» – корень? Разве корень бывает впереди слова? Где тогда, по-твоему, приставка?

– А приставки нет в этом слове.

– Разве так бывает, чтобы приставки не было?

– Конечно, бывает.

– То-то я ломал вчера голову: приставка есть, корень

есть, а окончания не получается.

— Эх, ты! — говорю я. — Мы ведь это ещё в третьем классе проходили.

— Да я уж не помню. Значит, у тебя тут все правильно? Я так и спишу.

Я хотел рассказать ему, что такое корень, приставка и окончание, но тут прозвонил звонок и в класс вошла Ольга Николаевна. Она сразу увидела на стене морячка, и лицо у неё сделалось строгое.

— Это что ещё за художества? — спросила она и обвела весь класс взглядом. — Кто это нарисовал на стене? Все ребята молчали.

— Тот, кто испортил стену, должен встать и признаться, — сказала Ольга Николаевна.

Все сидели молча. Никто не вставал и не признавался.

Брови у Ольги Николаевны нахмурились.

— Разве вы не знаете, что класс надо в чистоте держать? Что будет, если каждый станет рисовать на стенах? Самим ведь неприятно в грязи сидеть. Или, может быть, вам приятно?

— Нет, нет! — раздалось несколько нерешительных голосов.

— Кто же это сделал? Все молчали.

— Глеб Скамейкин, ты староста класса и должен знать, кто это сделал.

— Я не знаю, Ольга Николаевна. Когда я пришёл, морячок уже был на стене.

– Удивительно! – сказала Ольга Николаевна. – Кто-нибудь да нарисовал же его. Вчера стена была чистая, я последней уходила из класса. Кто сегодня пришёл в класс первым?

Никто из ребят не признавался. Каждый говорил, что он пришёл, когда в классе было уже много ребят.

Пока шёл разговор об этом, Шишкин старательно списывал упражнение в свою тетрадь. Кончил он тем, что посадил в моей тетради кляксу и отдал тетрадь мне.

– Что же это такое? – говорю я. – Брал тетрадь без кляксы, а отдаёшь с кляксой!

– Я ведь не нарочно посадил кляксу.

– Какое мне дело, нарочно или не нарочно! Зачем мне в тетради клякса?

– Как же я отдам тебе тетрадь без кляксы, когда уже есть клякса? В другой раз будет без кляксы. – В какой, – говорю, – другой раз?

– Ну, в другой раз, когда буду списывать.

– Так ты что, – говорю, – каждый раз у меня собираешься списывать?

– Зачем каждый раз? Иногда только.

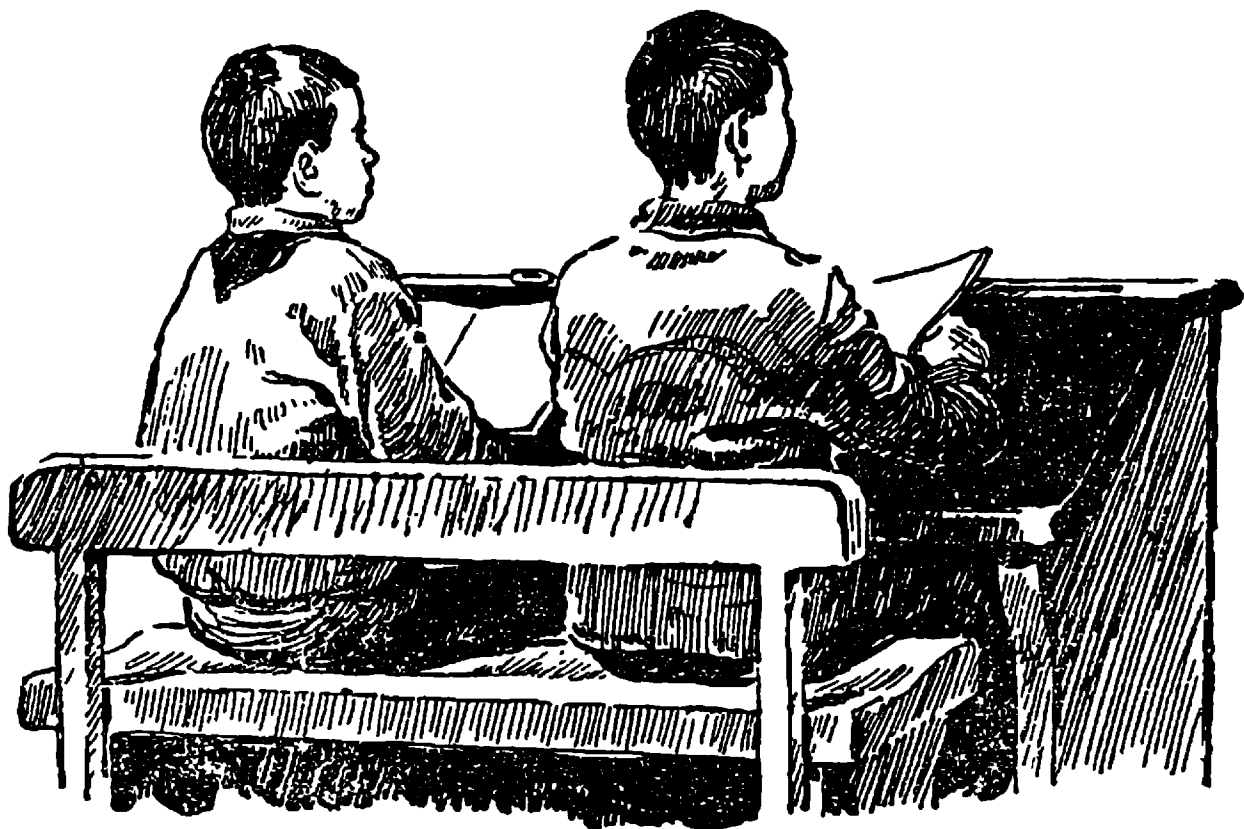
На этом разговор кончился, потому что как раз в это время Ольга Николаевна вызвала Шишкина к доске и велела решать задачу про маляров, которые красили в школе стены, и нужно было узнать, сколько школа израсходовала денег на окраску всех классов и коридоров.

«Ну, – думаю, – пропал бедный Шишкин! На доске задачу решать – это тебе не с чужой тетрадки списывать!»

К моему удивлению, Шишкин очень хорошо справился с задачей. Правда, решал он её долго, до конца урока, потому что задача была длинная и довольно трудная.

Мы все, конечно, догадались, что Ольга Николаевна нарочно задала нам такую задачу, и чувствовали, что на этом дело не кончится. На последнем уроке к нам в класс пришёл директор школы Игорь Александрович. С виду

Игорь Александрович совсем не сердитый. Лицо у него всегда спокойное, голос тихий и даже какой-то добрый, но я лично всегда побаиваюсь Игоря Александровича, потому что он очень большой. Ростом он с моего папу, только ещё повыше, пиджак у него широкий, просторный, застёгивается на три пуговицы, а на носу очки.

Я думал, что Игорь Александрович раскричится па нас, но он спокойно рассказал нам, сколько государство тратит денег на обучение каждого ученика и как важно хорошо учиться и беречь школьное имущество и самоё школу. Он сказал, что тот, кто портит школьное имущество и стены, наносит ущерб народу, потому что все средства на школы даёт народ. Под конец Игорь Александрович сказал:

— Тот, кто нарисовал на стенке, наверно, не хотел нанести ущерб школе. Если он чистосердечно признается, то докажет, что он человек честный и сделал это не подумавши.

На меня очень подействовало все, что сказал Игорь Александрович, и я думал, что Игорь Грачев тут же встанет и признается, что это сделал он, но Игорю, видно, вовсе не хотелось доказывать, что он честный человек, и он молча сидел за своей партой. Тогда Игорь Александрович сказал, что тому, кто разрисовал стену, наверно, стыдно признаться сейчас, но пусть он подумает над своим поступком, а потом наберётся смелости и придёт к нему в кабинет.

После уроков председатель совета нашего пионеротряда Толя Дёжкин подошёл к Грачеву и сказал:

– Эх, ты! Кто тебя просил стену портить? Видишь, что вышло!

Игорь развёл руками:

– Да я что? Я разве хотел?

– Зачем же нарисовал?

– Сам не знаю. Взял и нарисовал не подумавши.

– «Не подумавши»! Из-за тебя пятно на всём классе.

– Почему на всём классе?

– Потому что на каждого могут подумать.

– А может, это кто-нибудь из другого класса к нам забежал и нарисовал.

– Смотри, чтоб этого больше не было, – сказал Толя.

– Ладно, ребята, я больше не буду, я ведь так только – хотел попробовать, – оправдывался Игорь.

Он взял тряпку и принялся стирать морячка со стены, но от этого получилось только хуже. Морячок всё-таки был виден, а вокруг него образовалось большущее грязное пятно. Тогда ребята отняли у Игоря тряпку и не позволили больше размазывать грязь по стене.

После школы мы снова пошли играть в футбол и играли опять до темноты, а когда пошли домой, Шишкин затащил меня к себе. Оказалось, что он живёт на той же улице, что и я, в небольшом деревянном двухэтажном

домишке, совсем недалеко от нас. На нашей улице все дома большие, четырехэтажные и пятиэтажные, как наш. Я давно уже думал: что это за люди, которые живут в таком маленьком деревянном доме? А вот теперь, оказывается, здесь жил как раз Шишкин.

Мне не хотелось идти к нему, потому что уже было поздно, но он сказал:

— Понимаешь, меня дома станут ругать за то, что я так долго играл, а если ты придёшь, меня не так будут ругать.

— Меня ведь тоже будут ругать, — говорю я.

— Ничего. Если хочешь, зайдём сначала ко мне, а потом вместе зайдём к тебе, вот и тебя не будут ругать и меня тоже.

— Ну хорошо, — согласился я.

Мы вошли в парадное, поднялись по скрипучей деревянной лестнице со щербатыми перилами, и Шишкин постучал в дверь, обитую чёрной клеёнкой, из-под которой в некоторых местах виднелись клочья рыжего войлока.

— Что же это такое, Костя! Где ты пропадаешь так поздно? — спросила его мать, открывая нам дверь.

— Вот познакомься, мама, это мой школьный товарищ, Малеев. Мы с ним за одной партой сидим.

— Ну заходите, заходите, — сказала мать уже не таким строгим голосом.

Мы вошли в коридор.

— Батюшки! Где же вы извозились так? Вы только на себя посмотрите!

Я посмотрел на Шишкина. Лицо у него было все красное. По щекам и по лбу шли какие-то грязные разводы. Кончик носа был чёрный. Наверно, и я был не лучше, потому что мне попало мячом в лицо. Шишкин толкнул меня локтем:

— Пойдём умоемся, а то тебе достанется, если ты в

таком виде домой явишься.

Мы вошли в комнату, и он познакомил меня со своей тётёй:

– Тётя Зина, вот это мой школьный товарищ, Малеев. Мы в одном классе учимся.

Тётя Зина была совсем молодая, и я сначала даже принял её за старшую сестру Шишкина, но она оказалась не сестра вовсе, а тётя. Она смотрела на меня с усмешкой. Наверно, я очень смешной был, потому что грязный. Шишкин толкнул меня в бок. Мы пошли к умывальнику и принялись умываться.

– Ты зверей любишь? – спрашивал меня Шишкин, пока я намыливал лицо мылом.

– Смотря каких, – говорю я. – Если таких, как тигры или крокодилы, то не люблю. Они кусаются.

– Да я не про таких зверей спрашиваю. Мышей любишь?

– Мышей, – говорю, – тоже не люблю. Они портят вещи: грызут все, что ни попадётся.

– И ничего они не грызут. Что ты выдумываешь?

– Как – не грызут? Один раз они у меня даже книжку на полке изгрызли.

– Так ты, наверно, не кормил их?

– Вот ещё! Стану я мышей кормить!

– А как же! Я каждый день их кормлю. Даже дом им выстроил.

– С ума, – говорю, – сошёл! Кто же мышам дома строит?

– Надо же им где-нибудь жить. Вот пойдём посмотрим мышиный дом.

Мы кончили умываться и пошли на кухню. Там под столом стоял домик, склеенный из пустых спичечных коробков, со множеством окон и дверей. Какие то маленькие белые зверушки то и дело вылезали из окон и

дверей, ловко карабкались по стенам и снова залезали обратно в домик. На крыше домика была труба, а из трубы выглядывала точно такая же белая зверушка.

Я удивился.

— Что это за зверушки? — спрашиваю.

— Ну, мыши.

— Так мыши ведь серые, а эти какие-то белые.

— Ну, это и есть белые мыши. Что ты, никогда белых мышей не видел?

Шишкин поймал мышонка и дал мне подержать. Мышонок был белый пребелый, как молоко, только хвост у него был длинный и розовый, как будто облезлый. Он спокойно сидел у меня на ладони и шевелил своим розовым носиком, как будто нюхал, чем пахнет воздух, а глаза у него были красные, точно коралловые бусинки.

— У нас в доме белые мыши не водятся, у нас только серые, — сказал я.

— Да они ведь в домах не водятся, — засмеялся Шишкин. — Их покупать надо. Я купил в зоомагазине четыре штуки, а теперь видишь, сколько их расплодилось. Хочешь, подарю тебе парочку?

— А чем их кормить?

— Да они всё едят. Крупой можно, хлебом, молоком.

— Ну ладно, — согласился я.

Шишкин разыскал где-то картонную коробочку, посадил в неё двух мышей и сунул коробку в карман.

— Я их сам понесу, а то ты, по неопытности, раздавишь, — сказал он.

Мы стали натягивать куртки, чтоб идти ко мне.

— Куда это ты снова собираешься? — спросила Костю мама.

— Я сейчас вернусь, только на минутку зайду к Вите, я обещал ему.

Мы вышли на улицу и через минуту уже были у меня.

Мама увидела, что я не один пришёл, и не стала бранить меня за то, что я поздно вернулся.

— Это мой школьный товарищ, Костя, — сказал я ей.

— Ты новичок, Костя? — спросила мама.

— Да, я только в этом году поступил.

— А до этого где учился?

— В Нальчике. Мы жили там, а потом тётя Зина окончила десятилетку и захотела поступить в театральное училище, тогда мы переехали сюда, потому что в Нальчике театрального училища нет.

— А где тебе больше нравится: здесь или в Нальчике?

— В Нальчике лучше, а здесь тоже хорошо. И ещё мы жили в Краснозаводске, там тоже было хорошо.

— Значит, у тебя хороший характер, раз тебе везде хорошо.

— Нет, у меня плохой характер. Мама говорит, что я слабохарактерный и ничего не добьюсь в жизни.

— Почему же мама так говорит?

— Потому что я никогда вовремя уроков не делаю.

— Значит, ты такой, как наш Витя. Он тоже не любит делать вовремя уроки. Вам надо взяться вместе и переделать свой характер.

В это время пришла Лика, и я сказал:

— А это вот, познакомься, моя сестра Лика.

— Здравствуйте! — сказал Шишкин.

— Здравствуйте! — ответила Лика и стала разглядывать его, будто он был не простой мальчишка, а какая-нибудь картина на выставке.

— А у меня сестры нет, — сказал Шишкин. — И брата у меня нет. Никого у меня нет, я совсем одинокий.

— А вы хотели бы, чтоб у вас была сестра или брат? — спросила Лика.

— Хотел бы. Я делал бы для них игрушки, дарил бы им зверей, заботился бы о них. Мама говорит, что я

беззаботный. А почему я беззаботный? Потому что мне не о ком заботиться.

— А вы о маме заботьтесь.

— Как же о ней заботиться? Она как уедет на работу, так её ждёшь, ждёшь — вечером придёт, а потом вдруг и вечером уедет.

— А кем ваша мама работает?

— Моя мама шофёр, на автомобиле ездит.

— Ну, вы о себе заботьтесь, вашей маме было бы легче.

— Это я знаю, — ответил Шишкин.

— А вы свою куртку нашли? — спросила Лика.

— Какую куртку? Ах, да! Нашёл, конечно, нашёл. Она так и лежала на футбольном поле, где я оставил.

— Вы так когда-нибудь простудитесь, — сказала Лика.

— Нет, что вы!

— Конечно, простудитесь. Забудете зимой где-нибудь шапку или пальто.

— Нет, пальто я не забуду... Вы мышей любите?

— Мышей... м м м, — замялась Лика.

— Хотите, подарю вам парочку?

— Нет, что вы!

— Они очень хорошие, — сказал Шишкин и вынул из кармана коробку с белыми мышами.

— Ой, какие хорошенькие! — завизжала Лика.

— Что ж ты ей моих мышей даришь? — испугался я. — Сначала подарил мне, а теперь ей!

— Да я ей только показываю этих, а подарю других, у меня ведь ещё есть, — сказал Шишкин. — Или, если хочешь, подарю ей этих, а тебе других подарю.

— Нет, нет, — сказала Лика, — пусть эти Витины будут.

— Ну хорошо, я вам завтра других принесу, а этих вы только посмотрите.

Лика протянула руки к мышам:

— А они не кусаются?

— Что вы! Совсем ручные.

Когда Шишкин ушёл, мы с Ликой взяли коробку из под печенья, прорезали в ней окна и дверцы и посадили в неё мышей. Мышки выглядывали из окон, и на них было очень интересно смотреть. За уроки я опять принялся поздно. По своему обыкновению, я сделал сначала то, что было полегче, а после всего принялся делать задачу по арифметике. Задача опять оказалась трудная. Поэтому я закрыл задачник, сложил все книжки в сумку и решил на другой день списать задачу у кого-нибудь из товарищей. Если бы я стал решать задачу сам, то мама увидела бы, что я до сих пор не сделал уроки, и стала бы упрекать меня, что я откладываю уроки на ночь, папа взялся бы объяснять мне задачу, а зачем мне отрывать его от работы!

Пусть лучше чертит чертежи для своего шлифовального прибора или обдумывает, как лучше сделать какую-нибудь модель. Для него ведь все это очень важно.

Пока я делал уроки, Лика положила в мышиный домик ваты, чтобы мышки могли устроить себе гнёздышко, насыпала им крупы, накрошила хлеба и поставила маленькое блюдечко с молоком. Если заглянуть в окошечко, можно видеть, как мышки сидят в домике и жуют крупу. Иногда какая-нибудь мышка садилась па задние лапки, а передними начинала умываться. Вот умора! Она так быстро тёрла лапками свою рожицу, что

нельзя было без смеха смотреть. Лика всё время сидела перед домиком, заглядывала в окно и смеялась.

– Какой у тебя хороший товарищ, Витя! – сказала она, когда я подошёл посмотреть.

– Это Костя то? – говорю я.

– Ну да.

– Чем же он такой хороший?

– Вежливый. Так хорошо разговаривает. Даже со мной поговорил.

– Отчего же ему не поговорить с тобой?

– Ну, я ведь девчонка.

– Что ж, если девчонка, так и разговаривать с ней нельзя?

– А другие ребята не разговаривают. Гордятся, наверно. Ты с ним дружи.

Я хотел ей сказать, что Шишкин не такой уж хороший, что он уроки списывает и мне в тетради даже посадил кляксу, но я почему то сказал:

– Будто я сам не знаю, что он хороший! У нас в классе все ребята хорошие.

Глава четвертая

Прошло дня три, или четыре, или, может быть, пять, сейчас уже не помню точно, и вот один раз на уроке наш редактор Серёжа Букатин сказал:

– Ольга Николаевна, у нас в редколлегии никто не умеет хорошо рисовать. В прошлом году всегда рисовал Федя Рыбкин, а теперь совсем некому, и стенгазета получается неинтересная. Надо нам выбрать художника.

– Художником надо выбирать того, кто умеет хорошо рисовать, – сказала Ольга Николаевна. – Давайте сделаем так: пусть каждый принесёт завтра свои рисунки. Вот мы и выберем, кто лучше рисует.

– А у кого нет рисунков? – спросили ребята.

– Ну, нарисуйте сегодня, приготовьте хоть по рисунку. Это ведь нетрудно.

– Конечно, – согласились мы все.

На другой день все принесли рисунки. Кто принёс старые, кто нарисовал новые; у некоторых были целые пачки рисунков, а Грачев принёс целый альбом. Я тоже принёс несколько картинок. И вот мы разложили все свои рисунки на партах, а Ольга Николаевна подходила ко всем и рассматривала рисунки. Наконец она подошла к Игорю Грачеву и стала смотреть его альбом. У него там были нарисованы всё моря, корабли, пароходы, подводные лодки, дредноуты.

– Игорь Грачев лучше всех рисует, – сказала она. – Вот ты и будешь художником.

Игорь улыбался от радости. Ольга Николаевна перевернула страничку и увидела, что там у него нарисован моряк в тельняшке, с трубкой во рту, точь в точь такой же, как на стене был. Ольга Николаевна нахмурилась и пристально поглядела на Игоря. Игорь заволновался, покраснел и тут же сказал:

– Это я нарисовал морячка на стенке.

– Ну вот, а когда спрашивали, так ты не признавался! Нехорошо, Игорь, нечестно! Зачем ты это сделал?

– Сам не знаю, Ольга Николаевна! Как то так, нечаянно. Я не подумал.

– Ну хорошо, что хоть теперь признался. После уроков пойдёшь к директору и попроси прощения.

После уроков Игорь пошёл к директору и стал просить у него прощения. Игорь Александрович сказал:

– Государство уже израсходовало на ремонт школы много денег. Второй раз ремонтировать некому. Иди домой, пообедаешь и придёшь.

После обеда Игорь пришёл в школу, ему дали ведро с краской и кисточку, и он побелил стену так, что морячка не стало видно.

Мы думали, что Ольга Николаевна теперь уже не разрешит ему быть художником, но Ольга Николаевна сказала:

– Лучше быть художником в стенгазете, чем портить

стены.

Тогда мы выбрали его в редколлегию художником, и все были рады, и я был рад, только мне то, если сказать по правде, радоваться не следовало, и я расскажу почему.

По шишкинскому примеру, я совсем перестал дома делать задачи и все норовил списывать их у ребят. Вот точно, как в пословице говорится: «С кем поведёшься, от того и наберёшься».

«Зачем мне ломать голову над этими задачами? – думал я. – Все равно я их не понимаю. Лучше я спишу, и дело с концом. И быстрее, и дома никто не сердится, что я не справляюсь с задачами».

Мне всегда удавалось списать задачу у кого-нибудь из ребят, но наш председатель совета отряда, Толя Дёжкин, упрекал меня.

– Ты ведь никогда не научишься делать задачи, если всё время будешь списывать у других! – говорил он.

– А мне и не нужно, – отвечал я. – Я к арифметике неспособный. Авось как-нибудь и без арифметики проживу.

Конечно, списать домашнее задание было легко, а вот когда вызовут в классе, то тут только одна надежда па подсказку. Ещё спасибо, что хоть ребята подсказывали. Только Глеб Скамейкин с тех пор, как сказал, что будет бороться с подсказкой, все думал и думал и наконец придумал такую вещь: подговорил ребят, которые выпускали стенгазету, нарисовать па меня карикатуру. И вот в один прекрасный день в стенгазете на меня появилась карикатура с длинными ушами, то есть был нарисован я возле доски, вроде я решаю задачу, а уши у меня длинные предлинные. Это, значит, для того, чтобы лучше слышать, что мне подсказывают. И ещё какие-то стишки противные под этой карикатурой были подписаны:

Витя наш подсказку любит,
Витя в дружбе с ней живёт,
Но подсказка Витю губит
И до двойки доведёт.

Или что-то вроде этого, не помню точно. В общем, чепуха на постном масле. Я, конечно, страшно рассердился и сразу догадался, что это Игорь Грачев нарисовал, потому что пока его в стенгазете не было, то и никаких карикатур не было. Я подошёл к нему и говорю:

— Сними сейчас же эту карикатуру, а то худо будет! Он говорит:

— Я не имею права снимать. Я ведь только художник. Мне сказали, я и нарисовал, а снимать не моё дело.

— Чьё же это дело?

— Это дело редактора. Он у нас всем распоряжается. Тогда я говорю Серёже Букатину:

— А, значит, это твоя работа? На себя небось не поместил карикатуры, а на меня поместил!

— Что же ты думаешь, я сам помещаю, на кого хочу? У нас редколлегия. Мы всё вместе решаем. Глеб Скамейкин написал на тебя стихи и сказал, чтоб карикатуру

нарисовали, потому что надо с подсказкой бороться. Мы на совете отряда решили, чтобы подсказки не было.

Тогда я бросился к Глебу Скамейкину.

— Снимай, — говорю, — сейчас же, а то из тебя получится бараний рог!

— Как это — бараний рог? — не понял он.

— В бараний рог тебя согну и в порошок изотру!

— Подумаешь! — говорит Глебка. — Не очень-то тебя испугались!

— Ну, тогда я сам из газеты карикатуру вырву, если не испугались.

— Вырывать не имеешь права, — говорит Толя Дёжкин, — Ведь это правда. Если б на тебя написали неправду, то и тогда не имеешь права вырывать, а должен написать опровержение.

— А, — говорю, — опровержение? Сейчас вам будет опровержение!

Все ребята подходили к стенгазете, любовались на карикатуру и смеялись. Но я решил не оставлять этого дела так и сел писать опровержение. Только у меня ничего не вышло, потому что я не знал, как его написать. Тогда я пошёл к нашему пионервожатому Володе, рассказал ему обо всём и стал спрашивать, как написать опровержение.

— Хорошо, я тебя научу, — сказал Володя. — Напиши, что ты исправишься и станешь учиться лучше, так что не нужна будет подсказка. Твою заметку поместят в стенгазете, а я скажу, чтобы карикатуру сняли.

Я так и сделал. Написал в газету заметку, в которой давал обещание начать учиться лучше и больше не надеяться на подсказку.

На другой день карикатуру сняли, а мою заметку напечатали на самом видном месте. Я был очень рад и даже на самом деле собирался начать учиться лучше, но все почему-то откладывал, а через несколько дней у нас была письменная работа по арифметике и я получил

двойку. Конечно, не я один получил двойку. У Саши Медведкина тоже была двойка, так что мы вдвоём отличились. Ольга Николаевна записала нам эти двойки в дневники и сказала, чтоб в дневниках была подпись родителей.

Печальный возвращался я в этот день домой и все думал, как избавиться от двойки или как сказать маме, чтоб она не очень сердилась.

– Ты сделай так, как делал наш Митя Круглов, – сказал мне по дороге Шишкин.

– Кто это Митя Круглов?

– А это был у нас такой ученик, когда я учился в Нальчике.

– Как же он делал?

– А он так: придёт домой, получив двойку, и ничего не говорит. Сидит с унылым видом и молчит. Час молчит, два молчит и никуда гулять не идёт. Мать спрашивает:

«Что это с тобой сегодня?»

«Ничего».

«Чего же ты такой скучный сидишь?»

«Так просто».

«Небось натворил в школе чего-нибудь?»

«Ничего я не натворил».

«Подрался с кем-нибудь?»

«Нет».

«Стекло в школе расшиб?»

«Нет».

«Странно!» – говорит мать.

За обедом сидит и ничего не ест.

«Почему ты ничего не ешь?»

«Не хочется».

«Аппетита нет?»

«Нет».

«Ну пойди погуляй, аппетит и появится».

«Не хочется».

«Чего же тебе хочется?»

«Ничего».

«Может быть, ты больной»

«Нет».

Мать потрогает ему лоб, поставит градусник. Потом говорит:

«Температура нормальная. Что же с тобой, наконец? С ума ты меня сведёшь!»

«Я двойку по арифметике получил».

«Тьфу! – говорит мать. – Так ты из-за двойки всю эту комедию выдумал?»

«Ну да».

«Ты бы лучше сел да учился, вместо того чтоб комедию играть. Двойки и не было бы», – ответит мать.

И больше ничего ему не скажет. А Круглову только это и надо.

– Ну хорошо, – говорю я. – Один раз он так сделает, а в следующий раз мать ведь сразу догадается, что он получил двойку.

– А в следующий раз он что-нибудь другое придумает. Например, приходит и говорит матери:

«Знаешь, у нас Петров сегодня получил двойку».

Вот мать и начнёт этого Петрова пробирать:

«И такой он и сякой. Родители его стараются, чтоб из него человек вышел, а он не учится, двойки получает...»

И так далее. Как только мать умолкает, он говорит:

«И Иванов у нас сегодня получил двойку».

Вот мать и начнёт отделывать Иванова:

«Такой сякой, не хочет учиться, государство на него даром деньги тратит!...»

А Круглов подождёт, пока мать все выскажет, и снова говорит:

«Гаврилову сегодня тоже двойку поставили».

Вот мать и начнёт отчитывать Гаврилова, только бранит его уже меньше. Круглов, как только увидит, что

мать уже устала браниться, возьмёт и скажет:

«У нас сегодня просто день такой несчастливый. Мне тоже двойку поставили».

Ну, мать ему только и скажет:

«Болван!»

И на этом конец.

– Видать, этот Круглов у вас был очень умный, – сказал я.

– Да, – говорит Шишкин, – очень умный. Он часто получал двойки и каждый раз выдумывал разные истории, чтоб мать не бранила слишком строго.

Я вернулся домой и решил сделать так, как этот Митя Круглов: сел сразу на стул, свесил голову и скорчил унылую преунылую физиономию. Мама это сразу заметила и спрашивает:

– Что с тобой? Двойку небось получил?

– Получил, – говорю.

Вот тут-то она и начала меня пробирать.

Но об этом рассказывать неинтересно.

На следующий день Шишкин тоже получил двойку, по русскому языку, и была ему за это дома головомойка, а ещё через день на нас обоих опять появилась в газете карикатура. Вроде как будто мы с Шишкиным идём по улице, а за нами следом бегут двойки на ножках.

Я сразу разозлился и говорю Серёже Букатину:

– Что это за безобразие! Когда это наконец прекратится?

– Чего ты кипятишься? – спрашивает Серёжа. – Это ведь правда, что вы получили двойки.

– Будто мы одни получили! Саша Медведкин тоже получил двойку. А где он у вас?

– Этого я не знаю. Мы скачали Игорю, чтоб он всех троих нарисовал, а он нарисовал почему то двоих.

– Я и хотел нарисовать троих, – сказал Игорь, – да все трое у меня не поместились. Вот я и нарисовал только

двоих. В следующий раз третьего нарисую.

– Все равно, – говорю я, – Я этого дела так не оставлю. Я напишу опровержение! Говорю Шишкину:

– Давай опровержение писать.

– А как это?

– Очень просто: нужно написать в стенгазету обещание, что мы будем учиться лучше. Меня так в прошлый раз научил Володя.

– Ну ладно, – согласился Шишкин. – Ты пиши, а я потом у тебя спишу.

Я сел и написал обещание учиться лучше и никогда больше не получать двоек. Шишкин целиком списал у меня это обещание и ещё от себя прибавил, что будет учиться не ниже чем на четвёрку.

– Это, – говорит, – чтоб внушительней было.

Мы отдали обе заметки Серёже Букатину, и я сказал:

– Вот, можешь снимать карикатуру, а заметки наши наклейте на самом видном месте. Он сказал:

– Хорошо.

На другой день, когда мы пришли в школу, то увидели, что карикатура висит на месте, а наших обещаний нет. Я тут же бросился к Серёже. Он говорит:

– Мы твоё обещание обсудили на редколлегии и решили пока не помещать в газете, потому что ты уже раз писал и давал обещание учиться лучше, а сам не учишься, даже получил двойку.

– Все равно, – говорю я. – Не хотите помещать заметку – не надо, а карикатуру вы обязаны снять.

– Ничего, – говорит, – мы не обязаны. Если ты воображаешь, что можно каждый раз давать обещания и не выполнять их, то ты ошибаешься.

Тут Шишкин не вытерпел:

– Я ведь ещё ни разу не давал обещания. Почему вы мою заметку не поместили?

– Твою заметку мы поместим в следующем номере.

— А пока выйдет следующий номер, я так и буду висеть?

— Будешь висеть.

— Ладно, — говорит Шишкин.

Но я решил не успокаиваться на достигнутом. На следующей перемене я пошёл к Володе и рассказал ему обо всём.

Он сказал:

— Я поговорю с ребятами, чтоб они поскорее выпустили новую стенгазету и поместили обе ваши статьи. Скоро у нас будет собрание об успеваемости, и ваши статьи как раз ко времени выйдут.

— Будто нельзя сейчас карикатуру вырвать, а на её место наклеить заметки? — спрашиваю я.

— Это не полагается, — ответил Володя.

— Почему же в прошлый раз так сделали?

— Ну, в прошлый раз думали, что ты исправишься, и сделали в виде исключения. Но нельзя же каждый раз портить стенную газету. Ведь все газеты у нас сохраняются. По ним потом можно будет узнать, как работал класс, как учились ученики. Может быть, кто-нибудь из учеников, когда вырастет, станет известным мастером, знаменитым новатором, лётчиком или учёным. Можно будет просмотреть стенгазеты и узнать, как он учился.

«Вот так штука! — подумал я. — А вдруг, когда я вырасту и сделаюсь знаменитым путешественником или лётчиком (я уже давно решил стать знаменитым лётчиком или путешественником, вдруг тогда кто-нибудь увидит эту старую газету и скажет: „Братцы, да ведь он в школе получал двойки!“).

От этой мысли настроение у меня испортилось на целый час, и я не стал больше спорить с Володиёй. Только потом я понемногу успокоился и решил, что, может быть, пока вырасту, газета куда-нибудь затеряется на моё счастье, и это спасёт меня от позора.

Глава пятая

Карикатура наша провисела в газете целую неделю, и только за день до общего собрания вышла новая стенгазета, в которой уже карикатуры не было и появились обе наши заметки: моя и шишкинская. Были там, конечно, и другие заметки, только я сейчас уже не помню про что.

Володя сказал, чтоб мы все подготовились к общему собранию и обсудили вопрос об успеваемости каждого ученика. На большой перемене наш звеньевой Юра Касаткин собрал нас, и мы стали говорить о нашей успеваемости. Говорить тут долго было не о чём. Все сказали, чтоб мы с Шишкиным свои двойки исправили в самое короткое время.

Ну, мы, конечно, согласились. Что ж, разве нам самим интересно с двойками ходить?

На другой день у нас было общее собрание класса.

Ольга Николаевна сделала сообщение об успеваемости. Она рассказала, кто как учится в классе, кому на что надо обратить внимание. Тут не только двоечникам досталось, но даже и троечникам, потому что тот, кто учится на тройку, легко может скатиться к двойке.

Потом Ольга Николаевна сказала, что дисциплина у нас ещё плохая – в классе бывает шумно, ребята подсказывают друг другу.

Мы стали высказываться. То есть это только я так говорю – «мы», на самом деле я не высказывался, потому что мне с двойкой нечего было лезть вперёд, а надо было сидеть в тени.

Первым выступил Глеб Скамейкин. Он сказал, что во всём виновата подсказка. Это у него вроде болезнь такая – «подсказка». Он сказал, что если б никто не подсказывал, то и дисциплина была бы лучше, и никто не надеялся бы

на подсказку, а сам бы взялся за ум и учился бы лучше.

– Теперь я нарочно буду подсказывать неправильно, чтоб никто не надеялся на подсказку, – сказал Глеб Скамейкин.

– Это не по-товарищески, – сказал Вася Ерохин.

– А вообще подсказывать по-товарищески?

– Тоже не по-товарищески. Товарищу надо помочь, если он не понимает, а от подсказки вред.

– Так уж сколько говорилось об этом! Все равно подсказывают!

– Ну, надо выводить на чистую воду тех, кто подсказывает.

– Как же их выводить?

– Надо про них в стенгазету писать.

– Правильно! – сказал Глеб. – Мы начнём кампанию в стенгазете против подсказки.

Наш звеньевой Юра Касаткин сказал, что все наше звено решило учиться совсем без двоек, а ребята из первого и второго звена сказали, что обещают учиться только на пятёрки и четвёрки.

Ольга Николаевна стала объяснять нам, что, для того чтобы успешно учиться, надо правильно распределять свой день. Надо пораньше ложиться спать и пораньше вставать. Утром делать зарядку, почаще бывать на свежем воздухе. Уроки нужно делать не сейчас же после школы, а сначала часа полтора-два отдохнуть. (Вот как раз то, что я говорил Лике.) Уроки обязательно делать днём. Поздно вечером заниматься вредно, так как мозг к этому времени уже устаёт и занятия не будут успешными. Сначала надо делать уроки, которые потрудней, а потом те, что полегче.

Слава Ведерников сказал:

– Ольга Николаевна, я понимаю, что после школы нужно отдохнуть часа два, а вот как отдыхать? Я не умею так просто сидеть и отдыхать. От такого отдыха на меня

нападает тоска.

— Отдыхать — это вовсе не значит, что надо сидеть сложа руки. Можно, например, пойти погулять, поиграть, чем-нибудь заняться.

— А в футбол можно играть? — спросил я.

— Очень хороший отдых — игра в футбол, — сказала Ольга Николаевна, — только не надо, конечно, играть весь день. Если поиграешь часок, то очень хорошо отдохнёшь и учиться будешь лучше.

— А вот скоро начнётся дождливая погода, — сказал Шишкин, — футбольное поле от дождя раскиснет. Где мы тогда будем играть?

— Ничего, ребята, — ответил Володя. — Скоро мы оборудуем спортивный зал в школе, можно будет даже зимой играть в баскетбол.

— Баскетбол! — воскликнул Шишкин. — Вот здорово! Чур, я буду капитаном команды! Я уже был раз капитаном баскетбольной команды, честное слово!

— Ты вот сначала подтянись по русскому языку, — сказал Володя.

— А я что? Я ничего... Я подтянусь, — сказал Шишкин. На этом общее собрание закончилось.

— Эх, и оплошали же вы, ребята! — сказал Володя, когда все разошлись и осталось только наше звено.

— А что? — спрашиваем мы.

— Как «что»? Взялись учиться без двоек, а все остальные звенья обещают учиться только на четвёрки и пятёрки.

— А чем мы хуже других? — говорит Лёня Астафьев. — Мы тоже можем на пятёрки и четвёрки.

— Подумаешь! — говорит Ваня Пахомов. — Ничем они не лучше пас.

— Ребята, давайте и мы возьмёмся, — говорит Вася Ерохин. — Вот даю честное слово, что буду учиться не

ниже чем на четвёрку. Мы не хуже других.

Тут и меня подхватило.

— Верно! — говорю. — Я тоже берусь! До сих пор я не брался как следует, а теперь возьмусь, вот увидите. Мне, знаете, стоит только начать.

— Стоит только начать, а потом будешь плакать да кончать, — сказал Шишкин.

— А ты что, не хочешь? — спросил Володя.

— Я не берусь на четвёрки, — сказал Шишкин. — То есть я берусь по всем предметам, а по русскому только на тройку.

— Ты что ещё выдумал! — говорит Юра. — Весь класс берётся, а он не берётся! Подумаешь, какой умник нашёлся!

— Как же я могу браться? У меня по русскому никогда лучшей отметки, чем тройка, не было. Тройка — и то хорошо.

— Послушай, Шишкин, почему ты отказываешься? — сказал Володя. — Ты ведь уже дал обещание учиться по всем предметам не ниже чем на четвёрку.

— Когда я дал обещание?

— А вот, это твоя заметка в стенгазете? — спросил Володя и показал газету, где были напечатаны наши обещания.

— Верно! — говорит Шишкин. — А я и забыл уже.

— Ну, так как же теперь, берёшься?

— Что ж делать, ладно, берусь, — согласился Шишкин.

— Ура! — закричали ребята. — Молодец, Шишкин! Не подвёл нас! Теперь все вместе будем бороться за честь своего класса.

Шишкин всё-таки был недоволен и по дороге домой даже не хотел разговаривать со мной: дулся на меня за то, что я подговорил его написать в газету заметку.

Глава шестая

Не знаю, как Шишкин, а я решил сразу взяться за дело. Самое главное, подумал я, это режим. Спать буду ложиться пораньше, часов в десять, как Ольга Николаевна говорила. Вставать тоже буду пораньше и повторять перед школой уроки. После школы буду играть часа полтора в футбол, а потом на свежую голову буду делать уроки. После уроков буду заниматься чем захочется: или с ребятами играть, или книжки читать, до тех пор пока не придёт время ложиться спать.

Так, значит, я подумал и пошёл играть в футбол, перед тем как делать уроки. Я твёрдо решил играть не больше чем полтора часа, от силы – два, но, как только я попал на футбольное поле, у меня все из головы вылетело, и я очнулся, когда уже совсем наступил вечер. Уроки я опять стал делать поздно, когда голова уже плохо соображала, и дал сам себе обещание, что на следующий день не буду так долго играть. Но на следующий день повторилась та же история. Пока мы играли, я всё время думал: «Вот забьём ещё один гол, и я пойду домой», но почему-то так получалось, что, когда мы забивали гол, я решал, что пойду домой, когда мы ещё один гол забьём. Так и тянулось до самого вечера. Тогда я сказал сам себе: «Стоп! У меня что-то не то получается!» И стал думать, почему же у меня так получается. Вот я думал, думал, и наконец мне стало ясно, что у меня совсем пет воли. То есть у меня воля есть, только она не сильная, а совсем-совсем слабенькая воля. Если мне надо что-нибудь делать, то я никак не могу заставить себя это делать, а если мне не надо чего-нибудь делать, то я никак не могу заставить себя этого не делать. Вот, например, если я начну читать какую-нибудь интересную книжку, то читаю и читаю и никак не могу оторваться. Мне, например, надо делать уроки или пора уже ложиться

спать, а я все читаю. Мама говорит, чтоб я шёл спать, папа говорит, что пора уже спать, а я не слушаюсь, пока нарочно не потушат свет, чтоб мне нельзя уже было больше читать. И вот то же самое с этим футболом. Не хватает у меня силы воли кончить вовремя игру, да и только!

Когда я всё это обдумал, то даже сам удивился. Я воображал, будто я человек с очень сильной волей и твёрдым характером, а оказалось, что я человек безвольный, слабохарактерный, вроде Шишкина. Я решил, что мне надо развивать сильную волю. Что нужно делать для этого? Для этого я буду делать не то, что хочется, а то, чего вовсе не хочется. Не хочется утром делать зарядку – а я буду делать. Хочется идти играть в футбол – а я не пойду. Хочется почитать интересную книжку – а я не стану. Начать решил сразу, с этого же дня. В этот день мама испекла к чаю моё самое любимое пирожное. Мне достался самый вкусный кусок – из серединки. Но я решил, что раз мне хочется съесть это пирожное, то я не буду его есть. Чай я попил просто с хлебом, а пирожное так и осталось.

– Почему же ты не стал есть пирожное? – спросила мама.

– Пирожное будет лежать здесь до послезавтрашнего вечера – ровно два дня, – сказал я. – Послезавтра вечером я его съем.

– Что это ты, зарок дал? – говорит мама.

– Да, – говорю, – зарок. Если не съем раньше назначенного срока это пирожное, значит, у меня сильная воля.

– А если съешь? – спрашивает Лика.

– Ну, если съем, тогда, значит, слабая. Будто сама не понимаешь!

– Мне кажется, ты не выдержишь, – сказала Лика.

– А вот посмотрим.

Наутро я встал – мне очень не хотелось делать зарядку, но я всё-таки сделал, потом пошёл под кран обливаться холодной водой, потому что обливаться мне тоже не хотелось. Потом позавтракал и пошёл в школу, а пирожное так и осталось лежать на тарелочке. Когда я пришёл, оно лежало по-прежнему, только мама накрыла его стеклянной крышкой от сахарницы, чтоб оно не засохло до завтрашнего дня. Я открыл его и посмотрел, но оно ничуть даже ещё не начало сохнуть. Мне очень захотелось тут же его прикончить, но я поборол в себе это желание.

В этот день я решил в футбол не играть, а просто отдохнуть часика полтора и тогда уже взяться за уроки. И вот после обеда я стал отдыхать. Но как отдыхать? Просто так отдыхать ведь не станешь. Отдых – это игра или какое-нибудь интересное занятие. «Чем же заняться? – думаю. – Во что поиграть?» Потом думаю: «Пойду-ка поиграю с ребятами в футбол».

Не успел я это подумать, как ноги сами вынесли меня на улицу, а пирожное так и осталось лежать на тарелке.

Иду я по улице и вдруг думаю: «Стоп! Что же это я делаю? Раз мне хочется играть в футбол, то не нужно.

Разве так воспитывают сильную волю?» Я тут же хотел повернуть назад, но подумал: «Пойду и посмотрю, как ребята играют, а сам играть не буду». Пришёл, смотрю, а там уже игра в самом разгаре. Шишкин увидел меня, кричит:

— Где же ты ходишь? Нам уже десять голов насажали! Скорей выручай!

И тут уж я сам не заметил, как ввязался в игру.

Домой снова вернулся поздно и думаю:

«Эх, безвольный я человек! С утра так хорошо начал, а потом из-за этого футбола все испортил!»

Смотрю — пирожное лежит на тарелке. Я взял его и съел.

«Все равно, — думаю, — у меня никакой силы воли нет».

Лица пришла, смотрит — тарелка пустая.

— Не выдержал? — спрашивает.

— Чего «не выдержал»?

— Съел пирожное?

— А тебе что? Съел, ну и съел. Не твоё ведь я пирожное съел!

— Чего же ты сердишься? Я ничего не говорю. Ты и то слишком долго терпел. У тебя большая сила воли. А вот у меня никакой силы воли нет.

— Почему же это у тебя нет?

— Сама не знаю. Если б ты не съел до завтра это пирожное, то я сама бы, наверно, его съела.

— Значит, ты считаешь, что у меня есть сила воли?

— Конечно, есть.

Я немножко утешился и решил с завтрашнего дня снова приняться за воспитание воли, несмотря на сегодняшнюю неудачу. Не знаю, какой бы получился из этого результат, если бы погода была хорошая, но как раз в этот день с утра зарядил дождь, футбольное поле, как и ожидал Шишкин, раскисло и играть было нельзя. Раз

играть было нельзя, то меня и не тянуло. Удивительно, как человек устроен! Вот бывает: сидишь дома, а ребята в это время в футбол играют; ты, значит, сидишь и думаешь: «Бедный я, бедный, несчастный-разнесчастный! Все ребята играют, а я дома сижу!» А вот если сидишь дома и знаешь, что все остальные ребята тоже сидят по домам и никто не играет, то ничего такого не думаешь.

Так и на этот раз. За окном моросил мелкий осенний дождь, а я сидел себе дома и спокойно занимался. И очень успешно у меня занятия шли, пока я не дошёл до арифметики. Но тут я решил, что не стоит мне самому особенно ломать голову, а лучше просто пойти к кому-нибудь из ребят, чтоб мне помогли арифметику сделать.

Я быстро собрался и пошёл к Алику Сорокину. Он в нашем звене лучше всех по арифметике учится. У него всегда по арифметике пять.

Прихожу я к нему, а он сидит за столом и сам с собой играет в шахматы.

– Вот хорошо, что ты пришёл! – говорит. – Сейчас мы с тобой сыграем в шахматы.

– Да я не за тем пришёл, – говорю я. – Вот помоги мне лучше арифметику сделать.

– Ага, хорошо, сейчас. Только знаешь что? Арифметику мы успеем сделать. Я тебе все объясню в два счета. Давай сначала сыграем в шахматы. Тебе все равно надо научиться играть в шахматы, потому что шахматы развивают способности к математике.

– А ты не врёшь? – говорю.

– Нет, честное слово! Ты думаешь, почему я хорошо по арифметике учусь? Потому что играю в шахматы.

– Ну, если так, тогда ладно, – согласился я. Расставили мы фигуры и стали играть. Только я тут же увидел, что играть с ним совсем невозможно. Он не мог спокойно

относиться к игре, и, если я делал неверный ход, он почему-то сердился и всё время кричал на меня:

— Ну кто так играет? Куда ты полез? Разве так ходят? Тьфу! Что это за ход?

— Почему же это не ход? — спрашиваю я.

— Да потому, что я съем твою пешку.

— Ну и ешь, — говорю, — на здоровье, только не кричи, пожалуйста!

— Как же на тебя не кричать, когда ты так глупо ходишь!

— Тебе же, — говорю, — лучше: скорее выиграешь.

— Мне, — говорит, — интересно у умного человека выиграть, а не у такого игрока, как ты.

— Значит, по-твоему, я не умный?

— Да, не очень.

Так он оскорблял меня на каждом шагу, пока не выиграл партию, и говорит:

— Давай ещё.

А я и сам уже раззадорился и очень хотел обыграть его, чтоб он не задавался.

— Давай, — говорю, — только так, чтобы без крика, а если будешь кричать на меня, брошу все и уйду.

Стали мы снова играть. На этот раз он не кричал, но и молча играть не умел, видно, и поэтому всё время болтал, как попугай, и строил насмешки:

— Ага! Так вот как вы пошли! Ага! Угу! Вот какие вы теперь умные стали! Скажите - пожалуйста!

Просто противно было слушать.

Я проиграл и эту партию и ещё не помню сколько. Потом мы стали заниматься по арифметике, но и тут проявился его скверный характер. Ничего-то он спокойно не мог объяснить:

— Да ведь это просто, ну как ты не понимаешь! Да это ведь малые ребята понимают! Что ж тут непонятного? Эх, ты! Вычитаемого от уменьшаемого не может отличить!

Мы это ещё в третьем классе проходили. Ты что, с луны, что ли, свалился?

— Если тебе трудно объяснить просто, то я к кому-нибудь другому могу пойти, — говорю я.

— Да я ведь объясняю просто, а ты не понимаешь!

— Где же, — говорю, — просто? Объясняй, что надо. Какое тебе дело, с луны я свалился или не с луны!

— Ну ладно, ты не сердись, я буду просто. Но просто у него никак не выходило. Пробился я с ним до вечера и всё-таки мало что понял. Но обиднее всего было то, что я ни разу не обыграл его в шахматы. Если б он не так задавался, то мне и обидно бы не было. Теперь мне обязательно хотелось обыграть его, и с тех пор я каждый день ходил к нему заниматься по арифметике, и мы по целым часам сражались в шахматы.

Постепенно я подучился играть, и мне иногда удавалось выиграть у него партию. Это, правда, случалось редко, но доставляло мне большое удовольствие. Во-первых, когда он начинал проигрывать, то переставал бол гать, как попугай; во-вторых, страшно нервничал: то вскочит, то сядет, то за голову схватится.

Просто смешно было смотреть Я, например, не стану так нервничать, если буду проигрывать, но и не стану радоваться, если проигрывает товарищ. А вот Алик наоборот: он не может сдержать свою радость, когда выигрывает, а когда проигрывает, то готов на себе волосы рвать от досады.

Для того чтобы научиться играть как следует, я играл в шахматы дома с Ликой, а когда дома был папа, то даже и с папой. Однажды папа сказал, что у него когда-то была книжка, учебник шахматной игры, и если я хочу научиться играть хорошо, то мне следует почитать эту книжку. Я сейчас же принялся искать этот учебник и нашёл его в корзинке, где лежали разные старые книжки. Сначала я думал, что ничего не пойму в этой книге, но

когда начал читать, то увидел, что она написана очень просто и понятно. В книге говорилось, что в шахматной игре, как на войне, нужно стараться поскорей захватить инициативу в свои руки, поскорей выдвинуть свои фигуры вперёд, ворваться в расположение противника и атаковать его короля. В книжке рассказывалось, как нужно начинать шахматные партии, как подготавливать нападение, как защищаться, и другие разные полезные вещи.

Я читал эту книжку два дня, а когда пришёл на третий день к Алику, то стал выигрывать у него партию за партией. Алик просто недоумевал и не понимал, в чём дело. Теперь положение переменялось. Через несколько дней я играл уже так, что ему даже случайно не удавалось меня обыграть.

Из-за этих шахмат на арифметику у нас оставалось мало времени, а Алик объяснял мне все наспех, как говорится – на скорую ручку, комком да в кучку. В шахматы играть я научился, а вот не заметил, чтоб это улучшило мои способности к арифметике. С арифметикой у меня по-прежнему обстояло плохо, и я решил бросить шахматную игру. К тому же шахматы мне уже надоели. С Аликом неинтересно было играть, потому что он всё время проигрывал. Я сказал, что больше не буду играть в шахматы.

– Как! – сказал Алик. – Ты решил бросить шахматы? Да у тебя ведь замечательные шахматные способности! Ты станешь знаменитым шахматистом, если будешь продолжать играть!

– Никаких у меня способностей нет! – говорю я. – Ведь я вовсе не своим умом обыгрывал тебя. Всему этому я научился из книжки.

– Из какой книжки?

– Есть такая книжка – учебник шахматной игры. Если хочешь, я тебе дам почитать эту книжку, и ты станешь

играть не хуже меня.

Алику захотелось поскорей прочесть эту книжку. Мы пошли с ним ко мне. Я дал ему учебник шахматной игры, и он поскорей убежал домой, чтоб начать читать.

А я решил не играть больше в шахматы до тех пор, пока не подтянусь по арифметике.

Глава седьмая

Наш вожатый Володя затеял устроить в школе вечер самодеятельности. Некоторые ребята решили выучить наизусть стихи и прочесть их на сцене. Другие решили показать на сцене физкультурные упражнения и сделать пирамиду. Гриша Васильев сказал, что будет играть на балалайке, а Павлик Козловский будет танцевать гопак. Но самую интересную вещь придумали Ваня Пахомов и Игорь Грачев. Они решили поставить отрывок «Бой Руслана с головой» из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила». Этот отрывок был напечатан в нашей книге для чтения «Родная речь» для четвёртого класса. Мы как раз недавно его читали. Игорь Грачев сказал, что голову великана он вырежет из фанеры и разрисует её пострашней, а сам, спрятавшись позади неё, будет говорить что надо. А Ваня сыграет Руслана. Он сделает себе деревянное копьё и будет драться с головой.

Нам с Шишкиным тоже захотелось участвовать в самодеятельности, но Ольга Николаевна не разрешила.

— Вам сначала надо исправить свои отметки, — сказала она, — а потом можно будет и на сцене играть.

И вот все ребята принялись разучивать свои роли и репетировать на сцене, а мы с Шишкиным толклись в зале и с завистью смотрели на всех. Игорь вырезал из целого фанерного листа голову великана. Нижнюю челюсть он сделал из фанеры отдельно и прикрепил гвоздём так, что голова могла открывать рот. Потом он разрисовал голову

красками и сделал ей вытаращенные глаза. Когда он прятался за нею и шевелил фанерной челюстью, а сам в это время рычал и разговаривал, то казалось, что голова сама рычит и разговаривает. А как интересно было смотреть, когда Руслан, то есть Ваня, насккивал с копьем в руках на голову, а голова дула на него, и его как будто бы ветром относило в сторону!

Однажды Шишкину в голову пришла очень хорошая мысль.

— Я, — говорит, — вчера читал «Руслана и Людмилу», там написано, что Руслан ездил на коне, а у нас он ходит по сцене пешком.

— Где же ты возьмёшь коня? — говорю я — Даже если бы и был конь, все равно его на сцену не втащишь.

— У меня есть замечательная идея, — говорит он, — мы с тобой будем представлять коня.

— Как же мы будем представлять коня?

— У меня есть журнал «Затейник», там написано, как двое ребят могут изобразить на сцене коня. Для этого делается из материи такая вроде лошадиная шкура. Впереди делается лошадиная голова, сзади — хвост, а внизу — четыре ноги. Я, понимаешь, залезаю в эту шкуру спереди и просовываю свою голову в лошадиную голову, а ты залезаешь в шкуру сзади, нагибаешься и держишься руками за мой пояс, так что твоя спина получается вроде лошадиная спина. У лошади четыре ноги, и у нас с тобой тоже четыре ноги. Куда я иду, туда и ты, вот и получается лошадь.

— Как же мы сошьём такую шкуру? — говорю я. — Если бы мы были девчонки, то, может быть, сумели бы сшить. Девчонки всегда рукодельничать умеют.

— А ты попроси свою сестру Лику, она нам поможет. Мы рассказали обо всём Лике и попросили помочь.

— Ладно, — говорит Лика, — я вам помогу, но для этого ведь надо достать материи.

Мы долго думали, где бы достать материи, а потом Шишкин нашёл у себя на чердаке какой-то старый, никому не нужный матрац. Мы вытряхнули из матраца всю начинку и показали его Лике. Лика сказала, что из него, пожалуй, что-нибудь выйдет. Она распорола матрац, так что получилось два больших куска материи. На одном куске она велела нам нарисовать большую лошадь. Мы взяли кусок мела и нарисовали на материи лошадь с головой и с ногами – все как полагается. После этого Лика сложила оба куска и вырезала ножницами, так что сразу получились две лошадиные выкройки из материи. Эти две выкройки она стала сшивать по спине и по голове. Мы с Костей тоже вооружились иглками и принялись помогать ей шить. Особенно много было возни с ногами, потому что каждую ногу нужно было сшить отдельно трубочкой. Мы все пальцы искололи себе иглками. Наконец сшили всё. На другой день мы достали мочалы и сена и стали продолжать работу. В лошадиную голову мы напихали сена, чтоб она лучше держалась, а из мочалы сделали хвост и гриву.

Когда всё это было сделано, мы с Костей залезли в лошадиную шкуру через дырку, которая была оставлена на животе, и попробовали ходить. Лика засмеялась и сказала, что лошадь получилась хорошая, только надо кое-где подложить ваты, а то у неё получились очень тощие бока, и, кроме того, её надо покрасить, так как видно, что она сделана из материи. Тогда мы вылезли из этой лошадиной шкуры. Лика принялась подшивать куда надо вату, а Шишкин принёс из дому мастику, которой натирают полы, и мы покрасили шкуру этой мастикой. Получился настоящий гнедой лошадиный цвет. Потом мы взяли краски и нарисовали на голове глаза, ноздри, рот. На ногах нарисовали копыта. Ещё Лика придумала пришить к лошадиной голове уши, так как без ушей голова получалась не очень красивая. После этого мы

снова залезли в лошадиную шкуру.

— И-го-го-го! — заржал по-лошадиному Костя. Лика захлопала в ладоши и чуть не захлебнулась от смеха.

— Прямо настоящая лошадь получилась! — кричала она. Мы попробовали ходить по комнате и брыкаться ногами. Наверно, это очень смешно получалось, потому что Лика всё время смеялась. Потом пришла мама и тоже очень смеялась, глядя на нашу лошадь. Тут вернулся с работы папа, и он тоже смеялся.

— Для чего это вы сделали? — спросил он нас. Мы рассказали, что в школе у нас будет спектакль и мы с Костей будем представлять коня.

— Это очень хорошо, что у вас в школе придумывают для ребят такие развлечения. Ребята приучаются заниматься полезным делом. Вы скажите, когда будет представление, я тоже приду, — сказал папа.

Потом мы пошли к Шишкину, чтоб показать лошадь его маме и тёте.

— Ну вот, — сказал я, — папа придёт, а вдруг нам не позволят играть.

— Ты молчи, — говорит Шишкин. — Никому ничего говорить не надо. Мы придём заранее и спрячемся за сценой, а Ваню Пахомова предупредим, чтоб он, перед тем как выходить на сцену, сел на лошадь.

— Правильно! — говорю я. — Так и сделаем. С тех пор мы с нетерпением ждали представления и даже заниматься не могли из-за этого как следует. Каждый день мы пробовали надевать лошадиную шкуру и ходить в ней для тренировки. Лица то и дело подшивала под шкуру куски ваты, так что лошадь в конце концов сделалась гладенькая, упитанная. Для того чтобы лошадиные уши не висели, как лопухи, Костя придумал вставить внутрь пружинки, и уши стали торчать кверху, как полагается. Ещё Костя придумал привязать к ушам ниточки. Он незаметно дёргал эти ниточки, и лошадь шевелила ушами, как настоящая.

Наконец наступил долгожданный день представления. Мы незаметно принесли лошадиную шкуру и спрятали позади сцены. Потом мы увидели Ваню Пахомова. Костя отозвал его в сторону и говорит:

— Слушай, Ваня, перед тем как выходить на сцену и драться с головой, ты зайди за кулисы. Там будет стоять приготовленная для тебя лошадь. Ты на эту лошадь садись

и выезжай на сцену.

— А что это за лошадь? — спрашивает Ваня.

— Это не твоя забота. Лошадь хорошая. Садись на неё, и она повезёт тебя куда надо.

— Не знаю, — говорит Ваня. — Мы ведь без лошади репетировали.

— Чудак! — говорит Шишкин. — С лошастью ведь гораздо лучше. Даже у Пушкина написано, что Руслан ездил на лошади. Как там написано: «Я еду, еду, не свищу, а как наеду, не спущу!» На чём же он едет, если не на лошади. И в «Родной речи» у нас есть картинка, там Руслан нарисован на лошади.

— Ну ладно, — говорит Ваня. — Мне и самому неловко ходить по сцене пешком. Витязь — и вдруг без лошади.

— Только ты никому не говори, а то весь эффект пропадёт, — говорит Костя.

— Хорошо.

И вот, когда публика начала собираться, мы незаметно пробрались за кулисы, приготовили лошадиную шкуру и стали ждать. Ребята суетились, бегали по сцене, проверяли декорации. Наконец раздался последний звонок и начались выступления ребят. Нам все хорошо было видно и слышно: и как читали стихи, и как делали физкультурные упражнения. Мне очень понравились физкультурные упражнения. Ребята делали их под музыку, чётко, ритмично, все, как один. Недаром тренировались две недели подряд. Потом занавес закрылся, на сцене быстро установили фанерную голову с открывающимся ртом и Игорь Грачев спрятался за нею. Тут появился Ваня. На голове у него был блестящий шлем, сделанный из картона, в руках деревянное копьё, выкрашенное серебряной краской.

Ваня подошёл к нам и говорит:

— Ну, где же ваша лошадь?

— Сейчас, — говорим мы.

Быстро влезли в лошадиную шкуру – и перед ним появился конь.

– Садись, – говорю я.

Ваня залез мне на спину и уселся. Тут я почувствовал, что коням не сладко живётся на свете. Под тяжестью Вани я согнулся в три погибели и покрепче вцепился в пояс Шишкина, чтоб была опора. Тут как раз и занавес открылся.

– Но! Поехали! – скомандовал Ваня, то есть Руслан. Мы с Шишкиным затопали прямо на сцену. Ребята в зале встретили нас дружным смехом. Видно, наш конь понравился.

Мы поехали прямо к голове.

– Тпру! Тпру! – зашипел Руслан. – Куда вас понесло? Чуть на голову не наехали! Осади назад! Мы попятились назад. В зале раздался громкий смех.

– Да не пятьтесь назад! Вот чудаки! – ругал нас Ваня. – Повернитесь и выезжайте на середину сцены. Мне монолог надо читать.

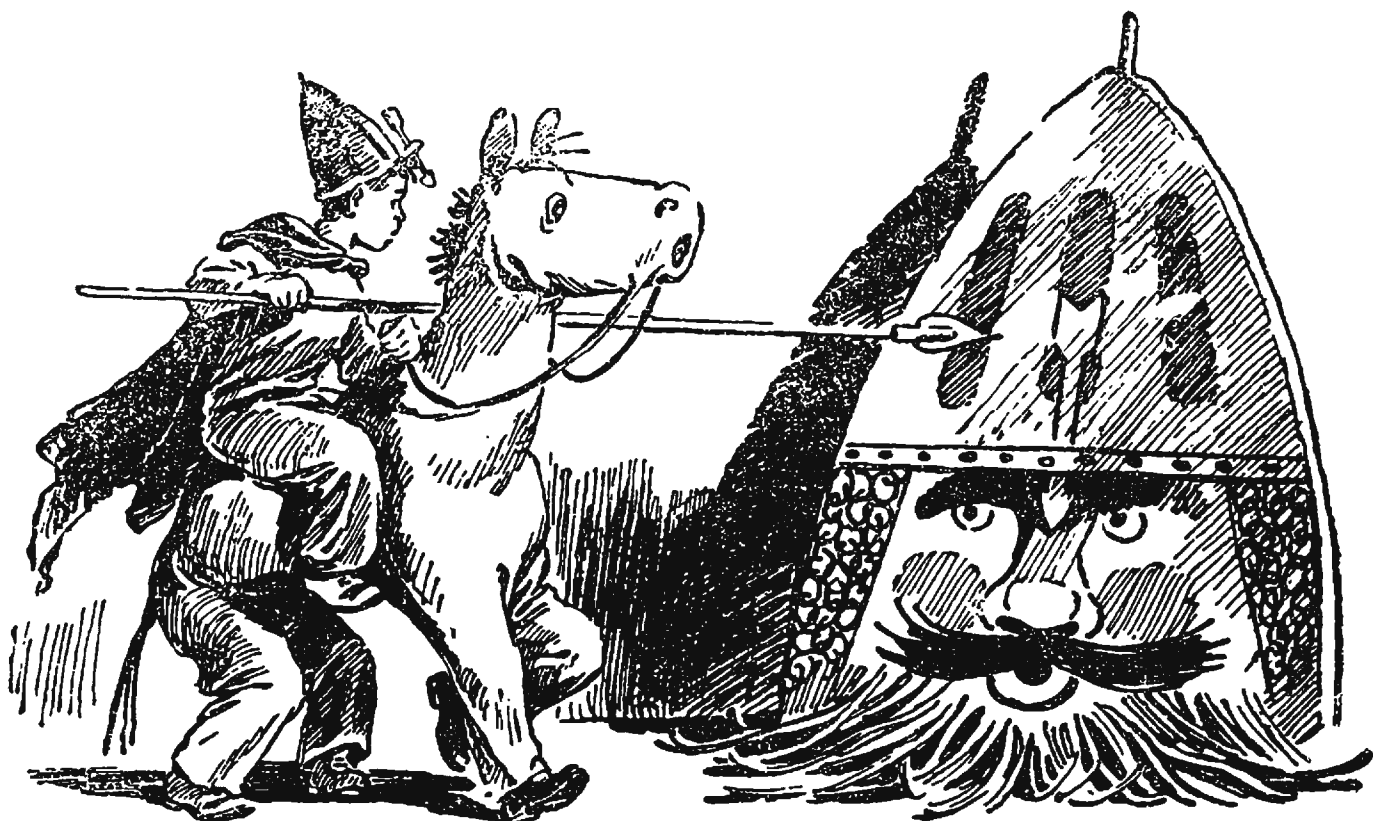
Мы повернулись и выехали на середину сцены. Тут Ваня заговорил замогильным голосом:

О поле, поле, кто тебя
Усеял мёртвыми костями?

Он долго читал эти стихи, завывая на все лады, а Шишкин в это время дёргал за ниточки, и конь наш шевелил ушами, что очень веселило зрителей. Наконец Ваня кончил свой монолог и прошептал:

– Ну, теперь к голове подъезжайте.

Мы повернулись и поехали к голове. Не доезжая до неё шагов пять, Шишкин начал хрипеть, упираться ногами и становиться на дыбы. Я тоже стал брыкаться, чтоб показать, будто конь испугался головы великана. Тут Руслан стал пришпоривать коня, то есть, попросту говоря, бить меня каблуками по бокам. Тогда мы подъехали к голове. Руслан принялся щекотать ей ноздри копьём.

Тут голова как раскроет рот да как чихнёт! Мы с Шишкиным отскочили, завертелись по всей сцене, будто нас отнесло ветром. Руслан даже чуть не свалился с коня. Шишкин наступил мне на ногу. От боли я запрыгал на одной ножке и стал хромать. Ваня снова стал пришпоривать меня. Мы опять поскакали к голове, а она принялась на нас дуть, и нас снова понесло в сторону. Так мы налетали на неё несколько раз, наконец я взмолился.

— Кончайте, — говорю, — скорей, а то я не выдержу. У меня и так уже нога болит!

Тогда мы подскочили к голове в последний раз, и Ваня треснул её копьём с такой силой, что с неё посыпалась краска. Голова упала, представление окончилось, и конь, хромая, ушёл со сцены. Ребята дружно захлопали в ладоши. Ваня соскочил с лошади и побежал кланяться публике, как настоящий актёр.

Шишкин говорит:

— Мы ведь тоже представляли на сцене. Надо и нам поклониться публике.

И тут все увидели, что на сцену выбежал конь и стал кланяться, то есть просто кивать головой. Всем это очень понравилось, в зале поднялся шум. Ребята принялись ещё громче хлопать в ладоши. Мы поклонились и убежали, а потом снова выбежали и опять стали кланяться. Тут Володя сказал, чтоб скорей закрывали занавес. Занавес сейчас же закрыли. Мы хотели убежать, но Володя схватил коня за уши и сказал:

— Ну-ка, вылезайте! Кто это тут дурачится? Мы вылезли из лошадиной шкуры.

— А, так это вы! — сказал Володя. — Кто вам разрешил здесь баловаться?

— Разве плохой конь получился? — удивился Шишкин.

— Коня-то вы хорошо смастерили, — сказал Володя. — А сыграть как следует не смогли: на сцене серьёзный разговор происходит, а конь стоит, ногами шаркает, то отставит ноги, то приставит. Где вы видели, чтоб лошади так делали?

— Ну, устанешь ведь спокойно на одном месте стоять, — говорю я. — И ещё Ваня на мне верхом сидит. Знаете, какой он тяжёлый. Где уж тут спокойно стоять!

— Надо было стоять, раз на сцену вышли. И ещё. Руслан читает стихи: «О поле, поле, кто тебя усеял мёртвыми костями?» — и вдруг в публике смех. Я думаю, почему смеются? Что тут смешного! А оказывается, конь в это время ушами захлопал!

— Ну, кони всегда шевелят ушами, когда прислушиваются, — говорит Шишкин.

— К чему же тут понадобилось прислушиваться?

— Ну, к стихам... Он услышал, что Руслан читает стихи, и пошевелил ушами.

— Если б пошевелил, то ещё полбеды, а он ими так задвигал, будто мух отгонял.

— Это я переиграл малость, — говорит Шишкин. — Слишком сильно за верёвочку дёргал.

— «Переиграл»! — передразнил его Володя. — Вот не

лезьте в другой раз без спросу на сцену.

Мы очень опечалились и думали, что нам ещё от Ольги Николаевны за это достанется, но Ольга Николаевна нам совсем ничего не сказала, и для меня это было почему-то хуже, чем если бы она как следует пробрала нас за то, что мы не послушались её.

Наверно, она решила, что мы с Шишкиным какие-нибудь такие совсем неисправимые, что с нами даже разговаривать серьёзно не стоит.

Из-за этого представления да ещё из-за шахмат я так и не взялся как следует за учёбу, и, когда через несколько дней нам выдали за первую четверть табели, я увидел, что у меня стоит двойка по арифметике.

Я и раньше знал, что у меня будет в четверти двойка, но все думал, что четверть ещё не скоро кончится и я успею подтянуться, но четверть так неожиданно кончилась, что я и оглянуться не успел. У Шишкина тоже была в четверти двойка по русскому.

— И зачем это выдают табели перед самым праздником? Теперь у меня будет весь праздник испорчен! — сказал я Шишкину, когда мы возвращались домой.

— Почему? — спросил Шишкин.

— Ну потому, что придётся показывать дома двойку.

— А я не буду перед праздником показывать двойку, — сказал Шишкин. — Зачем я буду маме праздник портить?

— Но после праздника ведь все равно придётся показывать, — говорю я.

— Ну что ж, после праздника конечно, а па праздник все весёлые, а если я покажу двойку, все будут скучные. Нет, пусть лучше весёлые будут. Зачем я буду огорчать маму напрасно? Я люблю маму.

— Если бы ты любил, то учился бы получше, — сказал я.

— А ты-то учишься, что ли? — ответил Шишкин.

— Я — нет, но я буду учиться.

— Ну и я буду учиться.

На этом наш разговор окончился, и я решил, по шишкинскому примеру, показать табель потом, когда праздники кончатся. Ведь бывают же такие случаи, когда табели ученикам выдают после праздника. Ничего тут такого нету.

Глава восьмая

Наконец наступил день, которого я давно уже с нетерпением ждал, — день Седьмого ноября, праздник Великой Октябрьской революции.

Я проснулся рано-рано и сразу подбежал к окошку, чтобы взглянуть на улицу. Солнышко ещё не взошло, но уже было совсем светло. Небо было чистое, голубое. На всех домах развевались красные флаги. На душе у меня стало радостно, будто снова наступила весна. Почему-то так светло, так замечательно на душе в этот праздник! Почему-то вспоминается все самое хорошее и приятное. Мечтаешь о чём-то чудесном, и хочется поскорей вырасти, стать сильным и смелым, совершать разные подвиги и геройства: пробираться сквозь глухую тайгу, карабкаться по неприступным скалам, мчаться на самолёте по голубым небесам, опускаться под землю, добывать железо и уголь, строить каналы и орошать пустыни, сажать леса или работать на заводе и делать какие-нибудь новые замечательные машины.

Вот какие мечты у меня. И ничего в этом удивительного нету, я думаю. Папа говорит, что в нашей стране каждый человек всего добьётся, если только захочет и станет как следует учиться, потому что уже много лет назад как раз в этот день, седьмого ноября, мы прогнали капиталистов, которые угнетали народ, и теперь у нас все принадлежит народу. Значит, мне тоже принадлежит все, потому что я тоже народ.

В этот день папа подарил мне волшебный фонарь с картинками, а мама подарила мне коньки, а Лика подарила мне компас, а я подарил Лике разноцветные краски для рисования.

А потом мы с папой и Ликой пошли на завод, где папа работает, а оттуда пошли на демонстрацию вместе со всеми рабочими с папиного завода. Вокруг гремела музыка, и все пели песни, и мы с Ликой пели, и нам было очень весело, и папа купил нам воздушные шарик: мне красный, а Лике зелёный. А когда мы подошли к самой большой площади нашего города, папа купил нам два красных флажка, и мы с этими флажками прошли мимо трибуны через всю площадь.

Потом мы вернулись домой, и скоро к нам стали собираться гости. Первый пришёл дядя Шура. В руках у него было два свёртка, и мы сразу догадались, что это он принёс нам подарки. Но дядя Шура сначала спросил, хорошо ли мы ведём себя. Мы сказали, что хорошо.

– Маму слушаетесь?

– Слушаемся, – говорим.

– А учитесь как?

– Хорошо, – говорит Лика.

И я тоже сказал:

– Хорошо.

Тогда он подарил мне металлический конструктор, а Лике – строительные кубики.

Потом пришли тётя Лида и дядя Серёжа, потом тётя Надя и дядя Юра, и ещё тётя Нина. Все спрашивали меня, как я учусь. Я всем говорил – хорошо, и все дарили мне подарки, так что под конец у меня собралась целая куча подарков. У Лики тоже была целая куча подарков. И вот я сидел и смотрел на свои подарки, и постепенно у меня на душе сделалось грустно. Меня начала мучить совесть, потому что у меня по арифметике была двойка, а я всем

говорил, что учусь хорошо. Я долго думал над этим и в конце концов дал сам себе обещание, что теперь возьмусь учиться как следует и тогда такие случаи уже никогда в жизни больше не будут повторяться. После того как я это решил, грусть моя стала понемногу проходить, и я постепенно развеселился.

Восьмого ноября тоже был праздник. Я побывал в гостях у многих ребят из нашего класса, и многие ребята побывали у нас. Мы только и делали, что играли в разные игры, а вечером смотрели на стене картины от волшебного фонаря. Когда я ложился спать, то сложил все свои подарки возле своей кровати на стуле. Лика тоже сложила свои подарки на стуле, а под потолком над нами красовались два воздушных шарика, с которыми мы ходили на демонстрацию. Так приятно было смотреть на них!

На следующий день, когда я проснулся, то увидел, что воздушные шарики лежат на полу. Они сморщились и стали меньше. Лёгкий газ из них вышел, и они уже не могли больше взлетать кверху. А когда в этот день я вернулся из школы, то не знал, как сказать маме про двойку, но мама сама вспомнила про табель и велела показать ей. Я молча вытащил табель из сумки и отдал маме. Мама стала проверять, какие у меня отметки, и, конечно, сразу увидела двойку.

— Ну вот, так я и знала! — сказала она нахмурившись. — Все гулял да гулял, а теперь в четверти двойка. А все почему? Потому что ничего слушать не хочешь! Сколько раз тебе говорилось, чтобы ты вовремя делал уроки, но тебе хоть говори, хоть нет — все как об стену горохом. Может быть, ты хочешь на второй год остаться?

Я сказал, что Теперь буду учиться лучше и что теперь у меня двойки ни за что па свете не будет, но мама только усмехнулась в ответ. Видно было, что ни чуточки не поверила моим обещаниям. Я просил маму подписать

табель, но она сказала:

– Нет уж, пусть папа подпишет.

Это было хуже всего! Я надеялся, что мама подпишет табель, и тогда можно будет не показывать его папе, а теперь мне предстояло ещё выслушивать упрёки папы. Настроение у меня стало такое плохое, что не хотелось даже делать уроки.

«Пускай, – думаю, – папа уж отругает меня, тогда я буду заниматься».

Наконец папа пришёл с работы. Я подождал, когда он пообедает, потому что после обеда он всегда бывает добрей, и положил табель на стол так, чтоб папа его увидел. Папа скоро заметил, что на столе возле него лежит табель, и стал смотреть отметки.

– Ну вот, достукался! – сказал он, увидев двойку. – Неужели тебе перед товарищами не стыдно, а?

– Будто я один получаю двойки! – ответил я.

– У кого же ещё есть двойки?

– У Шишкина.

– Почему же ты берёшь пример с Шишкина? Ты бы брал пример с лучших учеников. Или Шишкин у вас такой авторитет?

– И совсем не авторитет, – сказал я.

– Вот ты и стал бы учиться лучше да ещё Шишкину помог. Неужели вам обоим нравится быть хуже других?

– Мне, – говорю, – вовсе не нравится. Я уже сам решил начать учиться лучше.

– Ты и раньше так говорил.

– Нет, раньше я так просто говорил, а теперь я решил твёрдо взяться.

– Что ж, посмотрим, какая у тебя твёрдость. Папа подписал табель и больше ничего не сказал. Мне даже обидно стало, что он так мало укорял меня. Наверно, он решил, что со мной долго разговаривать нечего, раз я всегда только обещаю, а ничего не выполняю. Поэтому я

решил на этот раз доказать, что у меня есть твёрдость, и начать учиться как следует. Жаль только, что в этот день по арифметике ничего не было задано, а то бы я, наверно, задачу сам решил.

На другой день я спросил Шишкина:

– Ну как, досталось тебе от мамы за двойку?

– Досталось! И от тётки Зины досталось. Уж лучше б она молчала! У неё только одни слова: «Вот я за тебя возьмусь как следует!» А как она за меня возьмётся? Когда-то она сказала: «Вот я за тебя возьмусь: буду каждый вечер проверять, как ты сделал уроки». А сама раза два проверила, а потом записалась в драмкружок при клубе автозавода, и как только вечер – её и нету. «Я тебя, говорит, завтра проверю». И так каждый раз: завтра да завтра, а потом и совсем ничего. Потом вдруг: «Ну-ка, показывай тетрадки, отвечай, что на завтра задано». А у меня как раз ничего не сделано, потому что я уже отвык, чтоб меня проверяли. Словом, что ни вечер, то её дома нет. Если на занятия драмкружка не надо идти, то в театр пойдёт.

– Ей ведь надо в театр ходить, раз она в театральном училище учится, – сказал я.

– Это я понимаю, – говорит Шишкин. – Мама тоже на курсах повышения квалификации учится, да ещё работает, а не говорит же она: «Я за тебя возьмусь». Мама просто объяснит, что надо учиться, а если и накричит на меня, то я не обижаюсь. А на тётку Зину всегда буду обижаться, потому что если берёшься, то берись, а если не берёшься, то не берись. Я, может быть, жду, когда тётка Зина за меня возьмётся, и сам ничего не делаю. Такой у меня характер!

– Это ты просто вину с себя на другого перекладываешь, – сказал я. – Переменил бы характер.

– Вот ты бы и переменил. Будто ты лучше моего учишься!

– Я буду лучше учиться, – говорю я.

– Ну и я буду лучше, – ответил Шишкин.

Через несколько дней наш преподаватель физкультуры Григорий Иванович сказал, что спортивный зал у нас уже оборудован для игры в баскетбол и кто желает, может записаться в баскетбольную команду. Все ребята обрадовались и стали записываться.

Мы с Шишкиным тоже, конечно, хотели записаться, но Григорий Иванович не записал нас.

– В баскетбольной команде может играть только тот, кто хорошо учится, – сказал он нам.

Шишкин очень расстроился. Он давно уже ждал, когда можно будет играть в баскетбол, и вот теперь, когда другие ребята будут играть, нам, как говорится, приходилось остаться за бортом. Я лично не очень огорчился, потому что решил начать учиться лучше и во что бы то ни стало добиться, чтоб меня приняли в баскетбольную команду.

В этот же день Ольга Николаевна сказала, что многие наши ребята уже подтянулись и стали учиться успешнее. Лучше всего дело обстояло в первом звене. У них не было ни одной двойки, а троек было всего две. Ольга Николаевна сказала, что когда они исправят эти тройки, то звено выполнит своё обещание учиться только на пятёрки и четвёрки. Хуже всего дело обстояло в нашем звене, так как у нас были две двойки – моя и шишкинская.

Юра сказал:

– Вот! Мы с вами в хвосте оказались! Надо что-нибудь придумать, как из этого положения выпутаться.

– Это всё они, вот эти двое! – сказал Лёня Астафьев и показал на нас с Шишкиным. – Что ж это вы, а? Все звено позорите! Все ребята стараются, а им хоть кол на голове тёши, ничего не помогает! Ты, Малеев, почему плохо учишься?

Тут все на меня набросились:

– Ты что, не понимаешь, что надо учиться лучше? – Не понимаю, о чём разговор! – сказал я. – Я уже сам решил учиться лучше, а тут снова-наново разговор происходит!

– Решил, так надо учиться! А у тебя какие отметки? – спросил Алик Сорокин.

– Так отметки у меня за прошлое, а решил я только позавчера, – говорю я.

– Эх, ты! Будто не мог раньше решить!

– Постойте, ребята, не надо ссориться, – сказала Ольга Николаевна. – Отстающим надо помочь. В вашем звене есть хорошие ученики. Надо выделить кого-нибудь в помощь Шишкину и Малееву.

– Можно мне помогать Малееву? – спросил Ваня Пахомов.

– А я буду помогать Шишкину, – сказал Алик Сорокин. – Можно?

– Конечно, можно, – сказала Ольга Николаевна. – Это очень хорошо, что вы хотите помочь товарищам. Но Витя и Костя сами должны побольше работать. Ты, Витя, наверно, если не можешь решить задачку, так сейчас же спрашиваешь папу или маму?

– Нет, – говорю я. – Я теперь папу никогда не спрашиваю. Зачем я буду отрывать его от работы? Я просто иду к товарищу и спрашиваю.

– Ну, это всё равно. Я хочу сказать, что нужно самому добиваться. Если посидишь над задачей как следует да разберёшься сам, то кое-чему научишься, а если каждый раз за тебя задачи будет кто-нибудь другой делать, то сам их решать ты никогда не научишься. Для того и задают задачи, чтоб ученик приучался самостоятельно думать.

– Хорошо, – говорю я. – Теперь я буду сам.

– Вот-вот, постарайся. Только в крайнем случае, если увидишь, что задачи тебе не осилить, обращай за помощью к товарищу или ко мне.

– Нет, – говорю я. – Мне кажется, теперь я осилю сам,

а уж если никак не осилю, тогда пойду к Ване.

— Если желание будет, то осилишь, — сказала Ольга Николаевна.

Глава девятая

Пришёл я домой и сразу взялся за дело. Такая решимость меня одолела, что я даже сам удивился. Сначала я задумал сделать самые трудные уроки, как Ольга Николаевна нас учила, а потом взяться за то, что полегче. Как раз в этот день была задана задача по арифметике. Недолго думая я раскрыл задачник и принялся читать задачу:

«В магазине было 8 пил, а топоров в три раза больше. Одной бригаде плотников продали половину топоров и три пилы за 84 рубля. Оставшиеся топоры и пилы продали другой бригаде плотников за 100 рублей. Сколько стоит один топор и одна пила?»

Сначала я совсем ничего не понял и начал читать задачу во второй раз, потом в третий... Постепенно я понял, что тот, кто составляет задачи, нарочно запутывает их, чтобы ученики не могли сразу решить. Написано: «В магазине было 8 пил, а топоров в три раза больше». Ну и написали бы просто, что топоров было 24 штуки. Ведь если пил было 8, а топоров было в три раза больше, то каждому ясно, что топоров было 24. Нечего тут и огород городить! И ещё: «Одной бригаде плотников продали половину топоров и 3 пилы за 84 рубля». Сказали бы просто: «Продали 12 топоров». Будто не ясно, раз топоров было 24, то половина будет 12. И вот все это продали, значит, за 84 рубля. Дальше опять говорится, что оставшиеся пилы и топоры продали другой бригаде плотников за 100 рублей. Какие это оставшиеся? Будто нельзя сказать по-человечески? Если всего было 24

топора, а продали 12, то и осталось, значит, 12. А пил было всего-навсего 8; 3 продали одной бригаде, значит, другой бригаде продали 5. Так бы и написали, а то запутают, запутают, а потом небось говорят, что ребята бестолковые – не умеют задачи решать!

Я переписал задачу по-своему, чтоб она выглядела попроще, и вот что у меня получилось:

«В магазине было 8 пил и 24 топора. Одной бригаде плотников продали 12 топоров и 3 пилы за 84 рубля. Другой бригаде плотников продали 12 топоров и 5 пил за 100 рублей. Сколько стоит одна пила и один топор?»

Переписавши задачу, я снова прочитал её и увидел, что она стала немножко короче, но всё-таки я не мог додуматься, как её сделать, потому что цифры путались у меня в голове и мешали мне думать. Я решил как-нибудь подсократить задачу, чтоб в ней было поменьше цифр. Ведь совершенно неважно, сколько было в магазине этих самых пил и топоров, если в конце концов их все продали. Я сократил задачу, и она получилась вот такая:

«Одной бригаде продали 12 топоров и 3 пилы за 84 рубля. Другой бригаде продали 12 топоров и 5 пил за 100 рублей. Сколько стоит один топор и одна пила?»

Задача стала короче, и я стал думать, как бы её ещё сократить. Ведь неважно, кому продали эти пилы и топоры. Важно только, за сколько продали. Я подумал, подумал – и задача получилась такая:

*«12 топоров и 3 пилы стоят 84 рубля.
12 топоров и 5 пил стоят 100 рублей.
Сколько стоит один топор и одна пила?»*

Сокращать больше было нельзя, и я стал думать, как решить задачу. Сначала я подумал, что если 12 топоров и

3 пилы стоят 84 рубля, то надо сложить все топоры и пилы вместе и 84 поделить на то, что получилось. Я сложил 12 топоров и 3 пилы, получилось 15, Тогда я стал делить 84 на 15, но у меня не поделилось, потому что получился остаток. Я понял, что произошла какая-то ошибка, и стал искать другой выход. Другой выход нашёлся такой: я сложил 12 топоров и 5 пил, получилось 17, и тогда я стал делить 100 на 17, но у меня опять получился остаток. Тогда я сложил все 24 топора между собой и прибавил к ним 8 пил, а рубли тоже сложил между собой и стал делить рубли на топоры с пилами, но деление все равно не вышло. Тогда я стал отнимать пилы от топоров, а деньги делить на то, что получилось, но все равно у меня ничего не получилось. Потом я ещё пробовал складывать между собой пилы и топоры по отдельности, а потом отнимать топоры от денег, и то, что осталось, делить на пилы, и чего я только не делал, никакого толку не выходило. Тогда я взял задачу и пошёл к Ване Пахомову.

— Слушай, — говорю, — Ваня, 12 топоров и 3 пилы вместе стоят 84 рубля, а 12 топоров и 5 пил стоят 100 рублей. Сколько стоит один топор и одна пила? Как, по-твоему, нужно сделать задачу?

— А как ты думаешь? — спрашивает он.

— Я думаю, нужно сложить 12 топоров и 3 пилы и 84 поделить на 15.

— Постой! Зачем тебе складывать пилы и топоры?

— Ну, я узнаю, сколько было всего, потом 84 разделю на сколько всего и узнаю, сколько стоила одна.

— Что — одна? Одна пила или один топор?

— Пила, — говорю, — или топор.

— Тогда у тебя получится, что они стоили одинаково.

— А они разве не одинаково?

— Конечно, не одинаково. Ведь в задаче не говорится, что они стоили поровну. Наоборот, спрашивается, сколько стоит топор и сколько пила отдельно. Значит, мы не имеем права их складывать.

— Да их, — говорю, — хоть складывай, хоть не складывай, все равно ничего не выходит!

— Вот поэтому и не выходит.

— Что же делать? — спрашиваю я.

— А ты подумай.

— Да я уже два часа думал!

— Ну, присмотрись к задаче, — говорит Ваня. — Что ты видишь?

— Вижу, — говорю, — что 12 топоров и 3 пилы стоят 84 рубля, а 12 топоров и 5 пил стоят 100 рублей.

— Ну, ты замечаешь, что в первый раз и во второй топоров куплено одинаковое количество, а пил на две больше?

— Замечаю, — говорю я.

— А замечаешь, что во второй раз уплатили на 16 рублей дороже?

— Тоже замечаю. В первый раз уплатили 84 рубля, а во второй раз — 100 рублей. 100 минус 84, будет 16.

— А как ты думаешь, почему во в горой раз уплатили на 16 рублей больше?

— Это каждому ясно, — ответил я, — купили 2 лишние пилы, вот и пришлось уплатить лишних 16 рублей.

— Значит, 16 рублей заплатили за две пилы?

— Да, — говорю, — за две.

— Сколько же стоит одна пила?

— Раз две 16, то одна, — говорю, — 8.

— Вот ты и узнал, сколько стоит одна пила.

— Тьфу! — говорю. — Совсем простая задача! Как это я сам не догадался?!

— Постой, тебе ещё надо узнать, сколько стоит топор.

— Ну, это уж пустяк, — говорю я. — 12 топоров и 3 пилы стоят 84 рубля. 3 пилы стоят 24 рубля. 84 минус 24, будет 60. Значит, 12 топоров стоят 60 рублей, а один топор — 60 поделить на 12, будет 5 рублей.

Я пошёл домой, и очень мне было досадно, что я не сделал эту задачу сам. Но я решил в следующий раз

обязательно сам сделать задачу. Хоть пять часов буду сидеть, а сделаю.

На следующий день нам по арифметике ничего не было задано, и я был рад, потому что это не такое уж большое удовольствие задачи решать.

«Ничего, — думаю, — хоть один день отдохну от арифметики».

Но все вышло совсем не так, как я думал. Только я сел за уроки, вдруг Лика говорит:

— Витя, нам тут задачу задали, я никак не могу решить. Помоги мне.

Я только поглядел на задачу и думаю:

«Вот будет история, если я не смогу решить! Сразу весь авторитет пропадёт».

И говорю ей:

— Мне сейчас очень некогда. У меня тут своих уроков полно. Ты поди погуляй часика два, а потом придёшь, я помогу тебе.

Думаю:

«Пока она будет гулять, я тут над задачей подумаю, а потом объясню ей».

— Ну, я пойду к подруге, — говорит Лика.

— Иди, иди, — говорю, — только не приходи слишком скоро. Часа два можешь гулять или три. В общем, гуляй сколько хочешь.

Она ушла, а я взял задачник и стал читать задачу:

«Мальчик и девочка рвали в лесу орехи. Они сорвали всего 120 штук. Девочка сорвала в два раза меньше мальчика. Сколько орехов было у мальчика и девочки?»

Прочитал я задачу, и даже смех меня разобрал: «Вот так задача! — думаю. — Чего тут не понимать? Ясно, 120 надо поделить на 2, получится 60. Значит, девочка сорвала 60 орехов. Теперь нужно узнать, сколько мальчик: 120 отнять 60, тоже будет 60... Только как же это так? Получается, что они сорвали поровну, а в задаче сказано,

что девочка сорвала в два раза меньше орехов. Ага! — думаю. — Значит, 60 надо поделить на 2, получится 30. Значит, мальчик сорвал 60, а девочка 30 орехов». Посмотрел в ответ, а там: мальчик 80, а девочка 40.

— Позвольте! — говорю. — Как же это? У меня получается 30 и 60, а тут 40 и 80.

Стал проверять — всего сорвали 120 орехов. Если мальчик сорвал 60, а девочка 30, то всего получается 90. Значит, неправильно! Снова стал делать задачу. Опять у меня получается 30 и 60! Откуда же в ответе берутся 40 и 80? Прямо заколдованный круг получается!

Вот тут-то я и задумался. Читал задачу раз десять подряд и никак не мог найти, в чём здесь загвоздка.

«Ну, — думаю, — это третьеклассникам задают такие задачи, что и четвероклассник не может решить! Как же они учатся, бедные?»

Стал я думать над этой задачей. Стыдно мне было не решить её. Вот, скажет Лика, в четвёртом классе, а для третьего класса задачу не смог решить! Стал я думать ещё усиленнее. Ничего не выходит. Прямо затмение на меня нашло! Сижу и не знаю, что делать. В задаче говорится, что всего орехов было 120, и вот надо разделить их так, чтоб у одного было в два раза больше, чем у другого. Если б тут были какие-нибудь другие цифры, то ещё можно было бы что-нибудь придумать, а тут сколько ни дели 120 на 2, сколько ни отнимай 2 от 120, сколько ни умножай 120 на 2, все равно 40 и 80 не получится.

С отчаяния я нарисовал в тетрадке ореховое дерево, а под деревом мальчика и девочку, а на дереве 120 орехов. И вот я рисовал эти орехи, рисовал, а сам все думал и думал. Только мысли мои куда-то не туда шли, куда надо. Сначала я думал, почему мальчик нарвал вдвое больше, а потом догадался, что мальчик, наверно, на дерево влез, а девочка снизу рвала, вот у неё и получилось меньше.

Потом я стал рвать орехи, то есть просто стирал их резинкой с дерева и отдавал мальчику и девочке, то есть пририсовывал орехи у них над головой. Потом я стал думать, что они складывали орехи в карманы. Мальчик был в курточке, я нарисовал ему по бокам два кармана, а девочка была в передничке. Я на этом передничке нарисовал один карман.

Тогда я стал думать, что, может быть, девочка нарвала орехов меньше потому, что у неё был только один карман. И вот я сидел и смотрел на них: у мальчика два кармана, у девочки один карман, и у меня в голове стали появляться какие-то проблески. Я стёр орехи у них над головами и нарисовал им карманы, оттопыренные, будто в них лежали орехи. Все 120 орехов теперь лежали у них в трех карманах: в двух карманах у мальчика и в одном кармане у девочки, а всего, значит, в трех. И вдруг у меня в голове, будто молния, блеснула мысль: «Все 120 орехов надо делить на три части! Девочка возьмёт себе одну часть, а две части останутся мальчику, вот и будет у него вдвое больше!» Я быстро поделил 120 на 3, получилось 40. Значит, одна часть 40. Это у девочки было 40 орехов, а у мальчика две части. Значит, 40 помножить на 2, будет 80! Точно как в ответе. Я чуть не подпрыгнул от радости и скорей побежал к Ване Пахомову, чтоб рассказать ему, как я сам додумался решить задачу.

Выбегаю на улицу, смотрю – идёт Шишкин.

– Слушай, – говорю, – Костя, мальчик и девочка рвали в лесу орехи, нарвали 120 штук, мальчик взял себе вдвое

больше, чем девочка. Что делать, по-твоему?

– Надавать, – говорит, – ему по шее, чтоб не обижал девочек!

– Да я не про то спрашиваю! Как им разделить, чтоб у него было вдвое?

– Пусть делят, как сами хотят. Чего ты ко мне пристал! Пусть поровну делят.

– Да нельзя поровну. Это задача такая.

– Какая ещё задача?

– Ну, задача по арифметике.

– Тьфу! – говорит Шишкин. – У меня морская свинка подохла, я её только позавчера купил, а он тут с задачами лезет!

– Ну, прости, – говорю, – я не знал, что у тебя такое горе.

И побежал дальше. Прибегаю к Ване.

– Слушай, – говорю, – вот такая задача мудрёная: мальчик и девочка сорвали 120 орехов. Мальчик взял себе вдвое больше. Надо делить на три части. Правильно я догадался?

– Правильно, – говорит Ваня. – Одну часть возьмёт девочка, две части – мальчик, вот у него и будет вдвое больше.

– Это я сам догадался, – говорю я. – Понимаешь, замудрили задачу, думали, никто не догадается, а я всё-таки догадался.

– Ну молодец!

– Теперь я всегда буду сам задачи решать, – сказал я.

– Постарайся. Самому всегда лучше: больше толку, – говорит Ваня.

Побежал я обратно домой.

Вдруг навстречу Юра Касаткин.

– Слушай, Юра, – говорю я. – Один мальчик и одна девочка рвали в лесу орехи...

– Да ну тебя с твоими орехами! Ты лучше скажи, почему ты не занимаешься, а все по улицам бегаешь?

– Я занимаюсь, честное слово!

– Ты это оставь! Весь класс назад тянешь! Ты и ещё этот твой Шишкин.

– Честное слово, я занимаюсь, а у Шишкина морская свинка сдохла. А ты куда идёшь?

– Я шёл к тебе, хотел посмотреть, как ты занимаешься, а тебя дома нет, вот я и вижу, как ты уроки делаешь.

– Ну, честное-пречестное слово, я делал задачу, а она у меня не вышла, и я только на минуточку пошёл к Ване, чтоб рассказать. Вот идём ко мне, посмотришь.

Мы пошли ко мне, и я стал показывать ему задачу про мальчика и девочку.

– Да ведь это для третьего класса задача! – говорит Юра.

– А это я нарочно повторяю прошлогодние задачи, – говорю я. – В прошлом году я неважно по арифметике учился, вот и хочу теперь наверстать.

– Это ты хорошо придумал. Будешь знать предыдущее, дальше легче будет учиться.

Юра ушёл.

Скоро вернулась Лика, я сейчас же принялся объяснять ей задачу. Нарисовал дерево с орехами, и мальчика с двумя карманами, и девочку с одним карманом.

– Вот, – говорит Лика, – как ты хорошо объясняешь! Я сама ни за что не догадалась бы!

– Ну, это пустяковая задача. Когда тебе надо, ты мне говори, я тебе все объясню в два счета.

И вот я как-то совсем неожиданно из одного человека превратился в совсем другого. Раньше мне самому помогали, а теперь я сам мог других учить. И главное, у меня ведь по арифметике была двойка!

Глава десятая

На другой день, когда я проснулся, то увидел в окно, что уже наступила зима. На дворе выпал снег. Все побелело вокруг: и земля и крыши, а деревья стояли как кружевные – все веточки облепило снегом. Я хотел сейчас же пойти покататься на конечках, которые подарила мне мама, но нужно было идти в школу, а после школы я сначала засел за уроки, а потом стал делать задачи по Ликиному задачнику. Я задумал перерешать все задачи для третьего класса. Там было много простых задач, и я щёлкал их, как будто семечки, но попадались и такие, над которыми приходилось ломать голову. Только это теперь меня не пугало. Я поставил себе за правило не двигаться дальше, пока не решу задачи. Конечно, я в один день не решил все задачи, а сидел над ними недели две или три. На коньках я ходил кататься только по вечерам, когда становилось совсем темно. Зато когда я перерешал все задачи для третьего класса, то я очень поумнел и уже мог без посторонней помощи решать задачи для четвёртого класса, которые задавала нам Ольга Николаевна. В задачнике для четвёртого класса было много задач, которые были похожи на задачи для третьего класса, только они были сложнее, но теперь я уже умел распутывать сложные задачи. Мне даже интереснее было решать те задачи, которые посложней. Я уже не боялся арифметики, как раньше. С меня как будто свалилась какая-то тяжесть, и жить мне стало легко. Ольга Николаевна была довольна моими успехами и ставила мне хорошие отметки. Ребята больше не упрекали меня. И мама и папа были рады, что я стал хорошо учиться. Меня приняли в баскетбольную команду, и я через день тренировался с ребятами по два часа. А когда тренировки не было, я катался на коньках, ходил на лыжах, играл с ребятами в хоккей – было что делать.

А Шишкин, вместо того чтобы взяться как следует за учёбу, накупил разных морских свинок, белых крыс, черепах. Одних ежей у него было три штуки! И он с ними по целым дням возился, кормил их, ухаживал за ними, а они у него часто болели идохли. И ещё он достал где-то Лобзика. Этот Лобзик был обыкновенный бездомный щенок, то есть, если сказать по правде, то совсем не щенок, а уже довольно большая собака, но ещё, видно, молодая, не совсем ещё взрослая: мохнатая такая, чёрного цвета, и уши у неё висели, как лопухи. Он её встретил где-то на улице и поманил за собой, и привёл домой, и выдумал ей имя «Лобзик», хотя Лобзик – это совсем неподходящее для собаки имя, потому что лобзик – это такая маленькая пилочка для выпиливания по дереву. Но Шишкин не знал, что такое лобзик, и вообразил, будто это собачье имя.

Понятно, что со всеми этими делами Шишкину вовсе не до занятий было, и он садился делать уроки после того, как мама раз двадцать напмнит. Вот мать придёт с работы и спросит:

– Ты уроки сделал?

– Нет ещё. Сейчас буду делать.

– Садись сейчас же.

– Сейчас, сейчас, мамочка, вот только покормлю черепаху.

Мать займётся своими делами, а он покормит черепаху, потом вспомнит, что хотел смастерить клетку для морской свинки, и начнёт возиться с клеткой. Через некоторое время мать опять скажет:

– Когда же ты будешь делать уроки?

– Сейчас.

– Когда же «сейчас»? Ты всё время говоришь «сейчас», а сам ни с места.

– Ну сейчас! Надо же клетку сделать.

– Клетку? Да тут тебе на три дня работы! Прекрати это

и садись делать уроки.

— Ладно, — с сожалением говорит Шишкин. — Завтра клетку доделаю. Сейчас только принесу ежам водички и буду делать уроки.

Он берет кружку и отправляется за водой для ежей. Потом начинает проверять, есть ли вода у других животных. Потом обнаруживается, что один из ежей куда-то исчез, и Шишкин начинает искать его по всему дому. Через полчаса мать опять про уроки спросит.

— Сейчас, — говорит Шишкин. — Вот только найду ежа. Ёж куда-то запропастился.

И так всё время. То одно, то другое, то третье. Если мать уйдёт на занятия, он и не подумает за уроки взяться, а ждёт: когда время придёт уже ложиться спать, тогда он только начинает что-нибудь делать. Конечно, у него все получалось на скорую руку, кое-как, он ничего не выучивал как следует, но всё-таки умудрялся получать как-то тройки, иногда даже четвёрки. Впрочем, это бывало редко. Больше всего он боялся русского языка и почти всегда выезжал на подсказке. Правда, никакой пользы ему от этой подсказки не было. Когда в классе должны были писать диктант или сочинение, то Шишкин заранее был уверен, что напишет на двойку, и решил в такие дни совсем не приходить в школу. И вот однажды, когда Ольга Николаевна сказала, что завтра мы будем писать диктант, Шишкин на следующее утро притворился больным и сказал маме, что у него болит голова. Мама разрешила ему не ходить в этот день в школу и сказала, что позовёт врача, как только вернётся с работы. Но, когда она вернулась, Шишкин сказал, что голова у него уже не болит, так что никакого врача не нужно было вызывать. Мама написала в школу записку, что Костя пропустил по болезни, и все обошлось благополучно. В другой раз, когда мы в классе должны были писать сочинение, Шишкин снова придумал, что у него болит голова, и мама

опять разрешила ему не ходить в школу, но, когда она вернулась с работы, ей показалось странным, что Костя и на этот раз быстро выздоровел. Но тогда она ещё ни о чём не догадалась и снова написала в школу записку, что он был болен. Когда же это случилось в третий раз, она стала догадываться, что Костя её обманывает, чтобы не ходить в школу. Костя сначала не признавался, но мама сказала, что сама пойдёт в школу и выяснит, в чём дело. Костя увидел, что мать все равно своего добьётся, и во всём ей признался.

Когда мама услышала, что он все это придумывал для того, чтобы увиливать от занятий, она страшно рассердилась. Это случилось как раз в тот день, когда Шишкин привёл домой Лобзика. Мама всегда сердилась на Костю за то, что он приносит домой разных животных и возится с ними, вместо того чтоб делать уроки. Поэтому Костя заранее спрятал Лобзика в чулане, чтоб мама не заметила его сразу. И вот, как раз когда Костя признался и мама рассердилась, Лобзик вылез из чулана и пришёл прямо в комнату.

— А это ещё что такое? — закричала мама, увидев Лобзика.

— Это ничего... Это так просто, собака, — пролепетал Шишкин.

— Собака? — закричала мама. — Сейчас же прогони её! Развёл целый зверинец в доме! Только и делаешь, что с разными зверями возишься, заниматься совсем не хочешь! Сейчас же уноси всех зверей отсюда! И крыс, и мышей, и ежей — всех уноси! И собаку эту гони, довольно я с тобой намучилась.

Нечего делать, Костя со слезами на глазах пошёл раздавать своих зверей знакомым ребятам и роздал всех, только одного ежа у него никто не хотел брать. Тогда он пришёл с этим ежом ко мне и рассказал, что у него произошло дома.

Я тоже не хотел брать ежа, потому что мыши, которых

он нам подарил, расплодились во множестве, и несколько мышей поселилось в комод, к тому же этот ёж был какой-то вялый, наверно, больной. Но Шишкин сказал, что ёж совсем не больной, а находится в оцепенении, так как ежи обычно погружаются на зиму в спячку, и вот этот ёж, значит, тоже уже погружался в спячку. Тогда я согласился взять ежа, а Шишкин сказал, что весной, когда ёж пробудится от спячки, он заберёт его обратно к себе.

Только Лобзика Костя не хотел никому отдавать и решил спрятать его от мамы на чердаке. Он устроил ему подстилку на дымоходе, а чтоб Лобзик не убежал, привязал его за ошейник верёвкой к стропилу. На чердаке было холодно, но дымоход был тёплый, и Лобзик не очень мёрз, хотя если сказать по правде, то ему иногда сильно доставалось и от жары и от холода в одно и то же время. В сильный мороз дымоход почему-то всегда был очень горячий, поэтому с одной стороны Лобзика пробирая холод, а с другой стороны он поджаривался как будто на сковороде. Костя очень беспокоился, как бы Лобзик не отморозил себе уши или не схватил воспаление лёгких. Он тайком приносил Лобзику на чердак еду и сам пропадал на чердаке все свободное время, чтобы Лобзику не было скучно. Когда мамы не было дома, он приводил Лобзика домой и играл с ним, а к тому времени, когда мама должна была прийти с работы, уводил его обратно на чердак. Сначала всё шло хорошо, но однажды он забыл увести Лобзика из дому вовремя, или, может быть, мама вернулась с работы раньше обычного, не знаю точно, только Шишкин, как говорится, попался на месте преступления. Мама увидела Лобзика.

— Опять эта собака здесь! — закричала она. — Так вот почему у тебя не хватает времени заниматься! Я ведь тебе велела прогнать её, а ты снова привёл!

Тут Шишкин признался, что не послушался маму и Лобзик все это время жил у него на чердаке, а он заботился о нём и кормил его, потому что он его очень

любит и не может выгнать его на мороз, так как Лобзик совсем одинокий, бездомный пёс.

— Если бы ты стал делать уроки исправнее, я разрешила бы тебе оставить Лобзика. Но ты ведь ничего слушать не хочешь! — сказала мама.

— Как же я могу делать уроки? — ответил Шишкин. — Я вот сяду заниматься, а сам думаю, как там Лобзик на чердаке сидит. Ему небось одному скучно. Вот мне и не лезут уроки в голову.

Тогда мама сжалилась над ним и сказала:

— Если обещаешь выполнять аккуратно все уроки днём после школы, то, так и быть, разрешу оставить тебе эту собаку.

Костя сказал, что обещает.

— Посмотрим, как ты сдержишь своё обещание, — сказала мама. — Я теперь буду проверять тебя ежедневно после работы.

Обо всём этом мне рассказал Костя, когда мы возвращались на другой день из школы.

— Зайдём ко мне, посмотришь, как я буду дрессировать Лобзика, — предложил Костя. — Увидишь, какой это умный пёс. Он уже умеет палку в зубах держать.

— По-моему, для того чтоб держать палку в зубах, большого ума не надо, — ответил я.

— Смотри для кого, — говорит Шишкин. — Тебе, конечно, для того чтоб держать палку в зубах, совсем не надо ума, а Лобзику надо.

Пришли мы к нему. Шишкин достал из буфета сахарницу и позвал Лобзика. Лобзик увидел сахарницу, подскочил и весело замахал хвостом. Видно было, что этот предмет ему уже хорошо знаком. Костя сунул ему под нос палку и сказал:

— Вот поддержи палку, получишь сахару.

Лобзик отвернулся от палки и покосился на сахарницу.

— Да ты не смотри на сахарницу, держи, говорят тебе, палку! — прикрикнул Костя.

Лобзик всё-таки не хотел брать палку. Тогда Костя насильно раскрыл ему пасть и сунул в неё палку, но, как только он отпустил руки, Лобзик разжал зубы, и палка упала на пол.

— Ну вот, уже забыл, чему я его вчера учил! — проворчал Костя. — Придётся повторять все сначала.

Он снова сунул палку в пасть Лобзику, а мне велел держать Лобзика за нос так, чтоб он не мог раскрыть рот. Таким образом Лобзик подержал во рту некоторое время палку, и мы дали ему за это кусок сахара. Это упражнение мы проделали несколько раз. Лобзик постепенно понял, что после того, как он подержит в зубах палку, ему дадут сахару, и стал держать палку в зубах сам, без посторонней помощи. Правда, он норовил поскорей бросить палку и получить сахар, но тогда Костя не давал ему сахару и снова заставлял держать палку.

Домой в этот день я вернулся поздно и увидел, что нарушил весь свой режим. Я решил, что летом, когда наступят каникулы, тоже заведу себе собаку и займусь дрессировкой, а сейчас, пока идут занятия, этого делать не стоит, так как дрессировка отнимает очень много времени. Я только начал учиться по арифметике как следует и вдруг опять стану получать двойки. В первую очередь нужно самому учиться, а потом уже можно учить собак.

А Шишкин все свободное время возился с Лобзиком и выучил его не только держать палку в зубах, но и таскать её за собой. Правда, все это Лобзик делал не даром, а за сахар, но трудился очень усердно. За какой-нибудь

маленький кусочек сахара он мог тащить палку или даже целое полено как отсюда до Вокзального переулка.

Шишкин говорил, что выучит Лобзика не только этому, но и многому другому, только больше пока ничему не выучил, потому что ему надоело, и вообще он долго не любил заниматься одним делом, а перескакивал с одного на другое и ничего не доводил до конца.

Глава одиннадцатая

Мы давно уже собирались пойти всем классом в цирк. Володя сказал, что купит на всех билеты, и мы с нетерпением ждали этого дня. Мы уже несколько раз ходили всем классом в кино, но в цирке ещё ни разу не были. Я лично давно в цирке не был, а Шишкин был так давно, что совсем почти ничего не помнил. Помнил только, что там были какие-то звери, не то львы, не то тигры, или, может быть, лошади, и больше ничего не помнил. Он тогда был ещё совсем маленьким. Особенно нам хотелось посмотреть мотоциклиста, который ездил внутри шара из металлических прутьев. Мы давно уже видели расклеенные по городу афиши и слышали рассказы от тех, кто видел этого мотоциклиста. В огромный шар, сделанный из крепких металлических прутьев, влезает мотоциклист и начинает ездить внутри этого шара на мотоцикле. И вот нижняя половина шара отделяется от верхней и опускается вниз. Мотоциклист остаётся в верхней половине шара и продолжает ездить. Самое удивительное было то, что мотоциклист не вываливался из этой половины шара, хотя она и висела в воздухе вверх дном. Говорили, будто, когда мотоциклист мчится внутри шара с огромной скоростью, получается какая-то центробежная сила, которая прижимает мотоцикл к шару и не позволяет ему упасть вниз. Но если скорость мотоцикла уменьшится, центробежная сила пропадёт – и мотоцикл упадёт вниз.

Некоторые ребята говорили, что всех не возьмут в цирк, потому что Володя не сможет достать на всех билеты, а возьмут только круглых отличников. Другие говорили, что возьмут всех, только Шишкина не возьмут. Третьи говорили, что совсем никого не возьмут, потому что билеты, наверно, давно уже проданы.

Наконец билеты были куплены, и мы все пошли в цирк, даже Шишкин пошёл. Явились мы задолго до начала представления, но это ничего: лучше прийти немножко раньше, чем опоздать, потому что тебя тогда совсем не пустят. Мы уселись на свои места и принялись рассматривать арену, покрытую огромным ковром. Над нашими головами были протянуты какие-то канаты. Вверху, под куполом цирка, висели трапеции, кольца, верёвочные лестницы и другие разные приспособления. Огромное здание цирка постепенно наполнялось народом, так что наконец мне даже стало казаться, что весь город собрался здесь. Я решил сосчитать, сколько в цирке народу, досчитал до двухсот тридцати, сбился и начал сначала. В это время зажглись десятки огромных ламп, и в цирке стало светло, как днём. Все как будто ожило, стало нарядным и праздничным. Огромная толпа зрителей запестрела разноцветными красками. Я думал, что до начала представления ещё далеко, и принялся разглядывать публику, но тут торжественно зазвенели литавры, посыпалась звонкая барабанная дробь, запиликали скрипки, закричали трубы, и... вдруг на арену выбежало множество акробатов. Они принялись прыгать и кувыркаться, подкидывать друг друга руками и ловить за ноги и ходить колесом. И так у них все ловко получалось, что каждому, кто сидел в цирке, тоже хотелось выскочить на арену и начать кувыркаться вместе с акробатами. Я тоже уже вскочил, чтоб бежать на арену, но меня удержала Ольга Николаевна и сказала, чтоб я сел, потому что мешаю другим смотреть. Я увидел, что никто не бежит на арену, и сел на место.

Но всё-таки я не мог усидеть спокойно, глядя на этих прыгунов-акробатов. Я готов был смотреть на них хоть весь вечер, но они скоро убежали, а вместо них стал выступать дрессировщик с дрессированными медведями. И вот какие ловкие оказались мишки! Они ходили по канату, качались на качелях, катались на бочках: бочка катится, а мишка стоит на ней во весь рост и перебирает лапами. А два медведя даже на велосипедах катались.

После медведей выступали эквилибристы. Они легли на землю, ноги подняли кверху и стали подбрасывать ногами какие-то разноцветные деревянные тумбы. Они крутили их, вертели, перебрасывали ногами друг другу. Иной человек руками того не сделает, что они вытворяли ногами.

Потом выступали дрессированные собачки. Они прыгали, кувыркались, ходили на задних лапках, возили друг дружку в колясочках, играли в футбол. А одна собака

была такая храбрая! Её подняли вверх, под самый купол цирка, и она прыгнула оттуда с парашютом. Потом дрессировщица сказала, что покажет собаку, которая умеет считать. И вот принесли стул, посадили на него маленькую черненькую собачку. Дрессировщица поставила перед ней три деревянные чурки и велела считать. Мы думали, как же собака будет считать, – ведь не может же она разговаривать. Но собака стала лаять и пролаяла ровно три раза. Публика обрадовалась и стала хлопать в ладоши. Дрессировщица похвалила собаку, дала ей кусочек сахара, потом поставила перед ней пять чурок и снова сказала:

– Считай!

Собака пролаяла пять раз.

Потом дрессировщица стала показывать ей цифры, написанные на картонных табличках. Собака каждый раз отвечала правильно.

Потом дрессировщица стала спрашивать:

– Сколько будет дважды два? Собака пролаяла четыре раза.

– Сколько будет три плюс четыре? Собака пролаяла семь раз.

– Сколько будет десять отнять четыре?

Собака пролаяла шесть раз.

Мы сидели и удивлялись: даже складывать и вычитать собака умела!

Ещё выступали жонглёры. Они жонглировали тарелками и другими разными вещами, то есть подбрасывали их и ловили руками. Один подбрасывал сразу четыре тарелки, и другой – четыре тарелки. Потом стали швырять эти тарелки друг другу. И так это ловко у них получалось! Первый бросает второму, а второй в это же время первому, так что тарелки всё время летят от одного человека к другому. И ни одной тарелки не разбили!

И ещё там в цирке был клоун в голубых брюках,

рыжем пиджаке и зелёной шляпе, и нос у него был красный-прекрасный. Он вовсе не был артистом, но делал то же, что и артисты, только гораздо хуже. После жонглёров он тоже вышел, принёс три полена и стал ими жонглировать. Но кончилось это плохо: он треснул сам себя поленом по голове и ушёл. После медведей, которые катались на велосипедах, он тоже выехал на велосипеде, но тут же наехал на барьер, и весь его велосипед рассыпался на кусочки. А когда выступали наездники на лошадях, он стал просить, чтоб ему дали лошадь. Только он боялся свалиться с неё и попросил, чтоб его привязали канатом. И вот сверху спустили канат и привязали его позади за пояс. Тогда он стал взбираться на лошадь по хвосту, но лошадь брыкалась. Он хотел побежать за лестницей, чтоб взобраться на лошадь по лестнице, но не смог, так как был сзади канатом привязан. Тогда он стал просить наездника, чтобы он посадил его на лошадь. Наездник стал подсаживать его, но он никак не мог вскарабкаться.

— Ну, садись же! Садись на лошадь! — кричал наездник и изо всех сил толкал его снизу, а он, вместо того чтоб сесть на лошадь, как-то умудрился сесть на наездника.

И вот наездник бежит по всему цирку, а этот чудак в рыжем пиджаке на нём верхом сидит. Наездник кричит:

— Я ведь тебе говорил — садись на лошадь, а ты куда сел? Ты мне на шею сел!

Наконец его сняли с наездника и посадили на лошадь. Лошадь поскакала, а он свалился с неё, но не упал на землю, а принялся летать по цирку, расставив руки и ноги, потому что был сверху к канату привязан. Словом, это был такой человек: он все пытался делать, но ничего у него не выходило. Он только людей даром смешил! Умора!

Самым последним номером был «Шар смелости». Во время перерыва мы никуда не ходили, а сидели на своих местах и видели все приготовления. Сначала внизу

собрали из отдельных частей верхнюю половину шара. Она была такая громадная, что под ней свободно могло бы поместиться человек двадцать и ещё, наверно, место осталось бы. Потом верхнюю половину шара подняли кверху, под купол цирка, а внизу собрали такую же огромную нижнюю половину шара. В неё положили два мотоцикла и два велосипеда и все это подняли вверх, где нижняя половина соединилась с верхней. Внизу шара имелся люк, и из люка вниз спускалась верёвочная лестница.

Перерыв кончился. Публика снова уселась на свои места.

Снова зажёгся яркий свет, и на арену вышли мотоциклисты. Они были одеты в голубые комбинезоны, на головах у них были надеты круглые шлемы, как у лётчиков. Их было трое: двое мужчин и одна женщина. Они остановились у края арены, и публика приветствовала их громкими аплодисментами. Заиграла музыка, и вот они, гордые и смелые, с высоко поднятыми головами, стали подниматься по лестнице вверх. Один за другим они пролезли в люк и очутились внутри шара. Потом они закрыли люк изнутри крышкой и стали ездить внутри шара на велосипедах. Пока велосипед ездил с небольшой скоростью, он описывал небольшие круги внизу шара, но как только скорость становилась больше, он взбирался все выше и выше, и велосипедисты вместе с велосипедом держались наклонно, так что непонятно было, почему они не падают. Они ездили по одному и по двое, а женщина ездил не хуже мужчин.

Потом один мотоциклист завёл мотоцикл. Раздался грохот, будто пулемётная пальба. Мотоциклист понёсся внутри шара с огромной скоростью. Он пролетал со своим мотоциклом то внизу, то вверху, причём мотоцикл становился почти вверх ногами, и мы всё время боялись, что мотоциклист вывалится из своего сиденья, но он не вывалился. Другой мотоциклист тоже завёл свой

мотоцикл и помчался вдогонку за первым мотоциклистом. Шум, грохот, пальба! Второй мотоциклист опустился на дно шара и остановился, а первый мотоциклист продолжал ездить в верхней половине шара.

И вот нижняя половина шара отделилась и стала медленно опускаться вниз, а мотоциклист так и остался ездить вверху. Когда нижняя половина шара опустилась на землю, мотоциклист и девушка вылезли из неё, а первый мотоциклист все ездил и ездил в верхней половине шара. Если бы он остановился, центробежная сила пропала бы – и он упал бы вниз. Теперь для него единственным спасением было все мчаться и мчаться с прежней скоростью. Затаив дыхание мы смотрели на него. Вдруг я подумал: «А что, если мотор испортится или остановится хотя бы на минуту? Скорость сейчас же уменьшится, и мотоцикл со страшной силой вылетит из шара и полетит вниз».

По временам мне казалось, что мотор начинает делать перебои, но все обошлось благополучно. Нижнюю половину шара снова подняли вверх. Мотоциклист замедлил скорость и стал кружиться в нижней половине шара. Круги становились все меньше и меньше. Наконец он остановился, вылез из люка и стал спускаться по лестнице вниз. Тысячи зрителей приветствовали его аплодисментами.

На этом представление кончилось, и было так жалко уходить из цирка, так жалко, что и сказать нельзя. Я решил: когда вырасту, буду каждый день ходить в цирк. Ну если не каждый день, то хотя бы раз в неделю. Мне это никогда не надоест!

Глава двенадцатая

На другой день я зашёл к Шишкину, чтоб узнать, чем кормить ежа, потому что ёж раздумал погружаться в

спячку. Ночью он проснулся и принялся бродить по комнате, шуршал какими-то бумажками и никому не давал спать. Когда я пришёл, то увидел, что Шишкин лежит на полу посреди комнаты, ноги задрал кверху, а в руках у него чемодан.

— Ты чего на полу валяешься? — спрашиваю я.

— Это я решил сделаться эквилибристом, — говорит он. — Сейчас буду вертеть чемодан ногами.

Он поднял чемодан руками и старался подхватить его ногами, но это ему никак не удавалось.

— Мне бы, — говорит, — его только ногами подхватить. Ну-ка, помоги, возьми чемодан и положи мне на ноги.

Я взял чемодан и положил ему на ноги. Некоторое время он держал его на вытянутых ногах, потом стал потихоньку поворачивать, но тут чемодан соскользнул и полетел на пол.

— Нет, — сказал Шишкин, — так ничего не выйдет! Надо разуться, а то ботинки слишком скользкие.

Он снял ботинки, снова лёг на спину и поднял ноги кверху. Я опять положил ему чемодан на ноги.

— Вот теперь, — сказал Костя, — совсем другое дело! Он опять стал пытаться повернуть его ногами, но тут чемодан

снова полетел вниз и больно стукнул его по животу.

Шишкин схватился за живот и заохал.

— Ох, ох! — говорит. — Так и убиться можно! Этот чемодан слишком тяжёлый. Лучше я что-нибудь другое буду вертеть, полегче.

Стали мы искать что-нибудь другое, полегче. Ничего не нашли. Тогда он снял с дивана подушку, свернул её, как будто трубку, и обвязал потуже верёвкой, словно любительскую колбасу.

— Ну вот, — говорит, — подушка мягкая, если и упадёт, то не ударит больно.

Он снова лёг на пол, и я положил ему эту «колбасу» на ноги. Он опять попробовал её вертеть, но у него все равно ничего не вышло.

— Нет, — сказал он, — лучше я сначала буду учиться ловить её ногами, как тот эквилибрист в цирке. Ты бросай её издали, а я буду подхватывать на ноги.

Я взял подушку, отошёл в сторону — и как брошу! Подушка полетела, но не попала ему на ноги, а попала по голове.

— Ах ты, растяпа! — закричал Шишкин. — Не видишь, куда бросаешь? На ноги надо бросать!

Тогда я взял подушку и бросил ему на ноги. Костя задрогал ногами, но всё-таки не смог её удержать. Так я бросал подушку раз двадцать, и ему удалось один раз её подхватить ногами и удержать.

— Видал? — закричал он. — Прямо как у настоящего циркача получилось!

Я тоже решил попробовать, лёг на спину и стал ловить подушку ногами. Только мне ни разу не удалось её поймать. Наконец я выбился из сил. Спина у меня болела, будто на мне кто-нибудь верхом ездил.

— Ну ладно, — говорит Шишкин, — на сегодня упражнений с подушкой довольно. Давай упражняться со стульями.

Он сел на стул и стал постепенно наклонять его назад, чтоб он стоял только на двух задних ножках. Вот он

наклонял его, наклонял, наконец стул опрокинулся, Шишкин полетел на пол и больно ушибся. Тогда я стал пробовать, не получится ли что-нибудь у меня. Но у меня получилось то же самое: я полетел вместе со стулом на пол и набил на затылке шишку.

— Нам ещё, видно, рано такие упражнения делать, — сказал Костя. — Давай лучше учиться жонглировать.

— Чем же мы будем жонглировать?

— А тарелками, как жонглёры в цирке. Он полез в шкаф и достал две тарелки.

— Вот, — говорит, — ты бросай мне, а я тебе. Как только я брошу свою тарелку, ты сейчас же бросай свою мне, а мою лови, а я твою буду ловить.

— Постой, — говорю, — мы ведь сразу разобьём тарелки, и ничего не выйдет.

— Это правда, — говорит он. — Давай вот что: будем сначала одной тарелкой жонглировать. Когда научимся как следует одну ловить, начнём двумя, потом тремя, потом четырьмя, и так у нас пойдёт, как у настоящих жонглёров.

Мы стали швырять одну тарелку и сейчас же её разбили. Потом взяли другую и тоже разбили.

— Нет, это не годится, — сказал Шишкин. — Так мы перебьём всю посуду, и ничего не выйдет. Надо достать что-нибудь железное.

Он разыскал на кухне небольшой эмалированный тазик. Мы стали жонглировать этим тазиком, но нечаянно попали в окно. Ещё хорошо, что мы совсем не высадили стекло — на нём только получилась трещина.

— Вот так неприятность! — говорит Костя. — Надо что-нибудь придумать.

— Может быть, заклеить трещину бумагой? — предложил я.

— Нет, так ещё хуже будет. Давай вот что: вынем в коридоре стекло и вставим сюда, а это стекло вставим в коридоре. Там никто не заметит, что оно с трещиной.

Мы отковыряли от окна замазку и стали вытаскивать

стекло с трещиной. Трещина увеличилась, и стекло распалось на две части.

— Ничего, — говорит Шишкин. — В коридоре может быть стекло из двух половинок.

Потом мы пошли и вынули стекло из окна в коридоре, но это стекло оказалось немного больше и не влезало в оконную раму в комнате.

— Надо его подрезать, — сказал Шишкин. — Не знаешь, у кого-нибудь из ребят есть алмаз? Я говорю:

— У Васи Ерохина есть, кажется. Пошли мы к Васе Ерохину, взяли у него алмаз, вернулись обратно и стали искать стекло, коего нигде не было.

— Ну вот, — ворчал Шишкин, — теперь стекло потерялось!

Тут он наступил на стекло, которое лежало на полу. Стекло так и затрещало.

— Это какой же дурак стекло положил на пол? — закричал Шишкин.

— Кто же его положил? Ты же и положил, — говорю я.

— А разве не ты?

— Нет, — говорю, — я к нему не прикасался. Не нужно тебе было его на пол класть, потому что на полу оно не видно и на него легко наступить.

— Чего ж ты мне этого не сказал сразу?

— Я и не сообразил тогда.

— Вот из-за твоей несообразительности мне теперь от мамы нагоняй будет! Что теперь делать? Стекло разбилось на пять кусков. Лучше мы его склеим и вставим обратно в коридор, а сюда вставим то, что было, — всё-таки меньше кусков получится.

Мы начали вставлять стекло из кусков в коридоре, но куски не держались. Мы пробовали их склеивать, но было холодно, и клей не застывал. Тогда мы бросили это и стали вставлять стекло в комнате из двух кусков, но Шишкин уронил один кусок на пол, и он разбился вдребезги. Как раз в это время вернулась с работы мать, Шишкин стал ей рассказывать, что тут у нас случилось.

– Ты прямо хуже маленького! – сказала мать. – Тебя страшно одного оставлять дома! Того и гляди, чего-нибудь натворишь!

– Я вставлю, вот увидишь, – говорил Шишкин. – Я все из кусочков сделаю.

– Ещё чего не хватало! Из кусочков! Придётся позвать стекольщика. А это ещё что за осколки?

– Я тарелку разбил, – ответил Шишкин.

– О-о-о! – только сказала мама. Она закрыла глаза и приложила обе руки к вискам, будто у неё заболела вдруг голова.

– Убери это сейчас же – и марш заниматься! Уроки небось и не думал учить! – закричала она.

Мы с Костей собрали с полу осколки и отнесли их в мусорный ящик.

– У тебя мама всё-таки добрая, – сказал я Косте. – Если бы я такого натворил дома, то разговору было бы на целый день.

– Не беспокойся, ещё разговор будет. Вот подожди, скоро придёт тётя Зина, она мне намылит голову. Ещё и тебе попадёт.

Я не стал дожидаться прихода тёти Зины и поскорее ушёл домой.

На другой день я встретил Шишкина на улице утром, и он сказал, что не пойдёт в школу, а пойдёт в амбулаторию, потому что ему кажется, будто он болен. Я пошёл в школу, и, когда Ольга Николаевна спросила, почему нет Шишкина, я сказал, что он сегодня, наверно, не придёт, так как я его встретил на улице и он сказал, что идёт в амбулаторию.

– Проведай его после школы, – сказала Ольга Николаевна.

В этот день у нас был диктант. После школы я сделал сначала уроки, а потом пошёл к Шишкину. Его мама уже вернулась с работы. Шишкин увидел меня и стал делать какие-то знаки: прижимать палец к губам, мотать головой.

Как раз в это время вернулась с работы мать.

Я понял, что мне нужно о чём-то молчать, и вышел с ним в коридор.

— Ты не говори маме, что я не был сегодня в школе, — сказал он.

— А почему ты не был? Что тебе в амбулатории сказали?

— Ничего не сказали.

— Почему?

— Да там врач какой-то бездушный. Я ему говорю, что я болен, а он говорит: «Нет, ты здоров». Я говорю: «Я сегодня так чихал, что у меня чуть голова не оторвалась», а он говорит: «Почихаешь и перестанешь».

— А может, ты и на самом деле не был болен?

— Да, ну конечно, не был.

— Зачем же в амбулаторию пошёл?

— Ну, я утром сказал маме, что болен, а она говорит:

«Если болен, то иди в амбулаторию, а я больше не буду тебе в школу записок писать, ты и так много пропустил».

— Зачем же ты сказал маме, что болен, если вовсе не болен?

— Ну как ты не понимаешь? Ведь Ольга Николаевна сказала, что сегодня будет диктант. Чего же я пойду? Очень мне интересно опять получить двойку!

— Что же ты теперь будешь делать? Ведь завтра Ольга Николаевна спросит, почему ты не пришёл в школу.

— Не знаю, что и делать! Я, наверно, и завтра не пойду в школу, а если Ольга Николаевна спросит, то скажи, что я заболел.

— Слушай, — говорю я, — это ведь глупо. Лучше ты признайся маме и попроси, чтоб она написала записку.

— Ну уж не знаю... Мама сказала, что больше не будет писать никаких записок, чтоб я не приучался прогуливать.

— Что же, — говорю я, — если такой случай вышел. Ты и завтра не пойдёшь и послезавтра — что же это получится? Скажи маме, она поймёт.

– Ну ладно, я скажу, если смелости хватит.

На следующий день Шишкин снова не пришёл в школу, и я понял, что у него не хватило смелости признаться маме.

Ольга Николаевна спросила меня о Шишкине, я сказал, что он болен, а когда она спросила, чем он болен, я придумал, что у него грипп.

Вот как по милости Шишкина я сделался обманщиком. Но не мог же я наябедничать на него, если он просил никому не говорить!

Глава тринадцатая

После занятий я зашёл к Шишкину и рассказал, что мне пришлось из-за него Ольге Николаевне соврать, а он стал рассказывать, как бродил целое утро по городу, вместо того чтоб пойти в школу, потому что побоялся признаться маме, а без записки тоже не мог явиться в школу.

– Что же ты будешь делать? – спрашиваю я. – Ты и сегодня не скажешь маме?

– Не знаю. Я вот что думаю: лучше я в цирк поступлю.

– Как – в цирк? – удивился я.

– Ну, поступлю в цирк и буду артистом.

– Что же ты будешь делать в цирке?

– Ну, что... Что и все артисты делают. Выучу Лобзика считать и буду с ним выступать, как та артистка.

– А вдруг тебя не возьмут?

– Возьмут.

– А как же со школой?

– В школу совсем не буду ходить. Только ты, пожалуйста, не выдавай меня Ольге Николаевне, будь другом!

– Так мама ведь все равно в конце концов узнает, что

ты в школу не ходишь.

– Ну пока она не узнает, а потом, когда я поступлю в цирк, я сам ей скажу, и всё будет в порядке.

– А вдруг тебе не удастся выучить Лобзика?

– Удастся. Почему не удастся? Вот мы сейчас попробуем. Лобзик! – закричал он.

Лобзик подбежал и принялся юлить вокруг. Шишкин достал из буфета сахарницу и сказал:

– Сейчас, Лобзик, ты будешь учиться считать. Если будешь считать хорошо, получишь сахару. Будешь плохо считать – ничего не получишь.

Лобзик увидел сахарницу и облизнулся.

– погоди облизываться. Облизываться будешь потом. Шишкин вынул из сахарницы десять кусков сахару и сказал:

– Будем сначала учиться считать до десяти, а потом и дальше пойдём. Вот у меня десять кусков сахару. Смотри, я буду считать, а ты постарайся запомнить.

Он начал выкладывать перед Лобзиком на табурет куски сахару и громко считал: «Один, два, три...» И так до десяти.

– Вот видишь, всего десять кусков. Понял? Лобзик завилял хвостом и потянулся к сахару. Костя щёлкнул его по носу и сказал:

– Научись сначала считать, а потом тянись к сахару! Я говорю:

– Как же он может научиться сразу до десяти? Этому и ребят не сразу учат.

– Тогда, может, научить его сначала до пяти или до трех?

– Конечно, – говорю, – до трех ему будет легче.

– Ну, давай тогда сначала до двух, – говорит Костя – Ему тогда совсем легко будет.

Он убрал со скамейки весь сахар и оставил только два кусочка.

– Смотри, Лобзик, сейчас здесь только два куска – один, два, вот видишь? Если я заберу один, то останется один. Если положу обратно, то опять будет два. Ну, отвечай, сколько здесь сахара?

Лобзик привстал, помахал хвостом, потом сел на задние лапы и облизнулся.

– Как же ты хочешь, чтоб он ответил? – сказал я. – Кажется, он у нас ещё не выучился говорить по-человечески.

– Зачем по-человечески? Пусть говорит по-собачьи, как та собака в цирке. Гау! Гау! Понимаешь, Лобзик, «гау-гау» – значит «два». Ну, говори «гау-гау»!

Лобзик молча поглядывал то на меня, то на Шишкина.

– Ну, чего же ты молчишь? – сказал Шишкин. – Может быть, не хочешь сахара?

Вместо ответа Лобзик снова потянулся к сахару.

– Нельзя! – закричал Шишкин строго. Лобзик в испуге попятился и принялся молча облизываться.

– Ну, говори «гау-гау»! Говори «гау-гау»! – приставали мы к нему оба.

– Не понимает! – воскликнул с досадой Шишкин. – Надо его как-нибудь раззадорить. Слушай, сейчас я буду дрессировать тебя, а он пусть смотрит и учится.

– Как это ты будешь дрессировать меня? – удивился я.

– Очень просто. Ты становись на четвереньки и лай по-собачьи. Он посмотрит на тебя и выучится.

Я опустился рядом с Лобзиком на четвереньки.

– Ну-ка, отвечай: сколько здесь сахара? – спросил меня Шишкин.

– Гау! Гау! – ответил я громко.

– Молодец! – похвалил меня Шишкин и сунул мне в

рот кусок сахара.

Я принялся грызть сахар и нарочно громко хрустел, чтоб Лобзику стало завидно. А Лобзик с завистью смотрел на меня, и у него даже потекли слюнки.

– Ну, смотри, Лобзик, теперь здесь остался один кусок сахара. Гау – один. Понимаешь? Ну, отвечай: сколько здесь сахара?

Лобзик нетерпеливо фыркнул, зажмурился и стал стучать по полу хвостом.

– Ну отвечай, отвечай! – твердил Шишкин.

Но Лобзик никак не мог догадаться, что ему нужно лаять.

– Эх ты, бестолковый! – сказал ему Шишкин и снова обратился ко мне: – Ну, отвечай ты!

– Гау! – закричал я, и опять кусок сахара очутился у меня во рту.

Лобзик только облизнулся и фыркнул.

– Сейчас мы его раззадорим, – сказал Шишкин. Он снова положил на табурет кусок сахара и сказал:

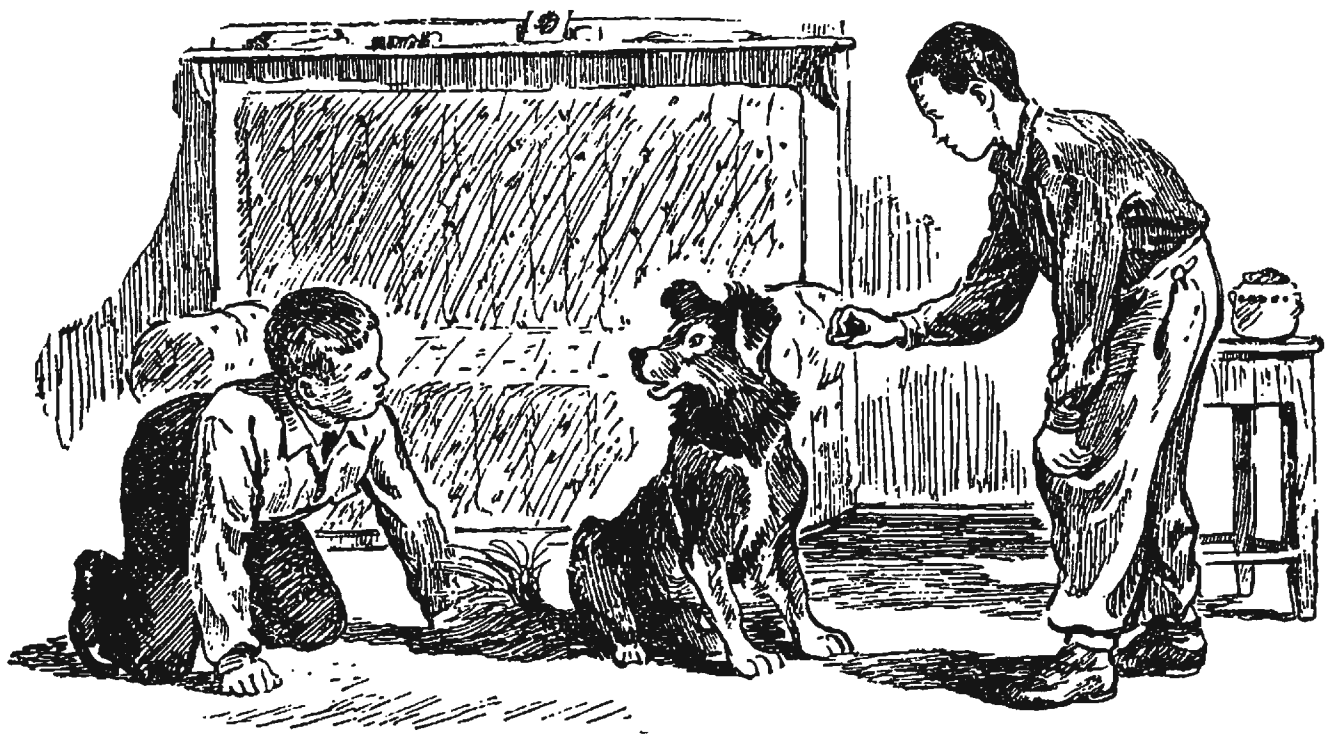
– Вот, кто первый ответит, тот и получит сахар. Ну, считайте.

– Гау! – закричал я.

– Вот молодец! – похвалил Шишкин. – А ты остолоп! Он взял кусок сахара, медленно поднёс к носу Лобзика, пронёс мимо и сунул мне в рот. Я опять громко зачавкал и захрустел сахаром. Лобзик облизнулся, чихнул и смущённо затряс головой.

– Ага, завидно стало! – обрадовался Шишкин. – Кто лает, тот и сахар получает, а кто не лает, тот сидит без сахара. Он снова положил перед Лобзиком кусок сахара и сказал:

– Считай теперь ты.

Лобзик облизнулся, затряс головой, встал, потом сел, фыркнул.

— Ну, считай, считай, иначе не получишь сахару! Лобзик как-то напрягся, подался назад и вдруг как залает.

— Понял! — закричал Шишкин и бросил ему кусок сахару.

Лобзик на лету подхватил сахар и проглотил в два счета.

— Ну-ка, считай ещё раз! — закричал Шишкин.

— Гаф! — ответил Лобзик.

И снова кусок сахару полетел ему в рот.

— Ну-ка, ещё разочек!

— Гаф!

— Понял! — обрадовался Шишкин. — Теперь у нас пойдёт паука.

В это время вернулась мать Шишкина.

— Почему сахарница на столе? — спросила она.

— Это я взял немного сахару, чтоб выучить считать Лобзика.

— Ещё что выдумал!

— Да ты только послушай, как он считает.

Шишкин положил перед Лобзиком кусок сахара и сказал:

— Ну-ка, скажи, Лобзик, маме, сколько здесь кусков сахара?

— Гаф! — ответил Лобзик.

— И это все? — спросила мама.

— Все, — сказал Шишкин.

— Не многому же он у вас научился!

— А что ты хочешь? Ведь Лобзик — не человек Сейчас он научился до одного считать, потом мы научим его до двух, потом — до трех, а там, глядишь, он и все цифры, выучит.

— Глядишь, придётся мне от тебя сахарницу прятать, — сказала мама.

— Я ведь не для себя беру, — обиделся Шишкин. — Я для науки.

— «Для науки»! — усмехнулась мама. — А свои уроки ты сделал?

— Нет ещё, сейчас буду делать.

— Ты ведь обещал, что к моему приходу у тебя всегда будут уроки сделаны.

— Будут, будут! Это я только сегодня забыл из-за Лобзика.

— Ну, смотри же! Если не будешь уроки делать вовремя, то не разрешу тебе брать сахар и сахарницу спрячу.

Мы с Костей засели делать уроки вместе, потому что он ведь даже не знал, что задано, а на другой день принялись продолжать обучение Лобзика.

— Надо учить его не только сахар считать, а чтоб он понимал цифры, — сказал Костя.

Мы взяли кусочек картона, написали на нём цифру «один» и показали Лобзику.

— Вот это, Лобзик, цифра один. Все равно что один кусок сахара, — сказал Шишкин. — Ну, говори: какая это цифра?

– Гаф! – ответил Лобзик.

– Молодец! Это он сразу понял, – обрадовался Шишкин. – Теперь перейдём к цифре два.

Он положил перед Лобзиком два куска и сказал:

– Считай!

– Гаф! – ответил Лобзик.

– Неправильно! Ты говоришь – один, а тут два. Что нужно ответить?

– Гаф! – снова ответил Лобзик.

– «Гаф»! – передразнил его Костя. – Где же тут «гаф», когда здесь «гаф-гаф»? У тебя на плечах что: голова или кочан капусты?

– Гаф! – ответил Лобзик.

– Затвердила сорока Якова одно про всякого! Где ты гут видишь один? – закричал Шишкин. Лобзик в испуге даже попятился.

– Ты не кричи, – говорю я. – С собакой надо вежливо обращаться, потому что она будет бояться и ничему не научиться.

Шишкин снова принялся объяснять Лобзику, что один – это один, а два – это два.

– Ну, считай! – приказал он ему.

– Гаф! – снова тьякнул Лобзик.

– Ещё раз! Ещё! – подсказал я. Лобзик покосился на меня. Я закивал головой и заморгал глазами. Тогда он несмело тьякнул ещё раз.

– Вот теперь – два! – обрадовался Шишкин и бросил ему кусок сахара. – Ну-ка, считай ещё раз. Лобзик пролаял ещё раз.

– Ещё раз! Ещё! – зашептал я снова.

– А ты не подсказывай ему! – говорит Шишкин. – Он сам должен знать. Отвечай, Лобзик! Лобзик пролаял ещё раз.

– Правильно! – сказал Шишкин. – Только ты должен лаять два раза подряд.

Он снова заставил его считать. Лобзик и на этот раз

пролаял раз, а потом увидел, что мы от него ещё чего-то ждём, и пролаял второй раз. Постепенно мы добились, что он лаял два раза подряд, и перешли к цифре «три». Занятия пошли так успешно, что в этот день мы выучили все цифры до десяти, но когда стали на другой день повторять, то оказалось, что у Лобзика все в голове перепуталось. Когда показывали ему цифру «три», он отвечал, что это четыре, или пять, или десять. Когда показывали десять, он говорил, что это два, короче говоря – молот разную чепуху. Костя злился, кричал на Лобзика и воображал, что это он назло ему отвечает неправильно. Иногда Лобзик отвечал правильно, но, наверно, это получалось случайно, а Костя говорил:

– Вот видишь, ответил правильно – значит, знает, какая это цифра, а спроси его в другой раз, ни за что не ответит. Такой прохвост!

Он подозревал, что Лобзику просто надоело учиться и он нарочно даёт неправильные ответы, чтоб к нему не приставали. Вот, например, Костя показывает ему цифру «пять», а Лобзик отвечает, что это четыре.

– Да не четыре, Лобзик, посмотри хорошенько, – говорит ласково Костя.

Лобзик снова отвечает, что это четыре.

– Ну, не глупи, Лобзик, ты же сам видишь, что это не четыре, – уговаривает его Костя.

«Четыре», – упрямо твердит Лобзик.

– Дурак! – начинает сердиться Костя. – Считай правильно, тебе говорят!

«Четыре», – отвечает Лобзик.

– Вот я дам тебе четыре раза по шее, тогда узнаешь, как злить человека! Вот скажи ещё раз четыре, я тебе покажу!

«Четыре», – опять повторяет Лобзик.

– Ты видишь, что он со мной делает? – кипятится Костя. Он берет цифру «четыре» и показывает Лобзику:

– Ну, а это, по-твоему, какая цифра? Лобзик отвечает,

что это пять.

— Вот видишь! — кричал Костя. — Когда ему показывали пять, так он всё время твердил, что это четыре, а когда показали четыре, он говорит, что это пять! А ты говоришь, что он это не назло мне делает! Я знаю, почему он на меня злится. Утром я нечаянно наступил ему на лапу, так он запомнил и теперь мстит мне.

Я не знал, хитрил Лобзик или не хитрил, но было ясно, что из нашей дрессировки никакого толку не вышло. Может быть, мы с Шишкиным были плохие учителя, а может быть, сам Лобзик был никудышный ученик, не способный к арифметике.

— Может быть, лучше признаться маме да идти в школу? — сказал я Косте.

— Нет, нет! Я не могу! Теперь я уже столько прогулял. Мама как узнает, так и не знаю, что с нею будет. Шуточка дело! Если б я один день прогулял.

— Тогда, может быть, рассказать Ольге Николаевне и посоветоваться с ней? — предложил я.

— Нет, мне стыдно говорить Ольге Николаевне.

— Ну, если тебе стыдно, то, может быть, я расскажу ей?

— Ты? Выдавать меня пойдёшь? Знать тебя не хочу больше!

— Зачем, — говорю, — выдавать? Вовсе я не собираюсь тебя выдавать. Ты сам говоришь, что тебе стыдно, ну я бы и сказал, чтоб тебе стыдно не было.

— «Стыдно не было»! — передразнил меня Шишкин. — Да мне в двадцать раз стыдней будет, если ты скажешь! Молчал бы лучше, если ничего не можешь придумать умней!

— Что же делать? — спрашиваю я. — С Лобзиком ничего не вышло. В цирк тебе все равно не поступить. Или ты, может быть, ещё надеешься Лобзика выучить?

— Нет, на него я уже не надеюсь. По-моему, Лобзик — это или отчаянный плут, или круглый осел. Все равно из него никакого толку не будет. Мне надо другую собаку

достать. Или вот что: лучше я акробатом стану.

– Как же ты акробатом станешь?

– Ну, буду кувыркаться и на руках ходить. Я уже пробовал, и у меня немножко получается, только я не могу всё время вверх ногами стоять. Надо, чтоб сначала меня кто-нибудь за ноги держал, а потом я и сам смогу. Вот поддержи меня за ноги, я попробую.

Он встал на четвереньки, я поднял его за ноги кверху, и он стал ходить па руках по комнате, но скоро руки у него устали и подогнулись. Он упал и ударился головой об пол.

– Это ничего, – сказал Шишкин, поднявшись и потирая ушибленную голову. – Постепенно руки у меня окрепнут, и тогда я смогу ходить без посторонней помощи.

– Но ведь па акробата долго учиться надо, – говорю я.

– Ничего, скоро зимние каникулы. Я как-нибудь дотяну до каникул.

– А после каникул что будешь делать? Ведь зимние каникулы скоро кончатся.

– Ну, а там как-нибудь дотяну до летних каникул.

– Это долго тянуть придётся.

– Ничего.

Станный это был человек. На все у него был один ответ:

«Ничего». Стоило ему придумать какое-нибудь дело, и он уже воображал, что дело сделано. Но я-то видел, что все это пустая затея и все его мечты через несколько дней разлетятся, как дым.

Глава четырнадцатая

Костины мама и тётя вовсе не догадывались, что он в школу не ходит. Когда его мама приходила с работы, она первым делом проверяла его уроки, а у него все оказывалось сделано, потому что каждый раз я приходил к нему и говорил, что задано. Шишкин так боялся, чтоб

мама не догадалась о его проделках, что стал делать уроки даже исправнее, чем когда ходил в школу. Утром он брал сумку с книжками и вместо школы отправлялся бродить по городу. Дома он не мог оставаться, так как тётя Зина занималась во второй смене и уходила в училище поздно. Но шататься без толку по улицам тоже было опасно. Однажды он чуть не встретился с нашей учительницей английского языка и поскорей свернул в переулок, чтоб она не увидела его. В другой раз он увидел на улице соседку и спрятался от неё в чужое парадное. Он стал бояться ходить по улицам и забирался куда-нибудь в самые отдалённые кварталы города, чтоб не встретить кого-нибудь из знакомых. Ему всё время казалось, что все прохожие на улице смотрят на него и подозревают, что он нарочно не пошёл в школу. Дни в это время были морозные, и шататься по улицам было холодно поэтому он иногда заходил в какой-нибудь магазин, согревался немножко, а потом шёл дальше.

Я почувствовал, что все это получилось как-то нехорошо, и мне было не по себе. Шишкин ни на минуту не выходил у меня из головы. В классе пустое место за нашей партой всё время напоминало мне о нём. Я представлял себе, как, пока мы сидим в теплом классе, он крадётся по городу совсем один, точно вор, как он прячется от людей в чужие подъезды, как заходит в какой-нибудь магазин, чтоб погреться. От этих мыслей я стал рассеянным в классе и плохо слушал уроки. Дома я тоже всё время думал о нём. Ночью никак не мог уснуть, потому что мне в голову лезли разные мысли, и я старался найти для Шишкина какой-нибудь выход. Если б я рассказал об этом Ольге Николаевне, то Ольга Николаевна сразу вернула бы Шишкина в школу, но я боялся, что тогда все считали бы меня ябедой. Мне очень хотелось поговорить об этом с кем-нибудь, и я решил поговорить с Ликой.

— Слушай, Лика, — спросил я её. — У вас в классе девчонки выдают друг дружку?

— Как это — выдают?

— Ну, если какая-нибудь ученица чего-нибудь натворит, то другая ученица скажет учительнице? Был у вас в классе такой случай?

— Был, — говорит Лика. — Недавно Петрова сломала на окне гортензию, а Антонина Ивановна подумала на Сидорову и хотела наказать её, сказала, чтоб родители пришли в школу. Но я видела, что это Петрова сломала гортензию, и сказала об этом Антонине Ивановне.

— Зачем же тебе нужно было говорить? Значит, ты у нас ябеда!

— Почему — ябеда? Я ведь правду сказала. Если б не я, Антонина Ивановна наказала бы Сидорову, которая совсем не виновата.

— Все равно ябеда, — говорю я. — У нас ребята не выдают друг друга.

— Значит, ваши ребята сваливают один на другого.

— Почему — сваливают?

— Ну, если б ты в классе сломал гортензию, а учительница подумала на другого...

— У нас, — говорю, — гортензии не растут. У нас в классе кактусы.

— Всё равно. Если бы ты сломал кактус, а учительница подумала на Шишкина, и все бы молчали, и ты бы молчал, значит, ты свалил бы на Шишкина.

— А у Шишкина разве языка нету? Он бы сказал, что это не он, — говорю я.

— Он мог сказать, а его всё-таки подозревали бы.

– Ну и пусть подозревали бы. Никто же не может доказать, что это он, раз это не он.

– У нас в классе не такой порядок, – говорит Лика. – Зачем нам, чтоб кого-нибудь напрасно подозревали? Если кто виноват, сам должен признаться, а если не признается, каждый имеет право сказать.

– Значит, у вас там все ябеды.

– Совсем не ябеды. Разве Петрова поступила честно? Антонина Ивановна хочет вместо неё другую наказать, а она сидит и молчит, рада, что на другую подумали. Если б я тоже молчала, значит, я с ней заодно. Разве это честно?

– Ну ладно, – говорю я. – Этот случай совсем особенный. А не было у вас такого случая, чтоб какая-нибудь девочка не явилась в школу, а дома говорила, что в школе была?

– Нет, у нас такого случая не было.

– Конечно, – говорю я. – Разве у вас такое может случиться! У вас там все примерные ученицы.

– Да, – говорит Лика, – у нас класс хороший. А разве у вас был такой случай?

– Нет. У нас, – говорю, – нет. Такого случая ещё не было.

– А почему ты спрашиваешь?

– Так просто. Интересно узнать

Я перестал разговаривать с Ликой, а сам всё время думал о Шишкине. Мне очень хотелось посоветоваться с мамой, но я боялся, что мама сейчас же сообщит об этом в школу, и тогда все пропало. А мама и сама заметила, что со мной что-то неладное творится. Она так внимательно поглядывала на меня иногда, будто знала, что я о чём-то хочу поговорить с ней. Мама всегда знает, когда мне нужно что-то сказать ей. Но она никогда не требует, чтоб я говорил, а ждёт, чтоб я сам сказал. Она говорит: если что-нибудь случилось, то гораздо лучше, если я сам признаюсь, чем если меня заставят это сделать. Не знаю,

как это мама догадывается. Наверное, у меня просто лицо такое, что на нём все как будто написано, что у меня в голове. И вот я так сидел и все поглядывал на маму и думал, сказать ей или не сказать, а мама тоже нет-нет да и взглянет на меня, словно ждёт, чтоб я сказал. И мы долго так переглядывались с ней, и оба только делали вид: я – будто книжку читаю, а она – будто рубашку шьёт. Это, наверно, было бы смешно, если бы мне в голову не лезли грустные мысли о Шишкине.

Наконец-таки мама не вытерпела и, усмехнувшись, сказала:

– Ну, докладывай, что у тебя там?

– Как это – докладывай? – притворился я, будто не понимаю.

– Ну, говори, о чём хочешь сказать.

– О чём же я хочу сказать? Ни о чём я не хочу сказать, – стал я выкручиваться, а сам уже чувствую, что сейчас же обо всём расскажу, и рад, что мама сама об этом заговорила, так как легче сказать, когда тебя спрашивают, чем когда не спрашивают вовсе.

– Будто я не вижу, что ты о чём-то хочешь сказать! Ты уже три дня ходишь как в воду опущенный и воображаешь, что никто этого не замечает. Ну, говори, говори! Все равно ведь скажешь. Что-нибудь в школе случилось?

– Нет, не в школе, – говорю. – Да нет, – говорю, в школе.

– Что, опять небось получил двойку?

– Ничего я не получил.

– Что же с тобой случилось?

– Да это не со мной вовсе. Со мной ничего не случилось.

– С кем же?

– Ну, с Шишкиным.

– А с ним что же?

– Да не хочет учиться.

– Как – не хочет?

– Ну, не хочет, и все!

Тут я увидел, что проговорился, и подумал: «Батюшки, что же я делаю? А вдруг мама завтра же пойдёт в школу и скажет учительнице!»

– Что же, Шишкин уроков не делает? – спросила мама. – Двойки получает?

Я увидел, что не совсем ещё проговорился, и сказал;

– Не делает. По русскому у него двойка. Совсем не хочет по русскому учиться. У него с третьего класса запущено.

– Как же он в четвёртый-то класс перешёл?

– Ну, не знаю, – говорю. – Он к нам из другой школы перевёлся. В третьем классе у нас не учился.

– Почему же учительница не обратит на него внимания? Его подтянуть надо.

– Так он, – говорю, – хитрый, как лисица! Что на дом задано, спишет, а когда в классе диктант или сочинение, не придёт вовсе.

– А ты бы занялся с ним. Ведь думаешь о товарище, огорчаешься из-за него, а помочь не хочешь.

– Поможешь, – говорю, – ему, когда он сам не хочет заниматься!

– Ну, ты растолкуй ему, что учиться надо, подействуй на него. Ты вот сумел взяться за дело сам, а ему помощь нужна. Попадётся ему хороший товарищ, и он выправится, и из него настоящий человек выйдет.

– Разве я ему плохой товарищ? – говорю я.

– Значит, не плохой, если думаешь о нём.

Мне стало очень стыдно, что я не сказал маме всей правды, поэтому я поскорей оделся и пошёл к Шишкину, чтоб поговорить с ним как следует.

Странное дело! Почему-то именно в эти дни я по-настоящему подружился с Шишкиным и по целым дням

думал о нём. Шишкин тоже изо всех сил привязался ко мне. Он скучал по школьным товарищам и говорил, что теперь, кроме меня, у него никого не осталось.

Когда я пришёл, Костя, его мама и тётя Зина сидели за столом и пили чай. Над столом горела электрическая лампочка под большим голубым абажуром, и от этого абажура вокруг было как-то сумрачно, как бывает летним вечером, когда солнышко уже зашло, но на дворе ещё не совсем стемнело. Все очень обрадовались моему приходу. Меня тоже усадили за стол и стали угощать чаем с баранками. Костина мама и тётя Зина принялись расспрашивать меня о моей маме, о папе, о том, где он работает и что делает. Костя молча слушал наш разговор. Он опустил в стакан с чаем половину баранки. Баранка постепенно разбухла в стакане и становилась все толще и толще. Наконец она раздулась почти во весь стакан, а Костя о чём-то задумался и как будто совсем позабыл о ней.

— О чём это ты там задумался? — спросила его мама.

— Так просто. Я думаю о моём папе. Расскажи о нём что-нибудь.

— Что же рассказывать? Я тебе уже все рассказала.

— Ну, ты ещё расскажи.

— Вот любит, чтоб ему об отце рассказывали, а сам ведь и не помнит его, — сказала тётя Зина.

— Нет, я помню.

— Что же ты можешь помнить? Ты был грудным младенцем, когда началась война, и твой папа ушёл на фронт.

— Вот помню, — упрямо повторил Шишкин. — Я помню: я лежал в своей кроватке, а папа подошёл, взял меня на руки, поднял и поцеловал.

— Не можешь ты этого помнить, — ответила тётя Зина. — Тебе тогда три недели от роду было.

— Нет. Папа ведь приходил с войны, когда мне уже год

был.

— Ну, тогда он забежал на минутку домой, когда его часть проходила через наш город. Тебе про это мама рассказывала.

— Нет, я сам помню, — обиженно сказал Костя. — Я спал, потом проснулся, а папа взял меня на руки и поцеловал, а шинель у него была такая шершавая и колючая. Потом он ушёл, и я больше ничего не помню.

— Ребёнок не может помнить, что с ним в год было, — сказала тётя Зина.

— А я помню, — чуть ли не со слезами на глазах сказал Костя. — Правда, мама, я помню? Вот пусть мама скажет!

— Помнишь, помнишь! — успокоила его мама. — Уж если ты запомнил, что шинель была колючая, значит, все хорошо помнишь.

— Конечно, — сказал Шишкин. — Шинель была колючая, и я помню и никогда не забуду, потому что это был мой папа, который на войне погиб.

Шишкин весь вечер был какой-то задумчивый. Я так и не поговорил с ним, о чём хотел, и скоро ушёл домой.

В эту ночь я долго не мог заснуть, все думал о Шишкине. Как было бы хорошо, если бы он учился исправно, ничего бы такого с ним не произошло! Вот я, например: я ведь тоже неважно учился, а потом взял себя в руки и добился чего хотел. Всё-таки мне было, конечно, легче, чем Шишкину: у меня есть отец. Я всегда люблю брать с него пример. Я вижу, как он добивается чего-нибудь по своей работе, и тоже хочу быть таким, как он. А у Шишкина отца нет. Он погиб на войне, когда Костя был совсем маленьким. Мне очень хотелось помочь Косте, и я стал думать, что если бы начать с ним как следует заниматься, то он может выправиться по русскому языку, и тогда учёба у него пойдёт успешно.

Я раз мечтался об этом и решил, что буду заниматься с ним каждый день, но тут же вспомнил, что о занятиях

нечего и мечтать, пока он не вернётся в школу. Я принялся думать, как бы уговорить его, но мне стало понятно, что уговоры тут не помогут, так как Костя слабохарактерный и теперь уже не решится признаться матери.

Мне стало ясно, что с Костей надо действовать твёрдо. Поэтому я решил зайти к нему завтра после школы и поговорить серьёзно. Если он не захочет признаться матери и не вернётся в школу по своей воле, то я пригрожу, что не буду больше врать Ольге Николаевне и не стану его выгораживать, потому что от этого для него получается только вред. Если он не поймёт, что это для его же пользы, то пусть обижается на меня. Ничего! Я перетерплю, а потом он сам увидит, что я не мог поступить иначе, и мы снова подружимся с ним. Как только я это решил, у меня на душе стало легче, и мне сделалось стыдно, что я до сих пор ничего не сказал маме. Я тут же хотел встать и рассказать обо всём, но было поздно, и все давно уже спали.

Глава пятнадцатая

На другой день все вышло не так, как я ожидал. Я хотел после уроков зайти к Шишкину и в последний раз серьёзно поговорить с ним. Но так как я всем говорил в школе, что Шишкин болен, то все наше звено решило навестить больного товарища. Я испугался и сейчас же после уроков помчался к Шишкину, чтоб предупредить его. Прибегаю к нему. Он увидел меня и говорит:

— Знаешь, я могу уже вверх ногами стоять! Нужно стать у стенки, перевернуться и держаться ногами за стенку.

— Некогда, — говорю, — сейчас вверх ногами стоять. Ложись скорее в постель.

— Зачем?

— Ну, ты ведь болен.

– Как – болен?

– Да я ведь всем говорил в школе, что ты болен. Сам ведь просил!

– Ну, просил!

– А теперь вот сейчас к тебе ребята придут.

– Да что ты!

Тут он моментально нырнул в постель, как был, в одежде, в ботинках, и накрылся одеялом.

– Что же мне говорить ребятам? – спрашивает.

– Что ж говорить? Говори, что болен. Больше говорить нечего.

Скоро пришли ребята. Они разделись в коридоре и вошли в комнату. Шишкин натянул одеяло до самого подбородка и с беспокойством поглядывал на ребят.

Ребята говорят:

– Здравствуй, Шишкин!

– Здравствуйте, ребята! – говорит он. А голос у него такой слабый-слабый! Ну, прямо настоящий больной!

– Вот зашли тебя навестить, – сказал Юра.

– Спасибо, ребята, садитесь.

– Ну, как ты себя чувствуешь? – спросил Ваня.

– Да так...

– Лежишь?

– Лежу вот.

– Скучно тебе небось лежать всё время? – спрашивает Лёня.

– Скучно.

– Ты один весь день?

– Один. Мама на работе. Тётя в училище.

– Мы теперь будем к тебе приходить почаще. Ты извини, что мы не приходили: думали – ты скоро выздоровеешь и сам придёшь.

– Ничего, ребята, ко мне Витя каждый день приходит.

– Мы к тебе тоже будем каждый день приходить, хочешь? – предложил Слава.

– Хочу, – говорит Шишкин. Не мог же он сказать – не хочу!

– А что у тебя болит? – спросил Юра.
 – Все болит: и руки и ноги...
 – Что ты? И даже ноги?
 – Да. И голова.
 – И что? Всё время болит?
 – Нет, не всё. То пройдёт, пройдёт, а потом как заболит, заболит!
 – У нас в квартире у одного мальчика тоже вот так все болело. У него ревматизм был, – сказал Вася Ерохин. – Может быть, и у тебя ревматизм?
 – Может быть, – говорит Шишкин.
 – А доктор что говорит? – спросил Ваня.
 – Ну, что он говорит!.. Что ему говорить? Ну, высунь язык, говорит. Скажи «а», говорит.
 – А какая болезнь, не говорит?
 – Болезнь эта вот... как её?.. Апендикокс.
 – Что же это за болезнь такая – апендикокс?
 – Сам не знаю, – пожал Шишкин плечами.
 – А чем тебя лечат?
 – Лекарством.
 – Каким?
 – Не знаю, как называется. Микстура.
 – Горькая или сладкая?
 – Горькая! – сказал Шишкин и скорчил такую физиономию, будто на самом деле микстуры попробовал.
 – Когда я был больной, мне тоже микстуру давали. Ох, и горькую! Я не хотел пить, – сказал Дима Балакирев.
 – Я тоже не хочу.
 – Нет, ты лучше пей, скорей поправишься.
 – Я и то пью.
 – Это ничего, что горькая, – сказал Лёня. – Ты выпей микстуры, а потом ложку сахара в рот.
 – Хорошо.
 – А об уроках не беспокойся. Вот начнёшь поправляться, мы тебе будем уроки носить и помогать учиться. Ты нагонишь.

— Ничего, нагоню! — говорит Шишкин.

Тут я заметил, что из-под одеяла высовывается нога Шишкина в ботинке. Я испугался. Думаю: вдруг кто-нибудь из ребят заметит! Но ребята разговаривали с ним и не замечали ботинка. Я подошёл потихоньку и накрыл одеялом ботинок.

— Ну, ребята, — говорю, — он пока ещё слабый, так что вы не утомляйте его. Идите себе домой.

Ребята стали прощаться:

— Ну, до свиданья. Выздоровливай, поправляйся. Мы к тебе завтра зайдём.

Ребята ушли. Шишкин вскочил с постели и запрыгал по комнате.

— Вот как все хорошо вышло! — закричал он. — Никто не догадался. Все в порядке!

— Ну, нечего радоваться! — сказал я. — Мне с тобой нужно серьёзно поговорить.

— О чём?

– О том, что тебе надо в школу вернуться.

– Я и сам знаю, что надо, а как я теперь могу? Ты же сам видишь, что не могу.

– Ничего я не вижу! Я решил сегодня с тобой в последний раз поговорить: если ты завтра же не придёшь в школу, то я сам скажу Ольге Николаевне, что ты не больной вовсе.

– Зачем? – удивился Костя.

– Затем, что тебе надо учиться, а не гулять. Все равно из тебя никакого акробата не выйдет.

– Почему – не выйдет? Посмотри, как я уже научился вверх ногами стоять!

Он подошёл к стенке и стал вверх ногами. Тут отворилась дверь, и вошёл Лёня.

– Послушай, – говорит, – я тут свои перчатки забыл... А это что? Послушай, ты чего вверх ногами стоишь? Шишкин вскочил на ноги и растерянно остановился.

– Так вот ты какой больной! – воскликнул Лёня.

– Честное слово, больной! – сказал Шишкин и покраснел как варёный рак.

Он заохал и заковылял к постели.

– Брось притворяться! Говорил, руки-ноги болят, а сам тут вверх ногами ходишь!

– Честное слово, болят!

– Ну, не ври, не ври! И когда ты успел одеться? Ты, значит, одетый в постели лежал?

– Ну ладно, я тебе открою секрет, только ты поклянись, что никому не скажешь.

– Зачем я буду клясться?

– Ну, тогда я ничего не скажу.

В это время в коридоре слышались чьи-то шаги. Дверь приоткрылась, в комнату заглянул Ваня и сказал:

– Ты скоро, Лёня? Мы тут тебя все ждём.

– Ну-ка, иди сюда, Ваня! Он, оказывается, вовсе не

болен!

– Не болен? – удивился Ваня и вошёл в комнату.

– Кто не болен? – слышался из коридора голос Юры. Юра тоже вошёл в комнату, а за ним остальные ребята.

– Да кто же ещё! Вот он, Шишкин, не болен, – ответил Лёня.

– Как так?

– Да вот так: вхожу, а он тут вверх ногами стоит!

– Что же это такое? – заговорили ребята. – Зачем ты нас обманывал?

– Это я так просто, ребята... – стал оправдываться Шишкин. – Я просто пошутил.

– Что это ещё за шутки такие?

– Вот такие вот шутки! – развёл Костя руками.

– Мы о нём беспокоились, – говорит Ваня, – всем звеном пришли навестить, а он тут, оказывается, шутки шутит: больным притворяться вздумал!

– Я больше не буду, ребята, вот увидите... – пролепетал Шишкин.

– А почему ты в школу не ходишь? – спросил Юра. – Ты нарочно решил притворяться больным, чтоб не ходить в школу!

– Я вам все расскажу, ребята, только вы не сердитесь. Я не хотел обмануть вас. Просто я решил циркачом стать.

– Как это – циркачом? – удивились все.

– Ну, поступлю в цирк и буду цирковым акробатом.

– Ты что, рехнулся?

– И ничуть не рехнулся.

– Кто же тебя возьмёт в цирк? – спросил Ваня.

– А откуда, ты думаешь, цирковые артисты берутся?

– А почему же ты всё-таки в школу не ходишь?

– Не хочу больше учиться. Я и так уже все знаю.

– Как – всё?

– Ну, все, что нужно цирковому артисту.

– Что же ты думаешь, цирковой артист может неучем быть?

– Почему – неучем? Кое-чему я уже выучился.

– «Выучился»! А пишешь с ошибками! Надо сначала окончить школу, а потом идти в цирковое училище. Цирковой артист тоже должен быть образованным. Ты бы сначала посоветовался с Ольгой Николаевной, – сказал Юра.

– Будто я не знаю, что Ольга Николаевна скажет! – ответил Шишкин.

– По-моему, ребята, он не дело затеял, – сказал Игорь. – Пусть перестанет выдумывать и является завтра в школу.

– А если завтра же не явится, мы скажем Ольге Николаевне, – заявил Юра.

– Ну, и будете ябеды! – ответил Шишкин.

– Не будем, – сказал Юра. – Раз мы предупредили тебя, значит не ябеды.

– Вот попробуй не приди завтра в школу, тогда узнаешь! – сказал Игорь. – Нечего тебе гулять. Надо учиться.

Тут снова слышались шаги в коридоре, и кто-то постучал в дверь. Шишкин, вместо того чтобы отворить, юркнул, как мышь, в постель и накрылся одеялом. Я отворил дверь и увидел Ольгу Николаевну.

– О, да тут все звено! – сказала Ольга Николаевна, входя в комнату. – Решили навестить больного товарища? Все ребята молчали, никто не знал, что сказать. Костя смотрел на Ольгу Николаевну во все глаза и изо всех сил натягивал на себя одеяло, будто решил закутаться в него с головой. Ольга Николаевна подошла к нему:

– Что ж это ты, Костя, расхворался у нас? Что у тебя болит?

– Ничего у него не болит! – сказал Юра. – Он вовсе не болен.

– Как – не болен?

– Ну, не болен, и все!

Шишкин увидел, что теперь уже все равно все пропало. Он вылез из-под одеяла, уселся на кровати и, свесив голову вниз, стал смотреть на пол. Ольга Николаевна обвела взглядом ребят, увидела меня и сказала:

– Почему же ты, Витя, говорил мне, что Костя болен? От стыда я не знал куда деваться.

– Почему же ты молчишь? Ты мне неправду сказал?

– Это не я сказал. Это он сказал, чтоб я сказал. Я и сказал.

– Значит, Костя просил тебя обмануть меня?

– Да, – пролепетал я.

– И ты обманул?

– Обманул.

– И ты думаешь, хорошо сделал?

– Но он ведь просил меня!

– Ты думаешь, что оказал ему хорошую услугу, обманывая меня?

– Нет.

– Почему же ты это сделал?

– Ну, я думал, что нельзя же товарища выдавать!

– Как – выдавать? Это врагу нельзя выдавать, а я разве ваш враг?

Я не знал, что сказать, и молча смотрел на пол.

– Не думала я, что мои ученики считают меня врагом! – сказала Ольга Николаевна.

– Мы не считаем, Ольга Николаевна, – сказал Ваня. – Разве мы считаем?

– Почему же никто не сказал мне?

– Да ведь никто и не знал. Мы только сегодня пришли, и вот все выяснилось.

– Ну хорошо, об этом поговорим после... Почему же ты, Костя, не ходил в школу?

– Я боялся, – пробормотал Костя.

– Чего ты боялся?

– Что вы записку от мамы спросите.

– Какую записку?

– Ну, записку, что я пропустил, когда был диктант.

– Почему же ты пропустил, когда диктант был?

– Боялся.

– Чего?

– Двойку получить боялся.

– Значит, ты нарочно пропустил, когда писали диктант, а потом не приходил, потому что у тебя не было записки от матери?

– Да.

– Что же ты думал делать, когда решил не ходить в школу? – спросила Ольга Николаевна.

– Не знаю.

– Но ведь какие-то планы у тебя были?

– Какие у меня планы!

– Он решил сделаться цирковым акробатом, – сказал Юра.

– В цирковую школу без семилетнего образования не берут. Да ещё там надо лет пять учиться. Не мог же ты сразу стать цирковым артистом! – сказала Ольга Николаевна.

– Не мог, – согласился Шишкин.

– Вот видишь. Не обдумав ничего, так сразу и решил не ходить в школу. Разве так можно? Шишкин молчал.

– Что же ты теперь думаешь делать?

– Не знаю.

– А ты подумай.

Шишкин помолчал, потом взглянул на Ольгу Николаевну исподлобья и сказал:

– Я хочу вернуться в школу!

– Что ж, это самое лучшее, что ты мог придумать. Только условие: ты должен дать обещание, что

исправишься и будешь хорошо учиться.

– Я теперь буду хорошо, – сказал Шишкин.

– Ну смотри. Завтра с утра приходи в школу, а я попрошу директора, чтоб он разрешил тебе продолжать учиться.

– Я приду.

Ольга Николаевна сказала нам всем, чтобы мы шли домой делать уроки.

Костя увидел, что она не собирается уходить, и сказал:

– Ольга Николаевна, я хочу вас попросить: не говорите маме!

– Почему? – спросила Ольга Николаевна.

– Я теперь буду хорошо учиться, только не говорите!

– Значит, ты хочешь продолжать обманывать маму? И ещё хочешь, чтобы я тебе помогала в этом?

– Я не буду больше обманывать маму. Мне так не хочется огорчать её!

– А если мама узнает, что мы с тобой вместе обманывали её? Ведь она будет огорчена ещё больше. Правда?

– Правда.

– Вот видишь, надо маме сказать. Но так как ты обещаешь взяться за учёбу как следует, то я попрошу маму, чтобы она не очень сердилась на тебя.

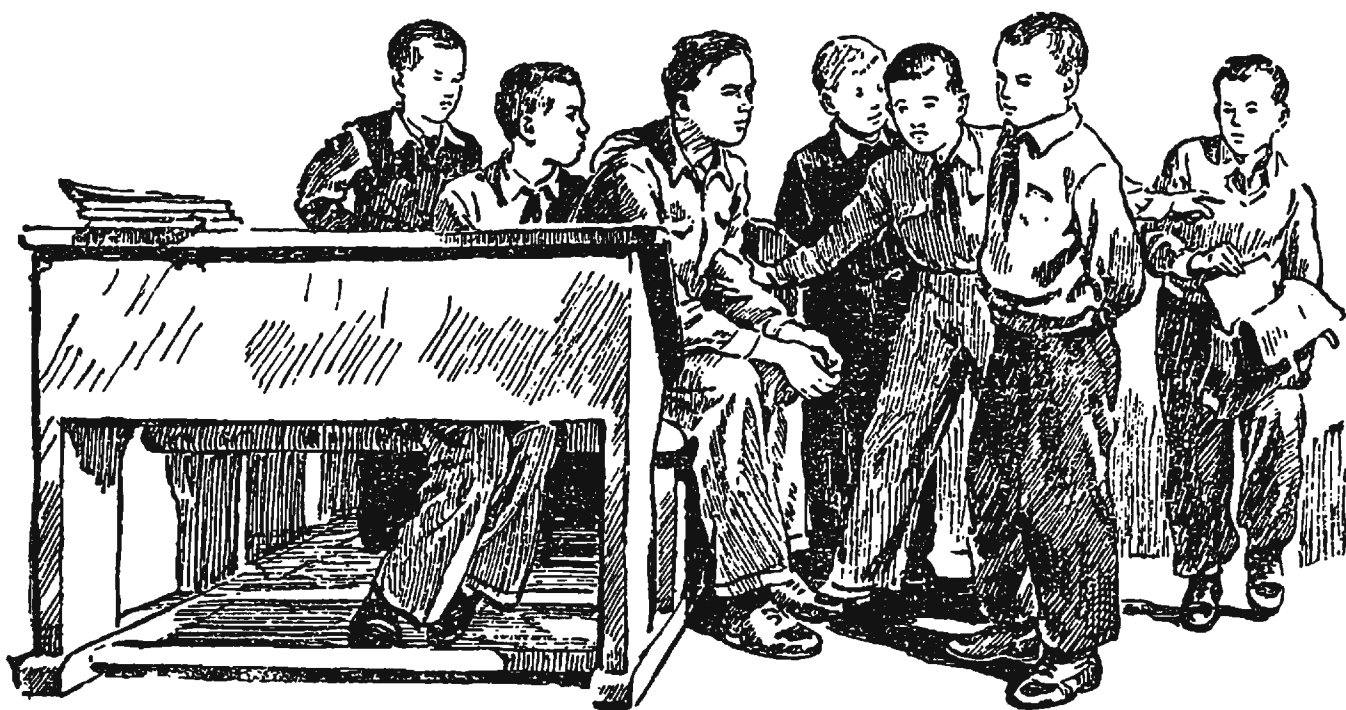
– Я обещаю.

– Вот и договорились, – сказала Ольга Николаевна. – А сейчас бери книги, и будем заниматься.

Я ушёл домой вместе с ребятами и не знаю, что было дальше.

Глава шестнадцатая

И вот на другой день Шишкин явился в класс. Он растерянно улыбался и смущённо поглядывал на ребят, но, видя, что его никто не стыдит, он успокоился и сел рядом со мной.

Пустое место за нашей партой заполнилось, и я почувствовал облегчение, будто у меня в груди тоже что-то заполнилось и стало па своё место.

Ольга Николаевна ничего не сказала Шишкину, и уроки шли как обычно, своим порядком. На перемене к нам пришёл Володя, ребята стали рассказывать ему про этот случай. Я думал, что Володя станет стыдить Шишкина, а Володя вместо этого стал стыдить меня.

— Ты ведь знал, что твой товарищ поступает неправильно, и не помог ему исправить ошибку, — сказал Володя. — Надо было поговорить с ним серьёзно, а если бы он тебя не послушался, надо было сказать учительнице, или мне, или ребятам. А ты от всех скрывал.

— Будто я с ним не говорил! Я сколько раз ему твердил об этом! Что я мог сделать? Он ведь сам решил не ходить в школу.

— А почему решил? Потому что плохо учился. А ты помог ему учиться лучше? Ты ведь знал, что он плохо учится?

— Знал, — говорю. — Это все у него из-за русского языка. Он всегда у меня русский списывал.

— Вот видишь, если б ты по-настоящему заботился о

своём друге, то не давал бы ему списывать. Настоящий друг должен быть требовательным. Какой же ты товарищ, если миришься с тем, что твой друг поступает нехорошо? Такая дружба ненастоящая – это ложная дружба.

Все ребята начали говорить, что я ложный друг, а Володя сказал:

– Давайте после уроков соберёмся, ребята, и поговорим обо всём.

Мы решили собраться после уроков, но, как только занятия кончились, Ольга Николаевна подозвала меня и Шишкина и сказала:

– Костя и Витя, зайдите сейчас к директору. Он хочет поговорить с вами.

– А о чём? – испугался я.

– Вот он вам и расскажет о чём. Да вы идите, не бойтесь! – усмехнулась она.

Мы пришли в кабинет директора, остановились на пороге и сказали:

– Здравствуйте, Игорь Александрович!

Игорь Александрович сидел за столом и что-то писал.

– Здравствуйте, ребята! Заходите и садитесь вот на диван, – сказал он, а сам продолжал писать.

Но мы сесть боялись, потому что диван стоял очень близко возле директора. Стоять возле дверей казалось нам безопаснее. Игорь Александрович кончил писать, снял очки и сказал:

– Садитесь. Чего же вы стоите?

Мы подошли и сели. Диван был кожаный, блестящий. Кожа была скользкая, и я всё время съезжал с дивана, потому что сел с краю, а усесться на нём как следует я не решался. И так я мучился в продолжение всего разговора – а разговор получился длинный! – и от такого сидения устал больше, чем если бы все это время стоял на одной ноге.

– Ну, расскажи, Шишкин, как это тебе пришло в голову стать прогульщиком? – спросил Игорь

Александрович, когда мы сели.

— Не знаю, — замялся Шишкин.

— Гм! — сказал Игорь Александрович. — Кто же об этом может знать, как ты думаешь?

— Н-не знаю, — снова пролепетал Шишкин.

— Может быть, по-твоему, я знаю?

Шишкин исподлобья взглянул на Игоря Александровича, чтоб узнать, не шутит ли он, но лицо у директора было серьёзное. Поэтому он снова ответил:

— Не знаю.

— Что это, братец, у тебя на все один ответ: «Не знаю». Уж если разговаривать, то давай разговаривать серьёзно. Ведь я не просто из любопытства спрашиваю тебя, почему ты не ходил в школу.

— Так просто. Я боялся, — ответил Шишкин.

— Чего же ты боялся?

— Я боялся диктанта и пропустил, а потом боялся, что Ольга Николаевна спросит записку от матери, вот и не приходил.

— Почему же ты боялся диктанта? Что он, такой страшный?

— Я боялся получить двойку.

— Значит, ты плохо готовился по русскому языку?

— Плохо.

— Почему же ты плохо готовился?

— Мне трудно.

— А по другим предметам тебе тоже трудно учиться?

— По другим легче.

— Почему же по русскому трудно?

— Я отстал. Не знаю, как слова писать.

— Так тебе подогнать надо, а ты, наверно, мало по русскому занимаешься?

— Мало.

— Почему же?

— Ну, он у меня не идёт. Историю я прочитаю или географию — и уже знаю, а тут как напишу, так обязательно ошибки будут.

- Что это, братец, у тебя на всё один ответ: <<Не знаю>>.

– Вот тебе и нужно побольше по русскому заниматься. Надо делать не только то, что легко, но и то, что трудно. Если хочешь научиться, то должен и потрудиться. Вот скажи, Малеев, – спросил Игорь Александрович меня, – ты ведь не успевал раньше по арифметике?

– Не успевал.

– А теперь стал лучше учиться?

– Лучше.

– Как же это у тебя вышло?

– А я сам захотел. Мне Ольга Николаевна сказала, чтоб я захотел, и я захотел и принялся добиваться.

– И добился-таки?

– Добился.

– Но тебе ведь сначала было, наверно, трудно?

– Сначала было трудно, а теперь мне совсем легко.

– Вот видишь, Шишкин! Возьми пример с Малеева. Сначала будет трудно, а потом, когда одолеешь трудность, будет легко. Так что берись за дело, и у тебя все выйдет.

– Хорошо, – сказал Шишкин, – я попробую.

– Да тут и пробовать нечего. Надо сразу браться, и дело с концом.

– Ну, я попытаюсь, – ответил Шишкин.

– Это все равно что попробовать, – сказал Игорь Александрович. – Вот и видно, что у тебя нет силы воли. Чего ты боишься? У тебя есть товарищи. Разве они не помогут тебе? Ты, Малеев, ведь друг Шишкина?

– Да, – говорю я.

– Ну, так помоги ему подтянуться по русскому языку. Он очень запустил этот предмет, и ему одному не справиться.

– Это я могу, – говорю, – потому что сам был отстающим и теперь знаю, с какого конца нужно браться за это дело.

– Вот-вот! Значит, попробуешь? – улыбнулся Игорь

Александрович.

– Нет, – говорю, – и пробовать не буду. Сразу начну заниматься с ним.

– Хорошо. Это мне нравится, – сказал Игорь Александрович. – У тебя общественная работа есть?

– Нету, – говорю

– Вот это и будет твоя общественная работа на первое время. Я советовался с Ольгой Николаевной, и она сказала, что ты сумеешь помочь Шишкину. Уж если ты сам себе сумел помочь, то и другому поможешь. Только отнесись к этому делу серьёзно.

– Я буду серьёзно, – ответил я.

– Следи, чтоб он все задания выполнял самостоятельно, вовремя, чтобы все доводил до конца. За него ничего делать не надо. Это будет плохая помощь с твоей стороны. Когда он научится работать сам, у него появится и сила воли и твоя помощь ему уже будет не нужна. Понятно это тебе?

– Понятно, – сказал я.

– А ты, Шишкин, запомни, что все люди должны честно трудиться.

– Но я ведь ещё не трудюсь... не тружусь, – пролепетал. Шишкин.

– Как так не трудишься? А учёба разве не труд? Учёба для тебя и есть самый настоящий труд. Взрослые работают на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, строят электростанции, соединяют каналами реки и моря, орошают пустыни, насаждают леса. Видишь, как много дел!.. А дети учатся в школах, чтобы в будущем стать образованными и, в свою очередь, принести нашей родине как можно больше пользы. Разве ты не хочешь приносить родине пользу?

– Хочу.

– Вот видишь! Но, может быть, ты думаешь, достаточно сказать просто «хочу»? Надо быть стойким,

упорным, без упорства ты ничего не достигнешь.

– Я буду теперь упорным.

– Вот хорошо, – сказал Игорь Александрович. – Надо быть честным. А разве ты честен? Ты обманывал мать, обманывал учительницу, обманывал своих товарищей.

– Я буду честным теперь.

– Постарайся, – сказал Игорь Александрович. – Но это ещё не все. Надо любить своих товарищей.

– Разве я не люблю их? – удивился Шишкин.

– Где же любишь! Бросил их всех и решил без них обойтись. Разве это любовь?

– Но я ведь скучал по ним! – чуть ли не со слезами на глазах воскликнул Шишкин.

– Ну хорошо, что хоть скучал, но будет ещё лучше, если ты будешь чувствовать, что без товарищей тебе не прожить, чтоб даже в голову не приходило бросать их.

– Я буду больше любить, – сказал Шишкин.

– Что же ты делал, голубчик, пока не ходил в школу? – спросил его Игорь Александрович.

Мы рассказали, как учили Лобзика считать. Игорь Александрович очень заинтересовался этим и подробно расспрашивал, как мы это делали.

– Да разве же можно научить собаку считать, как человека? – сказал наконец он.

– А как же считала та собака в цирке? Игорь Александрович засмеялся:

– Та собака вовсе не умела считать. Её выучили только лаять и останавливаться по сигналу. Когда собака пролает столько раз, сколько нужно, дрессировщик даёт ей незаметный для публики сигнал, и собака перестаёт лаять, а публике кажется, что собака сама лает, сколько нужно.

– Какой же сигнал даёт дрессировщик? – спросил Костя.

– Ну, он незаметно кивает головой, или машет рукой, или потихоньку щёлкает пальцами.

– Но наш Лобзик иногда считает правильно и без сигнала, – сказал Костя.

– Собаки очень наблюдательны, – сказал Игорь Александрович. – Ты сам незаметно для себя можешь кивать головой или делать какое-нибудь телодвижение как раз в то время, когда Лобзик пролает столько раз, сколько нужно, вот он подмечает это и старается угадать. Но так как твои телодвижения очень неуловимы, то он и ошибается часто. Для того чтобы он лаял правильно, приучите его к какому-нибудь определённомu сигналу, например щёлкайте пальцами.

– Я возьмусь за это, – сказал Костя. – Только я сначала подтянусь по русскому языку, а потом буду учить Лобзика.

– Вот правильно! А когда у нас будет вечер в школе, можете выступить со своей дрессированной собакой.

Мы так боялись, что Игорь Александрович придумает для нас какое-нибудь наказание, но он, видно, и не собирался наказывать нас, а хотел только объяснить нам, что надо учиться лучше.

Глава семнадцатая

Когда мы вышли из кабинета директора, то увидели, что Володя и все ребята дожидались нас в коридоре. Они моментально окружили нас и стали спрашивать:

– Ну что? Что вам Игорь Александрович сказал? Что вам будет?

– Простил. Теперь уже ничего не будет, – ответил я.

– Ну, вот и хорошо! – обрадовался Толя. – Пойдёмте в пионерскую комнату, поговорим. Надо поговорить.

Мы все гурьбой пошли в пионерскую комнату. Шишкин вошёл последним.

– Иди, иди, Шишкин, не бойся! – говорил Юра. – Никто тебя ругать не будет.

Мы сели вокруг стола, и Володя сказал:

– Теперь поговорим, ребята, как помочь Шишкину. Он плохо учился и в конце концов дошёл до того, что совсем перестал ходить в школу. Но мы все тоже виноваты в этом. Мы не обращали внимания на то, как он учится, и не помогли ему вовремя.

– Мы, конечно, тоже виноваты, – ответил Ваня. – Но и Шишкин должен понять, что надо учиться лучше. Если он не возьмётся теперь, то это опять может плохо кончиться.

– Правда, Шишкин, только ты не обижайся, это опять может плохо кончиться, – сказал Юра. – А мы поможем тебе, честное слово! Все, что надо, сделаем.

– А как помогать? – сказал Леня Астафьев. – Мы ведь ему помощника выделили. Видно, Алик Сорокин плохо занимался с ним, раз такие результаты.

– Может быть, вы и не занимались совсем? – спросил Володя Алика.

– Почему – не занимались? Мы занимались! – ответил Алик.

– Сколько же раз вы занимались?

– Ну, я не помню. Раза два или три.

– Раза два или три? – удивился Юра. – Да ты должен был каждый день заниматься с ним, а не раза два или три. Сам обещал на собрании. Мы тебе это дело доверили, а ты не оправдал доверия!

– Как же я мог оправдать доверие? – сказал Алик. – К нему придёшь, а его дома нет. Или придёшь, а он говорит:

«Я сегодня не в настроении заниматься». Ну, я и бросил.

– Ишь ты, «бросил»! – сказал Юра. – Ты должен был на звене поставить вопрос, чтоб звено помогло. Шишкин у нас неорганизованный. Ты вот хорошо учишься, о себе позаботился, а о товарище позаботиться не захотел... Ну ладно, я тоже виноват, что не проверил тебя.

— Я теперь буду хорошо заниматься с Шишкиным, — сказал Алик. — Я шахматами увлёкся, поэтому так и вышло.

— Нет, — ответил Володя, — больше мы тебе этого дела не доверим.

— Теперь я буду с Шишкиным заниматься, — сказал я. — Мне Игорь Александрович велел.

— Что ж, — сказал Володя, — раз тебя Игорь Александрович назначил, то и мы тебя на это дело выделим. Правда, ребята?

— Конечно, — согласились ребята. — Пусть занимается, раз Игорь Александрович сказал.

Сбор кончился, и мы вышли на улицу. Шишкин по дороге долго молчал, все думал о чём-то, потом сказал:

— Вот, оказывается, какой я скверный! Никакой у меня, силы воли нет! Ни к чему я не способный. Ничего из меня путного не выйдет!

— Нет, почему же? Ты не такой уж скверный, — попробовал я утешить его.

— Нет, не говори, я знаю. Только я сам не хочу быть таким. Я исправлюсь. Вот ты увидишь. Честное слово, исправлюсь! Только ты уж, пожалуйста, помоги мне! Тебе ведь Игорь Александрович велел. Ты не имеешь нрава отказываться!

— Да я и не отказываюсь, — говорю я. — Только ты меня слушайся. Давай начнём заниматься с сегодняшнего же дня. После обеда я приду к тебе, и начнём заниматься.

После обеда я сейчас же отправился к Шишкину и ещё на лестнице услышал собачий лай. Захожу в комнату, смотрю — Лобзик уже сидит на стуле и лает, а Костя щёлкает пальцами у него перед самым носом.

— Это, — говорит, — я его приучаю к сигналу, как Игорь Александрович учил. Давай немножко позанимаемся с Лобзиком, а потом начнём делать уроки. Все равно ведь

Лобзика учить надо.

– Э, брат, – говорю я, – сам сказал, что с Лобзиком начнёшь заниматься после того, как исправишься по русскому языку, и уже передумал.

– Кончено! – закричал Шишкин. – Пошёл вон, Лобзик! Вот, даже смотреть на него не стану, пока не исправлюсь по русскому. Скажи, что я тряпка, если увидишь, что я занимаюсь с Лобзиком. Ну, с чего мы начнём?

– Начнём, – говорю, – с русского.

– А нельзя ли с географии или хотя бы с арифметики?

– Нет, нет, – говорю. – Я уж на собственном опыте знаю, кому с чего начинать. Что нам по русскому задано?

– Да вот, – говорит, – суффиксы «очк» и «ечк», и ещё мне Ольга Николаевна задала повторить правило на безударные гласные и сделать упражнение.

– Вот с этого ты и начнёшь, – сказал я.

– Ну ладно, давай начнём.

– Вот и начинай. Или, может быть, ты думаешь, что я с тобой буду это упражнение делать? Ты все будешь делать сам. Я только проверять тебя буду. Надо приучаться все самому делать.

– Что ж, хорошо, буду приучаться, – вздохнул Шишкин и взялся за книгу.

Он быстро повторил правило и принялся делать упражнение. Это упражнение было очень простое. Нужно было списать примеры и вставить в слова пропущенные буквы. Вот Шишкин писал, писал, а я в это время учил географию и делал вид, что не обращаю на него внимания. Наконец он говорит:

– Готово!

Я посмотрел... Батюшки! У него там ошибок целая куча! Вместо «гора» он написал «гара», вместо «весёлый» написал «виселый», вместо «тяжёлый» – «тижелый».

– Ну-ну! – говорю. – Нарботал же ты тут!

– Что, очень много ошибок сделал?

– Да не так чтоб уж очень много, а, если сказать по правде, порядочно.

– Ну вот! Я так и знал! Мне никогда удачи не будет! – расстроился Костя.

– Здесь не в удаче дело, – говорю я. – Надо знать, как писать. Ты ведь учил правило?

– Учил.

– Ну, скажи: что в правиле говорится?

– В правиле? Да я уж и не помню.

– Как же ты учил, если не помнишь?

Я заставил его снова прочитать правило, в котором говорится о том, что безударные гласные проверяются ударением, и сказал:

– Вот ты написал «тижелый». Почему ты так написал?

– Наверно, «тежелый» надо писать?

– А ты не гадай. Знаешь правило – пользуйся правилом. Измени слово так, чтоб на первом слоге было ударение.

Шишкин стал изменять слово «тяжёлый» и нашёл слово «тяжесть».

– А! – обрадовался он. – Значит, надо писать не «тижелый» и не «тежелый», а «тяжёлый».

– Верно, – говорю я. – Вот теперь возьми и сделай упражнение снова, потому что ты делал его и совсем не пользовался правилом, а от этого никакой пользы не может быть. Всегда надо думать, какую букву писать.

– Ну ладно, в другой раз я буду думать, а сейчас пусть так останется.

– Э, братец, – говорю, – так не годится! Уж если ты обещал слушаться меня, слушайся.

Шишкин со вздохом принялся делать упражнение снова. На этот раз он очень спешил. Буквы у него лепились в тетрадке и вкривь и вкось, валились набок,

подскакивали кверху и заезжали вниз. Видно было, что ему уже надоело заниматься. Тут к нам пришёл Юра. Он увидел, что мы занимаемся, и сказал:

– А, занимаетесь! Вот это хорошо! Что вы тут делаете?

– Упражнение, – говорю. – Ему Ольга Николаевна задала.

Юра заглянул в тетрадь.

– Что же ты тут пишешь? Надо писать «зуб», а ты написал «зуп».

– А какое тут правило? – спрашивает Шишкин. – У меня правило на безударные гласные, а это разве безударная гласная?

– Тут, – говорю, – такое правило, что надо внимательно списывать. Смотри, что в книжке написано? «Зуб»!

– Тут тоже есть правило, – сказал Юра. – Надо изменить слово так, чтобы после согласной, которая слышится неясно, стояла гласная буква. Вот измени слово.

– Как же его изменить? «Зуб» так и будет «зуб».

– А ты подумай. Что у тебя во рту?

– У меня во рту зубы, и язык ещё есть.

– Про язык тебя никто не спрашивает. Вот ты изменил слово: было «зуб», стало «зубы». Что слышится: «б» или «п»?

– Конечно, «б»!

– Значит, и писать надо «зуб». В это время пришёл Ваня. Он увидел, что мы занимаемся, и тоже сказал:

– А, занимаетесь!

– Занимаемся, – говорим.

– Молодцы! За это вам весь класс скажет спасибо.

– Ещё чего не хватало! – ответил Шишкин. – Каждый ученик обязан хорошо учиться, так что спасибо тут не за что говорить.

– Ну, это я так просто сказал. Весь класс хочет, чтоб все хорошо учились, а раз вы учитесь, значит, всё будет хорошо.

Тут опять отворилась дверь, и вошёл Вася Ерохин.

– А, занимаетесь! – говорит.

– Что это такое? – говорю я. – Каждый приходит и говорит: «А, занимаетесь», будто мы первый раз в жизни занимаемся, а до этого и не учились вовсе!

– Да я не про тебя говорю, я про Шишкина, – ответил Вася.

– А Шишкин что? Будто он совсем не учился? У него по всем предметам не такие уж плохие отметки, только по русскому...

– Ну, не сердись, я так просто сказал. Я думал, что он не занимается, а он занимается, вот я и сказал

– Мог бы хоть что-нибудь другое сказать. Будто других слов нет на свете!

– Откуда же я знал, что это вас так обидит? По-моему, ничего тут обидного нет.

Тут снова отворилась дверь, и на пороге появился Алик Сорокин.

– Сейчас тоже, наверно, скажет: «А, занимаетесь!» – прошептал Шишкин.

– А, занимаетесь! – улыбнулся Алик Сорокин. Мы все чуть «от смеха не лопнули».

– Чего вы смеётесь? Что я такого смешного сказал? – смутился Алик.

– Да ничего. Мы не над тобой смеёмся, – ответил я. – А ты чего пришёл?

– Так просто. Думал, может, моя помощь понадобится.

– Может быть, и шахматы с собой захватил? – спросил я.

– Ах, я, растяпа! Забыл шахматы захватить! Вот бы мы и сыграли тут!

– Нет, ты уж с шахматами лучше уходи отсюда подальше, – сказал Юра. – Пойдёмте домой, ребята, не будем им мешать заниматься.

Ребята ушли.

– Это они приходили проверить, учимся мы или нет, – сказал Костя.

– Ну и что же? – говорю я. – Ничего тут обидного нет.

– Что же тут обидного? Я и не говорю. Ребята хорошие, заботливые.

– А Ольга Николаевна сказала маме, что ты не ходил в школу? – спросил я Костю.

– Сказала. И маме сказала и тёте Зине сказала! Знаешь, какая мне за это была головомойка! Ох, и стыдили меня – век помнить буду! Но ничего! Я и то рад, что все теперь кончилось. Я так мучился, пока не ходил в школу. Чего я только не передумал за эти дни! Все ребята как ребята: утром встанут – в школу идут, а я как бездомный щепок таскаюсь по всему городу, а в голове мысли разные. И маму жалко! Разве мне хочется её обманывать? А вот обманываю и обманываю и остановиться уже не могу. Другие матери гордятся своими детьми, а я такой, что и гордиться мною нельзя. И не видно было конца моим мучениям: чем дальше, тем хуже!

– Что-то я не заметил, чтоб ты так мучился, – говорю я.

– Да что ты! Конечно, мучился! Это я только так, делал вид, будто мне все нипочём, а у самого на душе кошки скребут!

– Зачем же ты делал вид?

– Да так. Ты придёшь, начнёшь укорять меня, а мне, понимаешь, стыдно, вот я и делаю вид, что все хорошо, будто все так, как надо. Ну, теперь конец этому, больше уже не повторится. Как будто буря надо мной пронеслась, а теперь все тихо, спокойно. Мне только надо стараться учиться получше.

– Вот и старайся, – сказал я.

– Я и то уже начал стараться.

Глава восемнадцатая

На следующий день Ольга Николаевна проверила упражнение, которое задала Косте на дом, и нашла у него ошибки, каких даже я не заметил. Пропущенные буквы в словах он написал в конце концов правильно, потому что я за этим следил, а ошибок наделал просто при списывании. То букву пропустит, то не допишет слово, то вместо одной буквы другую напишет. Вместо «кастрюля» у него получилась «карюля», вместо «опилки» — «окилки».

— Это у тебя от невнимательности, — сказала Ольга Николаевна. — А невнимательность оттого, что ещё нет, наверно, охоты заниматься как следует. Сразу видно, что ты очень торопишься. Спешешь, как бы поскорей отделаться от уроков.

— Да нет, я не очень спешу, — сказал Костя.

— Как же не спешешь? А почему у тебя буквы такие некрасивые? Посмотри: и косые и кривые, так и валяются на стороны. Если б ты старался, то и писал бы лучше. Если ученик делает урок прилежно, с усердием, то обращает внимание не только на ошибки, но и на то, чтобы было аккуратно, красиво написано. Вот и сознайся, что охоты у тебя ещё нет.

— У меня есть охота, только вот не хватает силы воли, чтоб заставить себя усидчиво заниматься. Мне все хочется сделать поскорей почему-то. Сам не знаю почему!

— А потому, что ты ещё не понял, что все достигается лишь упорным трудом. Без упорного труда не будет у тебя и силы воли и недостатков своих не исправишь, — сказала Ольга Николаевна.

С тех пор по Костиной тетрадке можно было наблюдать, как он боролся со своей слабой волей. Иногда упражнение у него начиналось красивыми, ровными буквами, на которые просто приятно было смотреть. Это значило, что вначале воля у него была сильная и он

садился за уроки с большим желанием начать учиться как следует, но постепенно воля его слабела, буквы начинали приплясывать, налезать друг на дружку, валиться из стороны в сторону и постепенно превращались в какие-то непонятные кривульки, даже трудно было разобрать, что написано. Иногда получалось наоборот: упражнение начиналось кривульками. Сразу было видно, что Косте хотелось как можно скорее покончить с этим неинтересным делом, но, по мере того как он писал, воля его крепла, буквы становились стройнее, и кончалось упражнение с такой сильной волей, что казалось, будто начал писать один человек, а кончил совсем другой.

Но всё это было полбеда. Главная беда была – это ошибки. Он по-прежнему делал много ошибок, и, когда был диктант в классе, он опять получил двойку.

Все ребята надеялись, что Костя на этот раз получит хоть тройку, так как все знали, что он взялся за учёбу серьёзно, и поэтому все были очень огорчены.

– Ну-ка, расскажи, Витя, как вы занимаетесь с Костей, – сказал Юра на перемене.

– Как занимаемся? Мы хорошо занимаемся

– Где же хорошо? Почему он до сих пор не исправился?

– Я же не виноват, что так получается! Я с ним каждый день занимаюсь.

– Почему же до сих пор нет никаких сдвигов?

– Я же не виноват, что нет сдвигов! Просто ещё мало времени прошло.

– Как – мало времени? Уже две недели прошло. Просто ты не умеешь заставить Шишкина работать по-настоящему. Придётся тебя сменить. Вот мы попросим Ольгу Николаевну, чтоб она выделила вместо тебя Ваню Пахомова. Он сумеет заставить Шишкина работать побольше.

– Ну, уж это извините! – говорю я. – Меня сам Игорь Александрович назначил. Вы не имеете права меня

сменять.

– Ничего. Завтра мы поговорим с Ольгой Николаевной. Думаешь, если тебя Игорь Александрович назначил, так на тебя и управы нет?

– Уступи, Малеев, – скачал Лёня Астафьев. – Все равно Ольга Николаевна сменит тебя. Ты не справился. Ваня лучше тебя будет заниматься

– Конечно, лучше, – сказал Юра.

– Это ещё неизвестно, – говорю я.

– Ну что ты споришь? Сам видишь, какие результаты. Тут и другие ребята стали говорить, чтоб я уступил, но я заупрямился, как козёл:

– Нет, пусть меня Ольга Николаевна сменяет, а сам я не уступлю.

– Ну и сменит тебя Ольга Николаевна. Тебе же хуже будет, – сказали ребята.

Не знаю, почему меня такое упрямство одолело. Я и сам чувствовал, что не надо настаивать, раз вышло такое дело и Шишкин получил двойку. Если б на моём месте был кто-нибудь другой, может быть, всё было бы совсем не так, а иначе. Ну что ж, ничего не поделаешь!

В этот день мы с Шишкиным были очень огорчены.

– Мы занимаемся с тобой сегодня в последний раз. Завтра

Ольга Николаевна, наверно, сменит меня, – сказал я, когда пришёл к нему после школы.

– А может быть, Ольга Николаевна и не сменит, – сказал Костя.

– Да нет, – говорю. – Все равно от меня, видно, мало толку. Наверно, я не умею учить. Мне только обидно, что Игорь Александрович будет недоволен. Я обещал ему подтянуть тебя, а тут видишь что вышло. И ещё он сказал, что это мне как общественная работа. Значит, я с общественной работой не справился и не будет у меня никакого авторитета.

– А может быть, это вовсе и не ты виноват? Может

быть, это я сам виноват? – сказал Костя. – Надо мне было лучше учиться. Ты знаешь, я тебе открою секрет: это я сам виноват. Я всегда спешил, торопился, вот и писал плохо и делал много ошибок. Если бы я не торопился, то учился бы лучше.

– Почему же ты торопился?

– Ну, я тебе открою секрет: мне хотелось каждый раз поскорей отделаться от уроков и начать учить Лобзика.

– И ты его учил?

– Учил.

– А, – говорю. – То-то у тебя буквы то такие, то этакие. Значит, ты писал, а сам думал не о том, что пишешь, а о своём Лобзике.

– Ну, вроде этого. Я и о том думал и о другом. Поэтому, наверно, такие результаты.

– Результаты... – говорю я, – никаких результатов нет. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Надо было одного зайца ловить.

– Ну, одного зайца-то я поймал.

– Какого?

– Ну, Лобзика-то я выучил. Сейчас увидишь. Лобзик, иди сюда!

Лобзик подбежал к нему. Костя показал ему табличку с цифрой «три».

– Ну-ка, скажи, Лобзик, какая это цифра? Лобзик пролаял три раза.

– А это?

Костя показал ему цифру «пять». Лобзик пролаял пять раз.

– Видишь, я потихоньку щёлкаю пальцами, и он знает, когда нужно останавливаться.

– Как же ты этого добился? – спросил я.

– Сначала он никак не хотел понимать сигнала. Тогда я стал делать так: как только он пролаял столько раз, сколько нужно, я бросаю ему кусочек сахара, колбасы или хлеба и в это же время щёлкаю пальцами. Лобзик

бросается ловить подачку и перестаёт лаять. Так я приучал его несколько дней, а потом попробовал только щёлкать пальцами и ничего не давал. Лобзик все равно останавливался, так как привык в это время получать что-нибудь вкусное. Как услышит щелчок, так сейчас же перестаёт лаять и ждёт, чтоб я чего-нибудь дал. Сначала я щёлкал громко, но постепенно приучил к тихим щелчкам.

— Ну вот, — говорю, — значит, ты, вместо того чтоб самому выучиться, собаку выучил!

— Да, — говорит, — у меня все как-то шиворот-навыворот получается. Безвольный я человек! Ну, теперь уже все равно я его выучил и буду сам как следует заниматься. Больше ничто мне мешать не будет, вот увидишь!

— Увижу, — говорю. — Только теперь уже не я это увижу, а Ваня.

На другой день Костя собрал все упражнения, которые ему задавала на дом Ольга Николаевна, и понёс в школу. Он показал все это Ольге Николаевне и сказал:

— Ольга Николаевна, вот это все упражнения, которые вы мне задавали. Вот тут вот, смотрите, хорошие, а вот тут плохие. Это, если я делал упражнение плохо, Витя заставлял меня переделывать снова. Скажите, разве он плохо со мной занимался?

— Я знаю, что Витя хорошо с тобой занимается, — сказала Ольга Николаевна. — Но ты и сам должен быть старательнее. Нужно отнестись к делу ещё серьёзнее. Витя тебе помогает, но учиться за тебя ведь он не может. Ты сам должен учиться.

— Я сам буду учиться, Ольга Николаевна, только разрешите, чтоб Витя помогал мне. Он уже столько времени потратил со мной.

— Хорошо, пусть помогает. Я вижу, что Витя добросовестно занимается с тобой. Скоро каникулы, вот вы вместе зайдите ко мне в первый же день. Я тебе дам задание на каникулы, а Вите расскажу, как заниматься с

тобой, чтоб были лучшие результаты.

Мы обрадовались, когда услышали, что Ольга Николаевна согласна, чтоб я продолжал заниматься с Костей, а Костя сказал:

— Ольга Николаевна, у нас ещё есть дрессированная собака Лобзик. Разрешите нам выступить с этой собакой на новогоднем вечере.

— А что ваша собака умеет делать?

— Она арифметику знает. Умеет считать, как та собака, которую мы видели в цирке.

— Кто же её выучил?

— Мы сами.

— Ну хорошо. Приводите её на новогодний вечер. Я думаю, всем ребятам будет интересно посмотреть на учёную собаку.

Глава девятнадцатая

Мне было очень досадно, что Костя без меня выучил Лобзика, так как мне тоже было интересно его учить, но теперь уже все равно ничего не поделаешь.

— Ты не горюй, — сказал Костя. — Когда-нибудь я встречу на улице ещё какую-нибудь бездомную собаку и подарю тебе, тогда ты сам сможешь её выучить.

— Самому мне неинтересно, — ответил я. — Я люблю все в компании делать, а один я возиться не стану.

— Ну, я ведь буду помогать тебе учить её. Мы вместе будем дрессировать, и у тебя тоже будет учёная собака.

— Нет, — говорю, — это не годится. Как только появится новая собака, ты начнёшь с ней заниматься, вместо того чтобы делать уроки. Лучше отложим это дело до лета.

— Ну ладно, если не хочешь, отложим. А ребятам скажем, что Лобзик — это наш с тобой ученик. Мы ведь начали учить его вместе. И будем вместе выступать с ним на новогоднем вечере.

— А вдруг он испугается, когда попадёт на сцену? —

говорю я. – Надо заранее приучить его, чтоб он не пугался людей.

– Как же его приучить?

– Надо повести его куда-нибудь, где побольше людей. Вот окончим уроки и поведём его к нам, покажем нашим, как он умеет считать.

Когда мы кончили делать уроки, Костя надел на Лобзика ошейник, привязал к ошейнику поводок, и мы отправились ко мне. Как раз в это время к нам пришли тётя Надя и дядя Серёжа.

– Сейчас мы покажем вам учёную собаку, – сказал я. – Садитесь все на места, как в театре, и смотрите внимательно.

Мы посадили Лобзика на табурет. Костя достал из кармана таблички с цифрами и стал приказывать Лобзику считать. Лобзик лаял исправно. Тут мне в голову пришла замечательная мысль. Я не стал показывать Лобзику никакой цифры, а просто спросил:

– Ну-ка, Лобзик, сколько будет дважды два? Лобзик пролаял четыре раза. Конечно, я вовремя щёлкнул пальцами.

Лица обрадовались:

– Ого! Он даже таблицу умножения знает! Все хвалили нас за то, что мы так хорошо выучили собаку, а мы сказали, что будем выступать с Лобзиком на новогоднем вечере в школе.

– А у вас костюмы для выступления есть? – спросила Лица.

– Ну, уж будто нельзя без костюмов, – говорю я.

– Без костюмов неинтересно, – сказала Лица. – Лучше я вам разноцветные колпаки сделаю. Вы будете в этих колпаках, как два клоуна в цирке.

– Из чего же ты сделаешь колпаки?

– У меня разноцветная бумага есть. Я купила для ёлочных украшений.

– Ну, – говорю, – делай. С колпаками даже ещё лучше будет.

– А нельзя ли Лобзику тоже сделать колпак? – спросил Костя.

– Нет, Лобзик будет очень смешной в колпаке. Лучше я ему сделаю воротничок из золотой бумаги.

– Ладно, Делай что хочешь, – говорю я.

– Теперь пойдём к Глебу Скамейкину, покажем ему, как наш Лобзик умеет считать, – предложил Костя.

Мы пошли к Глебу, от Глеба – к Юре, от Юры – к Толе. Везде мы показывали искусство Лобзика, и за это Лобзик получал разные вкусные вещи. Наконец мы отправились к Ване Пахомову, а у Ваниных родителей как раз были гости. Мы оба радовались и решили, что у нас получится настоящая репетиция. Но напрасно мы радовались. Мы осрамились так, что не знали, куда от стыда деваться. Лобзик, вместо того чтоб отвечать правильно, начал путать и врать. Ни одной цифры не назвал правильно! Наконец совсем перестал отвечать. А мыто расхвастались, что привели учёную собаку-математика! Пришлось нам уйти с позором.

– Что же это случилось с ним? – сказал Костя, когда мы вышли на улицу.

Он дал Лобзику кусочек сахара, но Лобзик только разгрыз его и тут же выплюнул.

– Теперь понятно, – сказал я. – Мы просто обкормили его. Он объелся, поэтому и не старается отвечать правильно. Костя сказал:

– А вдруг во время представления в школе такая штука случится? Вот будет позор на всю школу! Может быть, нам лучше не выступать?

– Нет, – говорю, – теперь уже поздно отказываться. Раз взялись, так надо до конца довести.

Целый день накануне Нового года Костя волновался и все пытался дрессировать Лобзика.

– Оставь его в покое, – сказал я. – Опять ты ему надоешь за день, а когда будет нужно, он не захочет отвечать.

– Ладно, не буду его больше трогать. Иди отдыхай, Лобзик!

Мы оставили Лобзика в покое, а сами стали готовиться к представлению. Лика приготовила нам два колпака: мне – синий с серебряными звёздочками, а Косте – зелёный с золотыми звёздами. Кроме того, она сделала нам серебряные воротники и золотые манжеты на рукава. Мы все это примерили и остались очень довольны. Получилось прямо как два настоящих клоуна в цирке. Лобзику тоже был сделан золотой воротник.

Наконец время пришло, и мы отправились с Лобзиком в школу. Пока шло первое отделение концерта, мы сидели с Лобзиком в зале, чтоб он привыкал к публике, а потом пошли за кулисы и стали ждать своей очереди. Так мы посмотрели выступления всех ребят и ничего не пропустили. Мы заранее нарядились в свои колпаки, надели Лобзику на шею воротничок. И вот занавес открылся, и все увидели, как мы с Костей вышли на сцену в своих разноцветных колпаках. Костя шёл впереди, за ним бежал на поводке Лобзик, а я шёл сзади, и в руках у меня был чемоданчик, где лежали все вещи, которые мы приготовили для представления. Костя посадил Лобзика на табурет посреди сцены и сказал:

– Дорогие ребята, сейчас перед вами выступит учёная собака-математик, по имени Лобзик. Пока она выучилась считать до десяти, но она будет учиться дальше, и тогда мы вам её снова покажем. Мы просим, чтоб вы вели себя тихо, потому что наш Лобзик выступает на сцене впервые и может испугаться шума.

Костя, видно, очень волновался, и голос у него дрожал. Я тоже волновался, и если бы мне пришлось говорить, то я, наверно, не смог бы сказать ни одного слова.

– Ну, начинаем представление, – закончил Костя.

Я достал из чемодана три деревянные чурки и поставил их рядышком на столе, так, чтоб было всем видно.

– Сейчас Лобзик сосчитает, сколько на столе чурок, – объявил Костя. – Ну, считай, Лобзик!

Лобзик пролаял три раза.

Ребята громко захлопали в ладоши и закричали от радости. Лобзик испугался, соскочил с табурета и бросился бежать. Костя догнал его, сунул в рот ему кусок сахара и посадил обратно на табурет. Лобзик принялся грызть сахар. Ребята постепенно утихли. Я достал из чемодана ещё одну чурку и поставил рядом с остальными.

– Ну, а теперь сколько чурок? – спросил Костя.

Лобзик пролаял четыре раза.

Ребята снова дружно захлопали. Лобзик опять хотел соскочить с табурета, но Костя вовремя подхватил его и сунул ему в рот кусок сахара.

Я поставил на стол ещё три чурки.

– А теперь сколько стало чурок? – спросил Костя. Лобзик пролаял семь раз.

Я достал из чемодана табличку с цифрой «2» и показал публике.

– Какая это цифра? – спросил Костя. Лобзик пролаял два раза.

Мы стали показывать Лобзику разные цифры; потом Костя спрашивал:

– Сколько будет дважды два? Сколько будет дважды три? Сколько будет три плюс четыре?

Лобзик отвечал правильно. Ребята всё время хлопали в ладоши, но Лобзик постепенно привык к аплодисментам и уже не пугался. Я тоже перестал волноваться и сказал:

– Ребята, наш Лобзик умеет даже задачи решать. Кто хочет, может задать какую-нибудь задачку, чтоб были небольшие числа, и Лобзик решит.

Тут встал один мальчик и задал такую задачу: «Бутылка и пробка стоят 10 копеек. Бутылка на 8 копеек дороже пробки. Сколько стоит бутылка и сколько пробка?»

— Ну, Лобзик, — говорю, — подумай и реши задачу.

Конечно, Лобзику нечего было думать. Это я говорил так, чтобы самому подумать. Я быстро решил задачу: пробка стоила 2 копейки, бутылка 8 копеек, а вместе 10 копеек.

— Ну, Лобзик, говори: сколько стоит пробка? — спросил я.

Лобзик пролаял два раза.

— А бутылка?

Лобзик пролаял восемь раз. Ну и крик тут поднялся!

— Неправильно! — кричали ребята. — Собака ошиблась!

— Почему неправильно? — говорю я. — Вместе ведь стоят 10 копеек. Значит, бутылка 8 копеек, а пробка 2.

– Как же? Ведь в задаче сказано, что бутылка на 8 копеек дороже пробки. Если пробка стоит 2 копейки, то бутылка должна стоять 10 копеек, а они вместе стоят 10 копеек, – объяснили ребята.

Тут я сообразил, что ошибся, и говорю:

– Слушай, Лобзик, ты ошибся. Подумай хорошенько и реши задачу правильно.

Конечно, это мне самому надо было подумать, а не Лобзику, но я сказал:

– Подождите, ребята, сейчас он подумает и решит правильно.

– Пусть думает, – закричали ребята. – Не надо его торопить. Для собаки эта задача, конечно, трудная.

Я стал думать: «Если бутылка на 8 копеек дороже пробки, то пробка, значит, стоит 2 копейки, а бутылка 10. Но в таком случае они вместе будут стоять 12 копеек, а в задаче сказано, что вместе они стоят 10 копеек. Если же пробка стоит 2 копейки, а бутылка 8 копеек, то выходит, что бутылка всего на 6 копеек дороже». Прямо затмение на меня нашло! Что это за задача такая? Не задача, а какой-то заколдованный круг!

– Подождите ещё, ребята, – говорю я. – Ему ещё немного надо подумать. Сейчас он решит.

– Ничего, пусть думает! – закричали ребята. – Собака ведь не человек. Не может же она сразу.

«Да, – думаю, – тут и человек не может сразу решить, не то что собака!»

Стал снова думать.

– Эх ты, чудак! – прошептал Костя. – Пробка ведь стоит копейку!

Тут я сообразил, в чём дело: пробка стоит копейку, а бутылка на 8 копеек дороже, значит 9, а вместе – 10.

– Есть! – закричал я. – Внимание! Сейчас Лобзик ответит правильно.

Ребята затихли.

– Ну отвечай, Лобзик, сколько стоит пробка? Лобзик пролаял один раз.

– Ура! – закричали ребята.

– Тише, – говорю я. – Ещё не вся задача. Пусть теперь скажет, сколько стоит бутылка.

Лобзик пролаял девять раз. Ну и шум тут поднялся! Ребята хлопали в ладоши и громко кричали.

– Вот так собака! – говорили они. – Хоть ошиблась, но в конце концов решила задачу правильно. На этом представление окончилось.

Глава двадцатая

И вот наступил Новый год и начались зимние каникулы. Во всех домах красовались нарядные ёлки. Настроение у всех было весёлое, праздничное. У нас с Костей тоже было праздничное настроение, но мы решили не только гулять во время каникул, а и заниматься.

В первый же день мы пошли к Ольге Николаевне и получили у неё задание на каникулы.

У Кости появилась такая охота к учению, что он согласен был учиться по целым дням, но я решил, что мы будем работать по два часа в день, остальное время гулять, отдыхать или книжки читать.

Так мы занимались с ним каждый день, и Костя начал понемногу выправляться. Когда каникулы кончились, у нас вскоре был диктант, и Костя получил за него тройку. Он был так рад, будто это была не тройка, а самая настоящая пятёрка.

– Чего ты так радуешься? – сказал я ему. – Тройка не такая уж замечательная отметка.

– Ничего, сейчас для меня хороша и тройка. Я уже

давно тройки по письму не получал. Но я на этом не успокоюсь. Вот увидишь, в следующий раз получу четвёрку, а там и до пятёрки доберусь.

— Конечно, доберёшься, — сказал ему Юра. — Но ты сейчас ещё о пятёрке не думай, а скорей получай четвёрку, тогда у нас в классе ни одного троечника не будет.

— Не беспокойся, — ответил Костя, — всё будет в порядке. Теперь уже класс не будет за меня краснеть. Я теперь понял, что каждый должен бороться за честь своего класса. Я и то уже поборолся как следует, а теперь уже совсем немножко осталось.

Ольга Николаевна тоже была рада, что Шишкин стал лучше учиться.

— Пора вам, ребята, включаться в общественную работу, — сказала она нам. — Все что-нибудь делают на общую пользу, только вы ничем не заняты.

— Теперь мы тоже возьмём какую-нибудь работу, — говорю я.

— Возьмём, — говорит Костя. — Я уже давно хочу работать в стенгазете, да меня все не выбирают в редколлегию.

— Правда, — говорю я. — Пусть нас выберут в редколлегию стенгазеты.

— В редколлегию вам ещё рано. Там должны работать самые авторитетные ребята, — сказала Ольга Николаевна.

— Ну, все равно, мы и на какую-нибудь другую работу согласны, — говорит Костя. — Если хотите, пусть нас выберут в санкомиссию. Я уже был в санкомиссии, когда учился во втором классе. Мне очень нравилось ходить и всем приказы давать, чтоб мыли руки и чтоб у всех были чистые уши.

— Санкомиссия у нас уже выбрана. Если хотите, я вам

дам очень интересную работу. Нужно организовать классную библиотечку. Будете выдавать ребятам книги.

— А где взять книги? — спрашиваю я.

— Книги получите в школьной библиотеке. А шкаф я вам достану.

— Я возьмусь, — говорит Костя. — Я люблю книги читать.

— Я тоже, — говорю, — возьмусь.

— Значит, договорились. Постарайтесь быть хорошими библиотекарями. Берегите книги, следите, чтоб ребята тоже бережно обращались с книгами.

Мы пошли к нашей библиотекарше Софье Ивановне, сказали, что мы теперь тоже будем библиотекарями в четвёртом классе и нам нужны книги.

— Вот и хорошо, — сказала Софья Ивановна. — Книги для четвёртого класса у меня есть. Вы сейчас их возьмёте?

Она дала нам целую стопку книг для четвёртого класса, и мы перетасили их в наш класс. Книг было много, штук сто, но когда мы поставили их в шкаф на полки, то нам показалось мало, потому что они заняли всего три полки, а три полки остались пустые.

— Может быть, нам из дому принести ещё книжек, чтоб было побольше? — сказал Костя. — Я могу штук пять принести или шесть.

— Я тоже, — говорю, — могу принести штук пять, но этого мало. На три полки не хватит.

— А что, если у ребят попросить? Может быть, у кого-нибудь есть старые книжки, которые уже прочитаны. Пусть принесут для библиотечки.

Мы поговорили об этом с Ольгой Николаевной.

— Что же, скажите ребятам, может быть, ребята откликнутся на вашу просьбу, — сказала Ольга Николаевна.

На другой день мы объявили ребятам, что теперь у нас будет своя классная библиотечка, только книг у нас ещё не очень много, и, кто хочет, пусть принесёт для библиотечки хоть по одной книжке.

На эту просьбу откликнулись все ребята, и каждый принёс кто книгу, кто две, а многие принесли и больше.

Книг получилось так много, что весь шкаф целиком заполнился. Мы хотели тут же начать выдавать книги ребятам, но Ольга Николаевна сказала, что нужно сначала сделать журнал.

Мы взяли толстую тетрадь и в эту тетрадь записали каждую книгу под номером. Теперь, если нужно было отыскать какую-нибудь книгу, то можно было не рыться на полках, а посмотреть по журналу.

Костя радовался, что теперь в нашей библиотечке такой порядок. Особенно ему нравилось, что все полки заняты книгами.

– Теперь как раз хорошо! – говорил он. – Ни прибавить ничего нельзя, ни убавить.

Он то и дело отворял шкаф и любовался на книги.

Некоторые книжки были уже старенькие. У некоторых еле держались переплёты или оторвались страницы. Мы решили взять такие книжки домой, чтоб починить. И вот, сделав все уроки, мы пошли с Костей ко мне, потому что у меня дома был клей, и взялись за дело. Лика увидела, что мы починяем книжки, и тоже захотела нам помогать.

Особенно много возни у нас было с переплётами. Костя всё время ворчал.

– Ну вот! – говорил он. – Не знаю, что ребята делают с книжками. Бьют друг друга по голове, что ли?

– Кто же это дерётся книжками? – сказала Лика. – Вот ещё выдумал! Книги вовсе не для того.

– Почему же переплёты отрываются? Ведь если я буду

сидеть спокойно и читать, разве переплёт оторвётся?

— Конечно, не оторвётся.

— Вот об этом я и говорю. Или вот, смотрите: страница оторвалась! Почему она оторвалась? Наверно, кто-то сидел да дёргал за листик, вместо того чтоб читать. А зачем дёргал, скажите, пожалуйста? Вот дёрнуть бы его за волосы, чтоб не портил книг! Теперь страничка выпадет и потеряется, кто-нибудь станет читать и ничего не поймёт. Куда это годится, спрашиваю я вас?

— Верно, — говорим, — никуда не годится.

— А вот это куда годится? — продолжал кричать он. — Смотрите, собака на шести ногах нарисована! Разве это правильно?

— Конечно, неправильно, — говорит Лика. — Собака должна быть на четырех ногах.

— Эх, ты! Да разве я о том говорю?

— А о чём?

— Я говорю о том, что разве правильно в книжках собак рисовать?

— Неправильно, — согласилась Лика.

— Конечно, неправильно! А на четырех она ногах или на шести, в этом разницы нет, то есть для книжки, конечно, нет, а для собаки есть. Вообще в книжках ничего не надо рисовать — ни собак, ни кошек, ни лошадей, а то один нарисует собаку, другой кошку, третий ещё что-нибудь придумает, и получится в конце концов такая чепуха, что и книжку невозможно будет читать.

Он взял резинку и принялся стирать собаку. Потом вдруг как закричит:

— А это что? Рожу какую-то нарисовали, да ещё чернилами!

Он принялся стирать рожу, но чернила въелись в бумагу, и кончилось тем, что он протёр в книге дырку.

— Ну, если б знал, кто это нарисовал, — кипятился Шишкин, — я бы ему показал! Я бы его этой книжкой — да по голове!

— Ты ведь сам говорил, что книжками нельзя бить по голове, — сказала Лика. — От этого переплёты отскакивают. Костя осмотрел книгу со всех сторон.

— Нет, — говорит, — эта книжка выдержит, у неё переплёт хороший.

— Ну, — говорю я, — если все библиотекари будут бить читателей по голове книжками, то переплётов не напасёшься!

— Надо же учить как-нибудь, — сказал Костя. — Если у нас будут такие читатели, то я и не знаю, что будет. Я не согласен, чтоб они государственное имущество портили.

— Надо будет объяснить ребятам, чтоб они бережно обращались с книжками, — говорю я.

— А вы напишите плакат, — предложила Лика.

— Вот это дельное предложение! — обрадовался Костя — Только что написать? Лика говорит:

— Можно написать такой плакат: «Осторожней обращайся с книгой. Книга не железная».

— Где же это ты видела такой плакат? — спрашиваю я.

— Нигде, — говорит, — это я сама выдумала.

— Ну, и не очень умно, — ответил я. — Каждый без плаката знает, что книга железная не бывает.

— Может быть, написать просто: «Береги книгу, как глаз». Коротко и ясно, — сказал Костя.

— Нет, — говорю, — мне это не нравится. При чём тут глаз? И потом, не сказано, почему нужно беречь книгу.

— Тогда нужно написать: «Береги книгу, она дорого стоит», — предложил Костя.

— Тоже не годится, — ответил я, — есть книжки дешёвые, так их рвать нужно, что ли?

— Давайте напишем так: «Книга — твой друг. Береги

книгу», – сказала Лика.

Я подумал и согласился:

– По-моему, это подойдёт. Книга – друг человека, потому что книга учит человека хорошему. Значит, её нужно беречь, как друга.

Мы взяли бумагу, краски и написали плакат. На другой день мы повесили этот плакат на стене, рядом с книжным шкафом, и начали выдавать ребятам книжки. Выдавая кому-нибудь из учеников книгу, Костя говорил:

– Смотри, чтоб никаких собак, ни рож, ни чертей в книге не было.

– Как это?

– Ну, возьмёшь да нарисуешь в книге какую-нибудь загогулину.

– Зачем же я стану рисовать?

– Будто я знаю! Моё дело предупредить, чтоб ни рож, ни собак. Это книжка общественная. Если б это была твоя собственная книга, тогда, пожалуйста, рисуй, но даже в собственной книжке не надо ничего рисовать, потому что после тебя она достанется твоему младшему брату или сестре или товарищу дашь почитать. Так что моё дело предупредить, а если ты не будешь слушаться, то потом я не так с тобой буду разговаривать.

– Ну ладно, сказал – и хватит. Но Костя не унимался, и каждому, кто брал книжки, он растолковывал в отдельности, почему надо бережно обращаться с книгами.

После уроков он, пригорюнившись, сидел возле шкафа и с грустью смотрел на поредевшие ряды книг на полках.

– Эх, – горевал он. – Снова книг мало стало! Так хорошо было! Шкаф был полнехонек, а теперь хоть бери и опять где-нибудь доставай книг.

– Что ж тут такого? – утешал его я. – Ведь ребята прочитают и принесут книги обратно.

– «Принесут»! Принести-то они принесут, да что толку! – ответил Костя. – Они одни книжки принесут, а другие взамен их возьмут. Вот никогда и не соберёшь всех

книг обратно.

— Зачем же их собирать? Ведь книги для того, чтоб читать, а не для того, чтоб на полках стоять. Я взял и себе книжку, чтоб почитать дома.

— Как? — говорит Костя. — И ты берёшь? И так книжек мало осталось.

— Да я, — говорю, — быстренько прочитаю и принесу. Тогда и он взял себе книжку.

— Ну ничего, — утешал он сам себя. — Будет на одну книжку меньше. Все равно их мало осталось.

С тех пор мы с Костей имели свободный доступ к книгам и стали много читать. Костя так увлёкся, что читал даже на улице. Возьмёт из библиотечки книжку, идёт по улице и читает. Кончилось это тем, что он налетел на фонарный столб и набил на лбу шишку. После этого он перестал читать на улице и читал только дома.

К библиотечной работе он относился серьёзно, и постепенно у него даже характер переменялся. Он стал аккуратным, более организованным и не таким рассеянным, как был раньше. К ребятам он относился требовательно. Если кто-нибудь приходил за книжкой с грязными руками, он начинал «пилить» его:

— Как тебе не стыдно? Почему у тебя такие грязные руки?

— Ну испачкались. Тебе-то какое дело?

— Как — какое дело? Ты ведь за книжкой пришёл?

— За книжкой.

— И ты такими руками будешь брать книжку?

— Какими же мне её ещё брать руками?

— Чистыми надо брать руками. Ты ведь своими руками книжку испачкаешь!

— Ну, я приду домой — вымою.

— Нет, голубчик, иди-ка ты лучше под кран и вымой руки, а потом я тебе дам книжку.

Если кто-нибудь брал книжку и долго не приносил, Костя делал ему выговор:

– И тебе не стыдно так долго книжку держать? Другим ребятам тоже хочется почитать, а ты держишь и держишь! Если неохота читать, то отдай книжку обратно, а потом снова возьмёшь.

– Я ведь не прочитал. Прочитаю и принесу.

– Так ты, может, до скончания веков будешь читать!

– Зачем до скончания веков? Книжка ведь выдаётся на десять дней.

– Ну на десять дней. А ты когда взял?

– А я взял неделю назад. Ещё не прошло десяти дней.

– А тебе обязательно надо, чтобы все десять дней прошли? Десять дней – крайний срок. А ты прочитал раньше и приноси раньше, никто тебе не велит все десять дней держать.

– Так говорят же тебе, что ещё не прочитал!

– Ну, так читай быстрее!

Если кто-нибудь слишком быстро приносил книгу, ему это тоже не нравилось:

– Послушай, когда же ты успел прочитать? Вчера только взял книжку, а сегодня уже обратно принёс! Может быть, ты и не читал её?

– Зачем же я тогда брал?

– Откуда же я знаю, зачем ты берёшь! Может быть, ты только картинки рассматриваешь.

– Что я, маленький?

– Ну ладно, рассказывай, о чём здесь написано.

– Что это ещё за экзамен?

– Ну, мне нужно проверить, читал ты или не читал.

– Не твоё дело! Твоё дело выдавать книжки, а не проверять.

– Нет, уж если меня назначили библиотекарем, то я должен проверить. Если ты не читаешь, то тебе, может быть, не нужно и давать книг. Пусть лучше кто-нибудь другой берет, кто читает.

Приходилось ученику рассказывать содержание книжки.

Глава двадцать первая

С тех пор как Костя исправил свою двойку по русскому и мы с ним стали вести общественную работу, наш авторитет среди ребят очень повысился. Косте разрешили играть в баскетбольной команде, и он оказался очень способным игроком. Мы выбрали его капитаном своей команды. Костя очень хорошо натренировал свою команду, и мы выиграли первенство в школьном соревновании. От этого наш авторитет ещё больше увеличился, и о нашей команде написали в школьной стенгазете.

Но ещё не всё было у нас благополучно. Мы с Костей упорно продолжали заниматься по русскому языку, но он как застрял на тройке, так и не мог сдвинуться с места. Ему казалось, что после тройки он тут же сразу получит четвёрку, а потом и пятёрку, но не тут-то было!

Ольга Николаевна упорно продолжала ставить ему тройки, так что в конце концов Костя даже начал приходить в отчаяние.

— Вы понимаете, — говорил он Володе, — мне теперь уже нельзя учиться на тройку. Я библиотекарь в классе и капитан команды. Про меня в школьной стенгазете написано. А я учусь на тройку! Куда это годится?

— Потерпи ещё немного, — сказал Володя. — Надо продолжать заниматься.

— А я разве к тому говорю, чтоб не заниматься? Я все равно буду заниматься, только мне Ольга Николаевна никогда не поставит отметки лучше, чем тройка. Она уже привыкла, что я плохо учусь. Так я и буду ехать всё время на тройке.

— Нет, — ответил Володя, — Ольга Николаевна справедливая. Когда ты будешь знать на четвёрку, она поставит тебе четвёрку.

– Ах, скорей бы она поставила! – говорил Костя. – Во всём классе один я троечник. Если бы не я, весь класс учился бы только на «хорошо» и «отлично». Я всему классу дело порчу!

Мы снова решительно брались за дело. Ольга Николаевна тоже занималась с Костей отдельно после уроков, и он хотя медленно, но зато верно продвигался вперёд. Прошло полтора месяца с тех пор, как Костя получил тройку, и вот у него наконец появилась четвёрка. Это было радостное событие для всего класса.

В тот день у нас было собрание, и Ольга Николаевна сделала сообщение об успеваемости.

– Теперь у нас в классе нет плохих отметок, – сказала она. – Мы изжили не только двойки, но даже и тройки.

Она сказала, что мы с Костей очень хорошо поработали и Костя подтянулся так, что в дальнейшем сможет хорошо учиться.

– В нашей школе есть очень хорошие классы, где много отличников и хороших учеников, но такого дружного класса, как наш, где все учатся только хорошо и отлично, пока больше нет, – сказала Ольга Николаевна. – Думаю, что и другие классы последуют хорошему примеру наших учеников и добьются хорошей успеваемости. А вам, ребята, не нужно успокаиваться на достигнутом. Если вы успокоитесь и станете меньше работать, то опять можете снизить отметки.

Потом выступил вожатый Володя и сказал:

– Ребята, я напишу о вашем классе статью в школьную стенгазету, чтоб вся школа знала, как вы работаете, и чтоб другие классы могли брать с вас пример. А вы расскажите, что вам помогло добиться хороших результатов в учёбе.

– Я думаю, это оттого, что Ольга Николаевна нас хорошо учила, – сказал Ваня Пахомов.

– Ольга Николаевна у нас очень хорошая, вот это и потому, – сказал Вася Ерохин.

– В классе не всё зависит от учительницы, – сказала Ольга Николаевна. – И у хороших учителей бывают такие классы, где не все ученики учатся хорошо.

– Мы добились успехов потому, что Ольга Николаевна нас хорошо учила, и ещё потому, что все захотели хорошо учиться, – сказал Толя Дёжкин.

– Вот и скажите, почему все захотели? – спросил Володя.

– Можно мне сказать? – попросил Костя. – Мне кажется, это потому, что у нас в классе между ребятами настоящая дружба. Каждый думает не только о себе, но и о своих товарищах. Это я на себе испытал. Когда я плохо учился, все ребята думали обо мне. Только я тогда был ещё очень глупый и даже обижался. А теперь я вижу, что ребята хотели мне помочь и боролись за честь всего класса.

– Ты правильно сказал, Костя: дружба помогла вашему классу добиться успехов, – сказал Володя. – В вашем классе ребята поняли, что настоящая дружба состоит не в том, чтобы прощать слабости своих товарищей, а в том, чтобы быть требовательным к своим друзьям

– Позвольте мне сказать, – попросил я. – Вот я теперь понял, как нужно относиться к своему другу. От него надо требовать, чтоб он был хорошим. Если он ошибается, то надо ему сказать, а если не скажешь – значит ты сам плохой товарищ. Это я тоже на себе испытал. Костя сначала поступал неправильно, а я помогал ему в этом, и от этого получился один только вред. А потом я стал требовательным к нему, и теперь я ему настоящий друг.

– Ты рассудил правильно, – ответил Володя. Так мы

разговаривали долго и задавали разные вопросы, а потом Костя сказал:

– Ольга Николаевна, я хочу попросить вас: поставьте мне мою четвёрку в дневник.

– В конце недели я буду проставлять всем отметки, тогда и тебе поставлю, – ответила Ольга Николаевна.

– Ну, поставьте сегодня, Ольга Николаевна, мне очень хочется!

– Зачем же тебе так спешно? Твоя четвёрка от тебя не уйдёт.

– Я знаю, что не уйдёт. Я хотел показать маме. Я давно уже обещал маме, что у меня будет четвёрка по русскому языку.

– Разве мама тебе без дневника не поверит? – спросила Ольга Николаевна.

– Поверит! – ответил Костя. – Только, знаете, на словах это так... А когда в дневнике – это совсем иначе.

– Правда, Ольга Николаевна, поставьте! Ему очень хочется! – стали просить ребята. Володя тоже сказал:

– Мы все просим, Ольга Николаевна! Только ему, а остальным в конце недели.

Ольга Николаевна улыбнулась.

– Ну, если все просят... – сказала она и взяла у Кости дневник.

Костя с волнением смотрел, как Ольга Николаевна поставила в его дневнике четвёрку.

Мы с Костей вышли из школы, и я заметил, что, пока мы сидели в классе, на дворе стало теплей. Мороз отпустил. С утра ещё было холодно, а теперь под крышами заплакали сосульки. Они сверкали на солнышке, как блестящие украшения на новогодней ёлке. В лицо нам дул ветер. Он был какой-то мягкий, тёплый и ласковый. От него пахло вот как пахнет водой у реки в

жаркий день. Казалось, что этот ветер примчался к нам прямо с юга, из широких степей Казахстана, где уже наступила весна и начался сев. На душе у меня стало так хорошо, так радостно! Сердце громко стучало в груди и рвалось на простор. Хотелось куда-то мчаться или лететь. В голове теснились какие-то чудесные мысли, от которых захватывало дух, хотелось быть добрым, хорошим; хотелось сделать что-то необыкновенное, чтобы все удивились и чтобы всем стало так хорошо, как было мне.

Вот какие мысли были у меня в голове. А Костя шёл и ничего не замечал. Потом он остановился, вынул из сумки дневник и полюбовался на свою четвёрку.

— Вот она, четверочка! — улыбнулся он. — Сколько я мечтал о ней! Сколько раз думал: вот получу четвёрку и покажу маме, и мама будет довольна мной. Я знаю, что не для мамы учусь, мама всегда говорит об этом, но всё-таки я хоть немножечко, а и для мамы учусь. Ведь ей хочется, чтоб её сын был хорошим. Я буду хорошим, вот увидишь. И мама будет гордиться мной. Ещё поднажму, и у меня будет пятёрка. Пусть тогда мама гордится. И тётя Зина пусть тоже гордится. Пусть, мне не жалко. Ведь тётя Зина тоже хорошая, хотя и пробирает меня иногда.

Он остановился, спрятал в сумку дневник и огляделся по сторонам. Потом вздохнул полной грудью.

— Ты чувствуешь? — сказал он. — Это весенний ветер! Скоро весна. Ведь сейчас уже конец февраля, а февраль — последний месяц зимы. Скоро наступит март, и придёт весна, и потекут ручейки, и зазеленеет трава, в лесах проснутся ежи и ужи и другие разные звери, и запоют птички, и зацветут цветы...

И он начал ещё что-то рассказывать про весну и про птичек, но я не запомнил, потому что как раз в это время мне в голову пришла мысль написать про все, что с нами

случилось. С тех пор я начал писать и писал чуть ли не каждый день понемногу, и, хотя я писал не обо всём, а только самое главное, я подошёл к концу, уже когда занятия в школе кончились и мы с Костей перешли в следующий класс с одними пятёрками.

Вот и все, о чём мне хотелось сказать.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Катаев. О Николае Носове</i>	5
--	---

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

Прятки. <i>Рис. Г. Валька</i>	11
Затейники. <i>Рис. Г. Валька</i>	16
Леденец. <i>Рис. Г. Валька</i>	19
Про репку. <i>Рис. Г. Валька</i>	22
Милиционер. <i>Рис. Г. Валька</i>	32
Три охотника. <i>Рис. И. Семёнова</i>	35
Когда мы смеёмся. <i>Рис. И. Семёнова</i>	43
Винтик, шпункит и пылесос. <i>Рис. Г. Валька</i>	51
Бобик в гостях у Барбоса. <i>Рис. И. Семёнова</i>	55
Под одной крышей. <i>Рис. Г. Валька</i>	62

ПОВЕСТИ

Дневник Коли Синицына. <i>Рис. В. Ладыгина</i>	97
Витя Малеев в школе и дома. <i>Рис. Г. Позина</i>	192

И читателям

*Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

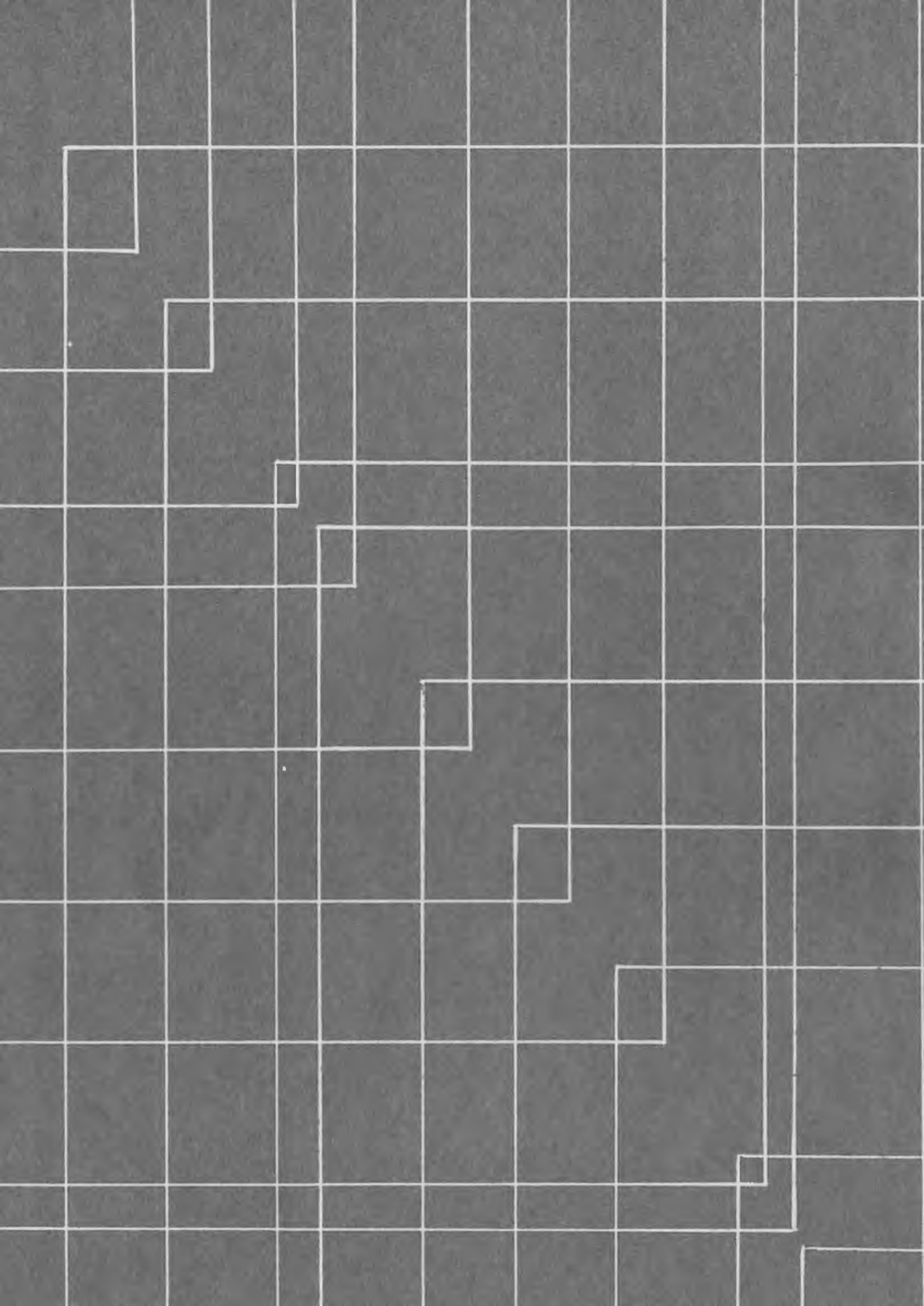
Носов Николай Николаевич

РАССКАЗЫ, СКАЗКИ, ПОВЕСТИ

■ ■ ■

Ответственный редактор Л. И. Гульбинская
Художественный редактор Н. Г. Холодовская
Технический редактор С. Г. Маркович
Корректоры Л. И. Дмитриук и Т. П. Лейзерович
Сдано в набор 13-V 1968 г. Подписано к печати 30-IX 1968 г.
Формат 60×90^{1/16}. Печ. л. 41,63 (Уч.-изд. л. 30,62+1 вкл.=
30,7) Тираж 300 000 (150 001—300 000) экз. Цена 1 р. 29 к. на
бум. № 1. Издательство „Детская литература“. Москва, М.
Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика „Детская книга“ № 1 Росглавполиграфпрома Комитета
по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сушевский
вал, 49. Заказ № 2524.

■ ■

1 руб. 29 коп.